А 259
620

СПБ 1900

125.9
620

Н. КАРѢЕВЪ.

ЗАМѢТКИ
О ПРЕПОДАВАНІИ ИСТОРІИ
ВЪ СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ.

Вступительныя замѣчанія.—Значеніе учебника исторіи.—Выборъ и классификація фактическаго матеріала.—Всемірно-историческая точка зрѣнія.—Систематизація и изложеніе учебника.—Пользованіе учебникомъ въ классѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1900.

Продаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга и Москвы

СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ ШКОЛА“

1) **Мысли о воспитаніи.** *Джона Локка.* Переводъ съ англійскаго Петра Вейнберга. 1891 г. Цѣна 1 руб.

2) **Душа ребенка въ первые годы жизни.** Двѣ публичныхъ лекціи проф. *Н. Н. Ланге.* 1892 г. Цѣна 40 коп.

3) **Цѣль и средства преподаванія низшей математики съ точки зрѣнія общаго образованія.** *С. И. Шохоръ-Троцкаго* 1892 г. Цѣна 60 коп.

4) **Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки.** *П. Г. Мижуева.* Цѣна 50 коп.

5) **Вопросъ объ образованіи русскихъ евреевъ въ царствованіе императора Николая I-го.** *А. В. Бѣлецкаго.* Цѣна 1 руб.

6) **Обязательный минимумъ образованія.** *М. Л. Песковскаго.* Спб. 1895 г. Цѣна 80 коп.

7) **Очеркъ развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ Англіи.** *П. Г. Мижуева.* 1896 г. Цѣна 30 коп.

8) **Народныя чтенія.** (Руководство къ устройству народныхъ чтеній). *В. П. Вахтерова.* 1897 г. Цѣна 1 руб.

9) **Новый способъ обученія слиянію звуковъ при обученіи грамотѣ.** *В. Флерова.* 1899 г. Изданіе 2-е. Цѣна 25 коп.

10) **Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели.** *П. Ѳ. Каптерева.* 1898 г. Цѣна 80 коп.

11) **Очерки развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Англіи.** *П. Г. Мижуева.* 1898 г. Цѣна 80 коп.

12) **Психологія перваго дѣтства.** *Проф. Ф. Трэси.* Переводъ со второго изданія *П. Г. Мижуева.* 1899 г. Цѣна 80 коп.

13) **Нѣмецкая и русская методика ариѳметики за текущее столѣтіе.** *М. И. Успенскаго.* 1899 г. Цѣна 40 коп.

14) **Очерки современнаго состоянія начальнаго образованія въ Зап. Европѣ.** *М. И. Страховой.* 1899 г. Цѣна 50 коп.

15) **Къ вопросу о реформѣ системѣ средняго образованія, въ особенности же классическихъ гимназій.** *Я. Г. Гуревича.* 1900 г. Цѣна 30 коп.

Складъ всѣхъ этихъ изданій: а) въ книжномъ магазинѣ Стасюлевича и, б) въ книжномъ складѣ М. С. Залшупкина, Спб. Б. Московская, д. 11.

201-88
6214-1

Н. КАРѢЕВЪ.

ЗАМѢТКИ
О ПРЕПОДАВАНІИ ИСТОРІИ
ВЪ СРЕДНЕЙ ШКОЛѢ.

Вступительныя замѣчанія.—Значеніе учебника исторіи.—Выборъ и классификація фактическаго матеріала.—Всемірно-историческая точка зрѣнія.—Систематизація и изложеніе учебника.—Пользованіе учебникомъ въ классѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И Н. Скороходова (Надеждинская. 43)
1900.

Дозволено цензурою 5 февраля 1900 года. С.-Петербургъ.

2007059362

I. Нѣсколько вступительныхъ замѣчаній.—II. Мѣсто, занимаемое учебникомъ въ школьномъ преподаваніи исторіи, и выборъ матеріала для учебника.—III. Классификація историческаго матеріала, который долженъ составлять содержаніе учебника.—IV. Неодинаковая доступность историческаго матеріала для учащихся.—V. Всемірно-историческая точка зрѣнія въ преподаваніи исторіи.—VI. Систематизація историческаго матеріала въ учебникѣ всеобщей исторіи.—VII. Примѣрная программа учебника по новой исторіи (съ разборомъ плана въ двухъ существующихъ учебникахъ).—VIII. Каково должно быть изложеніе учебника?—IX. Пользованіе историческимъ учебникомъ въ классѣ.

I.

Посвящая настоящія замѣтки вопросу о преподаваніи исторіи въ средней школѣ, я не буду здѣсь распространяться объ общемъ значеніи историческаго образованія. Повидимому, нашимъ обществомъ это значеніе сознается уже въ достаточной степени. Сознается оно также, сколько я знаю, и самою учащеюся молодежью, по крайней мѣрѣ, наполняющею наши высшія учебныя заведенія. Притомъ собственные взгляды на этотъ вопросъ я уже неоднократно высказывалъ въ печати *), и повторять здѣсь эти взгляды я не вижу надобности. Я предполагаю, что читателями этой моей статьи будутъ прежде всего преподаватели исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и вообще люди, близко стоящіе къ воспитанію подростающихъ поколѣній, что никто изъ нихъ не сомнѣвается въ необхо-

*) «О сущности гуманитарнаго образованія» (Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е).

«Общее значеніе историческаго образованія» (тамъ же).

«Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи» (глава VI: «О томъ значеніи, какое для самообразованія должно имѣть знакомство съ исторіей»).

«Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія» (глава VII: «Объ историческомъ и соціологическомъ образованіи»).

«Мысли о сущности общественной дѣятельности» (стр. V—XXI).

«Объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ съ точки зрѣнія интересовъ общаго образованія» (въ «Историческомъ Обозрѣніи», т. VIII, и въ первомъ изданіи «Программъ чтенія для самообразованія»).

димости исторіи, какъ предмета преподаванія въ средней школѣ, и что всѣ они въ той или другой мѣрѣ заинтересованы вопросомъ о наилучшей постановкѣ этого учебнаго предмета.

Признавая громадную важность историческаго образованія въ жизни и для общественной дѣятельности, я менѣе всего, конечно, думаю о томъ, чтобы средняя школа могла сообщить среднему интеллигентному человѣку всѣ тѣ историческія знанія и все то историческое пониманіе, которыя ему необходимо имѣть, какъ образованному человѣку и общественному дѣятелю. Я думаю только, что средняя школа должна дать каждому оканчивающему въ ней курсъ болѣе или менѣе солидный фундаментъ историческаго образованія, должна поселить въ немъ прочный интересъ къ исторіи и развить въ немъ способность къ научному ея пониманію. Къ сожалѣнію, изъ средней школы слишкомъ часто выходятъ молодые люди, почти совершенно лишенные историческихъ знаній, если не считать за таковыя разныхъ обрывковъ и анекдотовъ, собственныхъ именъ и хронологическихъ датъ. Бываетъ и еще хуже:—не только отсутствіе интереса къ исторіи, но и прямое къ ней отвращеніе или, по крайней мѣрѣ, полное непониманіе ея образовательнаго значенія. Правда, жизнь потомъ открываетъ многимъ глаза на недостатки ихъ школьнаго образованія, и люди начинаютъ восполнять пробѣлы своего знанія путемъ самообразовательнаго чтенія, но многіе такъ и остаются при своемъ историческомъ невѣжествѣ. Съ другой стороны, то, что упущено въ школѣ, не всегда можетъ быть восполнено самообразованіемъ—по недостатку во времени или въ компетентномъ руководительствѣ, а также и по другимъ подобнымъ причинамъ. Наконецъ, и самая успѣшность самообразованія зависитъ отъ предварительной подготовки въ смыслѣ знаній и умственныхъ навыковъ.

Причины довольно печальнаго въ общемъ состоянія, въ какомъ находится историческое преподаваніе въ средней школѣ, весьма различны. Не входя здѣсь въ подробное разсмотрѣніе этихъ причинъ, позволю себѣ, однако, нѣсколько на нихъ остановиться.

Прежде всего—положеніе исторіи среди другихъ предметовъ преподаванія. Главный типъ, задающій общій тонъ школамъ другихъ типовъ, есть, разумѣется, наша классическая гимназія, воспитанники которой наполняютъ всѣ университеты и медицинскую академію, а также составляютъ громадное число студентовъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній. Между тѣмъ въ классической гимназіи главными предметами оффиціально признаются лишь древніе языки, математика и родной языкъ. Вмѣстѣ съ остальными предметами исторія обречена на роль предмета второстепеннаго, на который и времени удѣляется меньше, и меньше обращается вниманія. Отъ пре-

подавателей исторіи въ гимназіяхъ и другихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ постоянно слышатся сѣтованія на недостатокъ времени. Его едва хватаетъ на выполненіе программы, которое неизбѣжно дѣлается бѣглымъ и поверхностнымъ. Некогда большею частью ни углубиться въ отдѣльныя части предмета, ни основательно повторить его въ его цѣломъ по завершеніи программы годового курса. Не подлежитъ сомнѣнію, что для болѣе успѣшнаго прохожденія исторіи въ объемѣ существующихъ учебниковъ необходимо было-бы увеличить число недѣльныхъ уроковъ. Далѣе, при системѣ отмѣтокъ, которыя, между прочимъ, оказываютъ вліяніе на полученіе стипендій, освобожденіе отъ платы и т. п. даже за предѣлами средней школы (на первомъ курсѣ высшихъ учебныхъ заведеній), хорошій баллъ, полученный по исторіи, не имѣетъ такого значенія, какое принадлежитъ балламъ по «главнымъ предметамъ», и въ представленіи учениковъ создается взглядъ на исторію, какъ на предметъ, которымъ можно заниматься спустя рукава. Наконецъ, и отдѣльныя части самого интересующаго насъ предмета не пользуются равноправностью съ той-же оффиціальной точки зрѣнія. Что исторія родной страны должна изучаться обстоятельнѣе и основательнѣе, чѣмъ исторія другихъ народовъ, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы такъ-называемая всеобщая исторія находилась въ пренебреженіи. Между тѣмъ наши гимназическія программы создаютъ какую-то особую привилегію для исторіи грековъ и римлянъ, крайне вредно отзывающуюся на исторіи древняго Востока, среднихъ вѣковъ и новаго времени. Востокъ совсѣмъ исключается изъ курса, на среднюю и новую исторію дается меньше часовъ, чѣмъ слѣдовало-бы, и на окончательномъ экзаменѣ эти два отдѣла или совсѣмъ не спрашиваются, или спрашиваются лишь pro forma. Можно сказать на экзаменѣ, что Карлъ Великій жилъ въ XV вѣкѣ, и благополучно пройти.

Между тѣмъ исторія должна была-бы и могла-бы занять въ системѣ школьнаго образованія болѣе почетное мѣсто. Я не говорю о томъ, чтобы ее причислить къ главнымъ предметамъ, потому что дѣло не въ искусственномъ причисленіи, да и дѣленіе научныхъ предметовъ на главные и второстепенные въ средней школѣ едва-ли педагогично. Я имѣю въ виду лишь важность исторіи въ дѣлѣ гуманитарнаго образованія. При извѣстной постановкѣ она могла-бы сдѣлаться даже центральнымъ предметомъ гуманитарнаго образованія (которое, въ свою очередь, замѣчу въ скобкахъ, должно быть дополнено и образованіемъ естественно-историческимъ). Если-бы я разрабатывалъ здѣсь эту тему, то привелъ-бы и болѣе подробную аргументацію въ пользу такой мысли. Ограничусь лишь ссылкою на

оставшійся мало извѣстнымъ въ печати планъ покойнаго Буслаева о сосредоточеніи всего средняго образованія около исторіи *), оставляя за собою право вернуться къ этой темѣ впослѣдствіи **).

Другой причиной неудовлетворительнаго состоянія, въ какомъ чуть не въ большинствѣ случаевъ находится преподаваніе исторіи въ средней школѣ, является трудность и сложность самаго дѣла. Въ отвѣтъ на жалобы относительно недостатка времени, отводимаго на исторію, и второстепеннаго значенія, приписываемаго этому предмету, нерѣдко приходится слышать, что больше и времени не стоитъ тратить въ виду крайней невыработанности пріемовъ преподаванія исторіи. Что въ преподаваніи исторіи нѣтъ такой опредѣленности и точности, какая возможна въ преподаваніи математики, это—правда. По самой сущности дѣла, обучать исторіи (конечно, какъ слѣдовалобы) труднѣе, нежели обучать математикѣ, а потому и методика исторіи много отстала отъ методики математики. Къ сожалѣнію, однако, у насъ слишкомъ мало дѣлалось усилій къ тому, чтобы подвинуть дѣло впередъ, и слишкомъ много, наоборотъ, дѣлалось такого, что только тормозило развитіе новыхъ пріемовъ. Преподаваніе исторіи у насъ слишкомъ регламентировалось разными примѣрными программами и объяснительными записками, чтобы въ результатѣ не могло не получиться царство рутины.

Какъ на причину неудовлетворительности преподаванія исторіи, указываютъ и на малую подготовленность преподавателей. Это—вопросъ болѣе общій, котораго здѣсь я разсматривать не стану, но есть въ немъ и частная сторона, которую нельзя обойти молчаніемъ. Несомнѣнно, что наилучшую научную подготовку для занятія учительской должности по предмету исторіи можно получить лишь на историческомъ отдѣленіи историко-филологическаго факультета. Такія спеціальныя отдѣленія стали формироваться у насъ лишь въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, но въ серединѣ восьмидесятыхъ были уничтожены и стали возстановляться лишь въ истекающемъ десятилѣтіи. Перерывъ въ ихъ развитіи, приходящійся главнымъ образомъ на 1884—1889 г., отозвался очень неблагопріятно и на приготовленіи знающихъ преподавателей исторіи. Притомъ, замѣщая учительскія мѣста, начальства учебныхъ заведеній нерѣдко назначаютъ на должность учителя исторіи классиковъ или славистовъ, т.-е. не прямыхъ спеціалистовъ дѣла.

---

*) Онъ былъ напечатанъ въ не поступавшемъ въ продажу изданіи: «Учебный планъ предполагаемаго Московскаго дворянскаго института для дѣвицъ». Москва. 1886.

**) Подробности о планѣ Ѳ. И. Буслаева были сообщены мною въ статьѣ «Объ отношеніи исторіи къ другимъ наукамъ» и т. д., указанной выше.

Наконецъ, указываютъ на недостатокъ въ хорошихъ учебникахъ. Дѣйствительно, въ теченіе цѣлой четверти вѣка царилъ въ нашихъ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ учебникъ, вся неудовлетворительность котораго не видна лишь потому, что очень ужъ къ нему привыкли. Создалось даже представленіе, что составитель этого учебника имѣетъ своего рода оффиціальную монополію,—представленіе, совершенно невѣрное,—и всякая конкуренція съ нимъ считалась немыслимою. Едва-ли, однако, когда-либо выработается у насъ хорошій учебникъ, если не будутъ дѣлаться новыя и новыя попытки.

Настоящія замѣтки о преподаваніи исторіи въ средней школѣ я и посвящаю главнѣйшимъ образомъ вопросу о томъ, каковъ долженъ быть учебникъ исторіи и какъ имъ слѣдуетъ пользоваться.

II.

Учебникъ исторіи отнюдь не можетъ быть единственнымъ источникомъ, изъ котораго ученики должны получать свои историческія знанія. Не говоря уже о томъ, что и въ исторіи, какъ и въ математикѣ, важное значеніе должно принадлежать разъясненіямъ преподавателя, который, такъ сказать, необходимо занимается растолкованіемъ текста учебника, въ исторіи, кромѣ того, нужны еще дополненія къ учебнику, т.-е. сообщеніе ученикамъ свѣдѣній, не заключающихся въ текстѣ учебника. Матеріалъ исторической науки, даже въ томъ его объемѣ, въ какомъ онъ можетъ быть сообщаемъ ученикамъ средней школы, слишкомъ обширенъ для того, чтобы его весь можно было включить въ учебникъ. Съ другой стороны, ограничить преподаваніе исторіи лишь такимъ количествомъ матеріала, которое укладывается въ рамки учебника, разсчитаннаго на опредѣленное количество уроковъ, значитъ сдѣлать преподаваніе крайне сухимъ и безжизненнымъ. Свѣдѣнія о фактахъ менѣе важныхъ, но стоящихъ съ связи съ важными фактами, разныя подробности объ этихъ самыхъ фактахъ, болѣе обстоятельныя, чѣмъ можно дать въ учебникѣ, разъясненія ихъ связи и значенія, историческіе анекдоты, характеризующіе личность или эпоху, и т. п. должны сообщаться ученикамъ въ разсказѣ преподавателя, либо въ книгахъ для класснаго или внѣкласснаго чтенія. Кромѣ того, преподаваніе исторіи не можетъ, конечно, вестись безъ историческихъ картъ, иллюстрацій, таблицъ и справочныхъ пособій. Разъ это такъ, учебникъ исторіи не долженъ быть обремененъ такимъ матеріаломъ, который съ бо́льшимъ удобствомъ найдетъ себѣ мѣсто въ разсказѣ преподавателя или въ книгахъ, которыя могутъ читаться ученикамъ

въ классѣ или самими учениками дома. Учебникъ долженъ быть только своего рода остовомъ здапія историческаго преподаванія: всѣ второстепенныя части этого здапія, легкія пристройки, разныя украшенія не должны заслонять этого остова.

Главнымъ содержаніемъ учебника должно быть то, что необходимо заучить, но и такое требованіе не можетъ быть безусловнымъ. Учебникъ не можетъ считаться вполнѣ удовлетворяющимъ своему назначенію, если не представитъ фактовъ въ строгой связи и послѣдовательности. Отсюда въ учебникѣ необходимо будутъ такія мѣста, которыя не могутъ имѣть самостоятельнаго значенія. Эти мѣста будутъ лишь прочитываться, дабы при ихъ помощи ученикъ могъ не терять изъ виду связи между мѣстами, подлежащими заучиванію. Подобное-же значеніе можетъ принадлежать мѣстамъ, вставленнымъ въ учебникъ лишь для лучшаго разъясненія того, что должно быть заучено, или для оріентировки (напримѣръ, хронологическія даты, отмѣченныя въ учебникѣ именно съ этою цѣлью, а не для заучиванія). Кромѣ того, въ одномъ и томъ-же классѣ бываютъ ученики весьма неравнаго ума и развитія, и дать въ учебникѣ лишь minimum того, что доступно пониманію и усвоенію со стороны наименѣе сильныхъ, значило-бы отнять у послѣднихъ возможность узнать въ краткомъ и доступномъ имъ видѣ многія вещи, о существованіи которыхъ инымъ путемъ въ данное время они, пожалуй, и не узнаютъ. Требованіе, чтобы учебникъ давалъ лишь остовъ предмета, и требованіе, чтобы не все, сообщаемое учебникомъ, непремѣнно заучивалось учениками, одно другому не противорѣчатъ. Остовъ останется остовомъ, будемъ-ли мы требовать, чтобы онъ весь усвоивался памятью, или найдемъ возможнымъ, чтобы съ нѣкоторыми его частями ученикъ знакомился, такъ сказать, лишь мимоходомъ. Къ сожалѣнію, многіе учебники заставляютъ учениковъ заучивать разные анекдоты и не даютъ ни малѣйшаго понятія о сути дѣла *).

Считая нужнымъ устранить изъ учебника исторіи многое такое, что болѣе умѣстно въ разсказѣ учителя или въ книгѣ для чтенія и можетъ быть незаучиваемо, и полагая вмѣстѣ съ тѣмъ, что и въ самомъ учебникѣ не все необходимо должно быть заучиваемо, мы думаемъ, далѣе, что и вообще при изученіи исторіи должно быть какъ можно меньше простого заучиванія. Было время, когда думали, да и теперь думаютъ люди, мало знакомые съ дѣломъ, будто «исторія—дѣло одной памяти». Такъ могло быть, когда сами пре-

*) См. статью *О. П. Герасимова* «Одна изъ старыхъ чертъ въ нашей учебно-исторической литературѣ» («Историч. Обозр.», т. VII)

подаватели исторіи и составители учебниковъ полагали, что одна изъ цѣлей преподаванія исторіи заключается въ изощреніи памяти. Лучшимъ ученикомъ считался у нихъ тотъ, который быстро и безошибочно перечислялъ королей съ годами ихъ царствованія, легко воспроизводилъ сложныя родословныя, называлъ, одно за другимъ, сраженія въ какой-либо войнѣ, съ указаніями на имена полководцевъ, число сражавшихся и т. п. Теперь даже смѣшно доказывать нелѣпость такого преподаванія исторіи, хотя, къ сожалѣнію, у многихъ еще держится тотъ взглядъ, будто исторія должна изучаться ради развитія памяти. Одной изъ причинъ неудовлетворительности историческаго преподаванія, кажется мнѣ, и является то обстоятельство, что при преподаваніи исторіи до сихъ поръ еще слишкомъ много обращаются лишь къ одной памяти учащихся.

При преподаваніи исторіи нужно, наоборотъ, заботиться о томъ, чтобы не обременять память учащихся излишнимъ матеріаломъ. Это касается прежде всего собственныхъ именъ и хронологическихъ датъ. Относительно наибольшее количество собственныхъ именъ до сихъ поръ дается въ учебникахъ тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о войнахъ. По старой традиціи отъ тѣхъ временъ, когда въ общемъ изложеніи исторіи на первый планъ выдвигались международныя политическія отношенія, все еще названія мѣстъ, гдѣ происходили сраженія, и фамиліи выигрывавшихъ или проигрывавшихъ ихъ полководцевъ въ большомъ количествѣ пестрятъ страницы учебниковъ. Возьмите любое руководство по новой исторіи и загляните въ изложеніе войнъ Людовика XIV, Фридриха II или Наполеона I. Конечно, тридцатилѣтнюю войну нельзя излагать, не называя Тилли, Валленштейна или Густава-Адольфа, но въ разсказѣ о войнахъ за австрійское наслѣдство и семилѣтней легко обойтись безъ генераловъ Фридриха II. Далѣе, отъ тѣхъ временъ, когда внѣшній порядокъ изложенія исторіи опредѣлялся царствованіями, сохранился въ учебникахъ обычай не пропускать, по возможности, ни одного государя, и это равнымъ образомъ ведетъ къ тому, что въ учебники попадаютъ лишнія имена съ совершенно ненужными подробностями объ ихъ носителяхъ, разъ о нихъ ничего важнаго сказать нельзя.

Относительно историческихъ именъ въ учебникѣ нужно быть какъ можно экономнѣе. Когда собственное имя легко можетъ быть опущено безъ ущерба для отчетливаго знанія факта, съ которымъ оно связано, когда съ именемъ не соединяется представленія о характерѣ и значеніи личности, особенно-же, когда это имя мелькнетъ разъ среди другихъ именъ и болѣе не встрѣтится ученику ни въ какой связи, его лучше не заучивать и, пожалуй, даже совсѣмъ не приводить въ учебникѣ. Такія имена скоро забываются, а если и дер-

жатся въ памяти, то спутываются между собою. Память имѣетъ свои предѣлы, и заучиваніе лишнихъ именъ можетъ только мѣшать запоминанію именъ, которыя, дѣйствительно, нельзя не знать.

Злоупотребленіе годами, т.-е. хронологическими данными, стоитъ рядомъ съ злоупотребленіемъ именами. Въ былыя времена зубреніе хронологіи играло важную роль въ изученіи исторіи, и на хронологіи часто выѣзжали на экзаменахъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ, оканчивая курсъ гимназіи, я, напримѣръ, помнилъ около двухъ тысячъ хронологическихъ датъ (по учебникамъ Вебера и Иловайскаго), не знаю, во сколько разъ болѣе того количества годовъ, которое помню теперь послѣ четверти вѣка преподованія исторіи въ гимназіи и университетѣ. Министерство Народнаго Просвѣщенія въ семидесятыхъ годахъ очень хорошо сдѣлало, опредѣливъ то количество годовъ, которое преподаватель въ правѣ требовать отъ ученика. Въ свое время это было положительно необходимо. Новѣйшіе учебники даже слишкомъ скупятся на хронологію. Если зазубривать нужно датъ поменьше, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы учебникъ давалъ ихъ только въ обрѣзъ. Я думаю, что не для заучиванія, а для хронологическаго оріентированія нужно побольше точныхъ указаній на время тѣхъ или другихъ событій въ учебникѣ.

Къ чрезмѣрному количеству именъ и датъ учебники сводились весьма естественно въ тѣ времена, когда въ самихъ учебникахъ прежде всего видѣли каталоги отдѣльныхъ фактовъ. Это была исторія отдѣльныхъ лицъ и событій, связанныхъ между собою чисто внѣшнею связью. При такомъ пониманіи предмета ученикъ имѣлъ дѣло съ отдѣльными личностями государей, министровъ, полководцевъ и т. п., которые назывались сегодня такъ-то и такъ-то, а завтра—такъ-то и такъ-то, сегодня поступали вотъ такъ, а завтра—вотъ этакъ. Въ настоящее время общее пониманіе исторіи измѣнилось. Каково-бы ни было значеніе отдѣльныхъ личностей въ исторіи, во всякомъ случаѣ роль ихъ преходящая и второстепенная, сравнительно съ постоянными великими силами, дѣйствующими въ исторіи, да и значеніе отдѣльныхъ личностей измѣряется ихъ отношеніемъ къ этимъ силамъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ-бы ни интересны были отдѣльныя событія, весь историческій смыслъ ихъ заключается въ томъ мѣстѣ, какое принадлежитъ имъ въ болѣе глубокихъ процессахъ, совершающихся въ жизни народовъ. Пока исторія была разсказомъ объ отдѣльныхъ лицахъ и событіяхъ, она, дѣйствительно, была прежде всего дѣломъ памяти, потому что прежде всего нужно было запоминать все новыя и новыя имена, новыя и новыя событія. Актеры мѣнялись, дѣйствія—тоже, и вниманіе не сосредоточивалось на постоянно дѣйствующихъ силахъ, на длящихся процессахъ. Именно

теперь, когда теорія историческаго процесса пришла къ понятію исторіи, какъ сложнаго процесса, состоящаго изъ совокупности многихъ частныхъ, но длящихся процессовъ, въ которыхъ участвуютъ нѣкоторыя постоянно дѣйствующія силы, явилась возможность порвать и въ преподаваніи исторіи съ исторіей, какъ дѣломъ памяти, чтобы превратить ее въ предметъ пониманія. Множество отдѣльныхъ лицъ, остающееся и послѣ сокращенія, замѣняется въ представленіи учащагося нѣсколькими историческими силами, за которыми онъ слѣдитъ въ теченіе цѣлаго курса, сосредоточивая на нихъ все свое вниманіе, т.-е. занимаясь все время одними и тѣми-же предметами, а не Карломъ, отъ котораго завтра онъ перейдетъ къ непохожему на него Людовику, а послѣ завтра къ какому-нибудь Генриху, опять представляющему изъ себя нѣчто новое. То-же самое происходитъ и отъ замѣны ряда все новыхъ и новыхъ событій, въ большомъ количествѣ смѣняющихъ другъ друга, немногими процессами, съ постепеннымъ развитіемъ которыхъ ученикъ знакомится, имѣя ихъ постоянно передъ своими глазами. Это не значитъ, что ученику не нужно знать отдѣльныхъ лицъ и событій. Это значитъ только, что ему эти лица и событія даются съ болѣе строгимъ выборомъ, что они не мелькаютъ передъ нимъ безъ всякой связи между собою, но что, напротивъ, онъ изучаетъ нѣчто постоянное и непрерывное, всегда ему знакомое и все лучше и лучше узнаваемое, нѣчто такое притомъ, къ чему онъ знаетъ, какъ прицѣпить новые факты, которые ему сообщаются по мѣрѣ прохожденія курса. Въ нашей учебной литературѣ болѣе всего соотвѣтствуетъ такому пониманію всей исторіи учебникъ проф. Виноградова.

Выше было сказано, что учебникъ долженъ быть остовомъ фактическаго содержанія науки. Это значитъ, что въ немъ должна идти рѣчь объ однѣхъ постоянныхъ силахъ, дѣйствующихъ въ исторіи, и длящихся процессахъ, которые въ ней совершаются. Это—основа исторіи, а отдѣльные факты съ собственными именами лицъ и мѣстъ или хронологическими обозначеніями должны входить въ изложеніе лишь настолько, насколько въ нихъ выступаютъ наружу скрытые отъ нашего взора историческіе процессы, или насколько ими эти процессы характеризуются. Разсмотрѣніемъ этихъ силъ и процессовъ опредѣляется и выборъ матеріала для учебника исторіи, и его классификація.

III.

Уже самые старые учебники исторіи, выдвигавшіе на первый планъ международныя отношенія, слѣдили за судьбами нѣкоторыхъ

постоянно дѣйствующихъ въ исторіи силъ. Въ данномъ случаѣ этими силами являются народы или, говоря вѣрнѣе, государства. Въ современной исторической наукѣ и соотвѣтственно съ этимъ отчасти и въ преподаваніи исторіи въ средней школѣ международныя отношенія—дипломатія и война—стали отходить на задній планъ. Понятно, что учебникъ исторіи долженъ заключать въ себѣ главнѣйшія свѣдѣнія и изъ исторіи международныхъ отношеній, но многое изъ того, что до сихъ поръ изъ фактовъ этой категоріи включалось въ учебникъ и подлежало заучиванію учениками, слѣдовало-бы сократить для облегченія памяти учащихся отъ излишняго количества собственныхъ именъ и частныхъ подробностей и для упрощенія самаго представленія учащимися главнѣйшихъ очертаній внѣшней исторіи государствъ и народовъ. Учебники исторіи изобилуютъ не только именами военачальниковъ и названіями битвъ, но подчасъ и подробностями объ отдѣльныхъ походахъ и даже сраженіяхъ. Многое изъ того, что въ этомъ отношеніи сообщаютъ учебники, могло-бы и вовсе не сообщаться учащимся или сообщаться имъ лишь въ разсказѣ преподавателя или въ книгѣ для чтенія. Если даже для систематичности изложенія въ руководство и должны быть включаемы нѣкоторые факты, которые съ точки зрѣнія строгаго выбора матеріала могли-бы и не найти мѣста въ учебникѣ, то такіе факты могутъ и не заучиваться. Пусть ученикъ узнаетъ объ ихъ существованіи, пусть преподаватель разъяснитъ ему ихъ значеніе или сообщитъ ему нѣкоторыя о нихъ подробности, но пусть ученикъ ихъ не заучиваетъ. Вообще, думаю я, исторія международныхъ отношеній должна дать наибольшее количество такихъ фактовъ, безъ которыхъ учебникъ обойтись не можетъ, но которые, строго говоря, не подлежатъ заучиванію. Важно не то, чтобы ученикъ помнилъ всѣ войны, походы, сраженія, мирные договоры со всей ихъ хронологіей и съ разными подробностями обо всѣхъ отдѣльныхъ фактахъ этихъ категорій, а чтобы у него было ясное представленіе объ общемъ ходѣ главныхъ перемѣнъ въ международныхъ отношеніяхъ.

Изъ исторіи внѣшней политики, какъ можно назвать разсматриваемый разрядъ фактовъ, учащіеся должны прежде всего узнать, какъ сложилась постепенно современная политическая карта. Особенное вниманіе должно быть обращено на то, какъ складывались или расчленялись государственныя территоріи отдѣльныхъ націй и чѣмъ объясняется ростъ однихъ государствъ и упадокъ другихъ. Здѣсь могутъ быть подмѣчены опредѣленные процессы увеличенія однихъ и разложенія другихъ государствъ, которые въ исторіи международныхъ отношеній и являются постоянно дѣйствующими силами. Причины и условія, заставляющія то или другое государ-

ство дѣйствовать въ извѣстномъ направленіи и достигать или не достигать ставимыхъ имъ себѣ цѣлей, большею частью имѣютъ общій характеръ, т.-е. не зависятъ исключительно отъ единичныхъ дѣятелей и событій, хотя-бы осуществленіе государственныхъ задачъ и происходило посредствомъ отдѣльныхъ событій, въ которыхъ большую или меньшую роль играютъ и отдѣльные люди. Знакомясь съ общимъ направленіемъ внѣшней политики отдѣльныхъ государствъ, съ ея причинами и слѣдствіями, ученики не могутъ въ то-же время не обращать вниманія на то, какія комбинаціи политическихъ силъ существовали въ международной исторіи въ отдѣльныя эпохи. Государства не только территоріально расли одни на счетъ другихъ, но и усиливали одни на счетъ другихъ свое политическое вліяніе на сосѣдей и свое значеніе въ общей системѣ международныхъ отношеній. Ученики должны отчетливо представлять себѣ, какую роль играло то или другое государство въ ту или другую историческую эпоху.

Однимъ словомъ, въ исторіи международныхъ отношеній главное вниманіе учениковъ должно быть обращено на исторію образованія (или расчлененія) государственныхъ территорій и на исторію сосредоточенія или распредѣленія политическаго могущества между отдѣльными націями. Факты собственно военной и дипломатической исторіи въ учебникѣ нужны лишь настолько, насколько войны между отдѣльными государствами, международные союзы и мирные договоры вносили измѣненія въ прежнія взаимныя отношенія государствъ, перекраивали ихъ границы или усиливали и ослабляли ихъ значеніе среди сосѣдей. Конечно, съ этой точки зрѣнія многія подробности военной исторіи (имена полководцевъ, перечисленіе походовъ и битвъ, эпизоды, интересные съ военной точки зрѣнія или по своему драматизму, и т. п.) окажутся не только излишними, ничего не прибавляющими къ главному предмету, на которомъ должно быть сосредоточено вниманіе учащихся въ данной области, но подчасъ даже и вредными, если своимъ обиліемъ онѣ будутъ заслонять главныя линіи международной исторіи.

Вторую категорію историческихъ фактовъ, которые должны быть включены въ учебникъ исторіи, составляютъ факты внутренней жизни отдѣльныхъ народовъ. Въ настоящее время уже никто не станетъ оспаривать той мысли, что въ преподаваніи исторіи эти факты должны занимать первенствующее мѣсто. И здѣсь учебникъ долженъ держаться строгаго выбора матеріала, сосредоточивая вниманіе учащихся опять-таки лишь на постоянно дѣйствующихъ силахъ и господствующихъ процессахъ. Эти силы суть правительства и общественные классы съ ихъ интересами и традиціями, подчиняю-

щими себѣ, или просто только обусловливающими дѣятельность отдѣльныхъ лицъ и тѣмъ самымъ оказывающими вліяніе на ходъ событій. Объ единичныхъ событіяхъ внутренней исторіи и о лицахъ, въ нихъ принимавшихъ участіе, можно повторить то-же самое, что уже было сказано о событіяхъ и лицахъ, имѣющихъ болѣе или менѣе важное значеніе въ исторіи международныхъ отношеній. Какой-бы драматическій или моральный интересъ ни представляли единичныя событія и лица сами по себѣ, свое право на включеніе въ матеріалъ школьнаго историческаго учебника они получаютъ лишь отъ своего мѣста въ исторіи развитія, дѣятельности и борьбы общественныхъ силъ внутри данной страны. Мѣняются отдѣльные люди на исторической сценѣ, и новые дѣятели бываютъ не похожи на старыхъ. событія тоже чередуются нерѣдко совсѣмъ неожиданнымъ образомъ, но интересы и традиціи дѣйствующихъ общественныхъ силъ оказываются факторами очень постоянными, и это обстоятельство сообщаетъ извѣстное единство общему направленію внутренней исторіи каждой страны. Учебникъ не долженъ развлекать вниманіе учащихся фактическими подробностями, не имѣющими прямого отношенія къ исторіи развитія, дѣятельности и взаимной борьбы крупныхъ общественныхъ силъ того или другого народа. Напротивъ, именно эту сторону внутренней исторіи онъ долженъ разсматривать и учениковъ пріучать разсматривать, какъ основу, на которой только, и получаетъ весь свой смыслъ ознакомленіе съ отдѣльными учрежденіями, событіями и историческими дѣятелями. Во внутренней исторіи каждаго государства есть свой господствующій фактъ, свой основной процессъ, около котораго группируются съ удобствомъ отдѣльныя событія. Таковы, чтобы не ходить далеко за примѣрами, развитіе королевской власти во Франціи, развитіе народнаго представительства въ Англіи, развитіе княжескаго мелкодержавія (Kleinstaaterei) въ Германіи. И для исторіи политическихъ учрежденій, и для исторіи наиболѣе важныхъ событій въ трехъ названныхъ странахъ всѣ три указанныхъ процесса являются обобщающими и объединяющими принципами. Если именно ихъ выдвинуть на первый планъ въ учебникѣ (и вообще въ преподаваніи), то у ученика всегда будетъ нѣчто опредѣленное и постоянное передъ глазами, нѣчто такое, около чего въ умѣ его будутъ постепенно и прочно группироваться новые и новые факты, которые онъ будетъ узнавать изъ внутренней исторіи той или другой страны.

Старые учебники въ этомъ отношеніи держались иной системы. Выдвигая на первый планъ внѣшнюю исторію, они и внутреннюю исторію излагали неудовлетворительно, избѣгая сообщенія обобщенныхъ знаній и замѣняя ихъ отрывочными свѣдѣніями о характерѣ

(и даже наружности) отдѣльныхъ государей, объ ихъ семейныхъ отношеніяхъ и т. п. и о разныхъ бывшихъ въ ихъ время любопытныхъ происшествіяхъ, иногда чисто эпизодическаго или прямо анекдотическаго характера. Самая исторія страны излагалась главнымъ образомъ по царствованіямъ: это были отдѣльныя картины, связанныя между собою лишь хронологіей и генеалогіей. При такомъ представленіи исторіи ученикъ обращалъ все свое вниманіе на то, кто послѣ кого и сколько лѣтъ царствовалъ, каковъ былъ его характеръ и что онъ однажды сказалъ (знаменитыя «изреченія») и что сдѣлалъ, но вся среда и обстановка данной личности и реальные результаты ея дѣятельности оставались въ тѣни. «Онъ усмирилъ своевольныхъ вельможъ», но чѣмъ были въ жизни страны эти вельможи, почему они могли быть своевольными, какимъ образомъ они были усмирены и т. д.—все это такіе вопросы, на которые учебникъ даже и не наводилъ ученика. Въ его умѣ внутренняя исторія народа запечатлѣвалась, какъ рядъ царствованій людей, то не похожихъ, то похожихъ другъ на друга, но всегда разныхъ, а не какъ процессъ, въ созиданіи котораго участвуютъ опредѣленныя и постоянныя силы, и который совершается въ извѣстномъ направленіи и даже въ извѣстномъ порядкѣ.

Внутренняя исторія отдѣльныхъ странъ должна быть преимущественно исторіей общественнаго строя и государственной организаціи, т. е. исторіей учрежденій въ широкомъ смыслѣ этого слова, равно какъ исторіей борьбы между отдѣльными общественными силами, составляющей главное содержаніе внутреннихъ политическихъ событій. Конечно, съ этой точки зрѣнія въ учебникѣ не можетъ найти мѣста исторія всѣхъ народовъ. Кромѣ собственнаго отечества, исторія котораго должна быть пройдена особенно обстоятельно, ученикъ долженъ въ связномъ видѣ познакомиться съ внутренней соціальной и политической исторіей лишь небольшого числа народовъ. Во-первыхъ, это должны быть народы, внутренняя исторія которыхъ представляетъ богатое развитіе формъ и особый теоретическій интересъ. Во-вторыхъ, на такое особое вниманіе имѣютъ право государства, игравшія наиболѣе важную роль въ международныхъ отношеніяхъ. Между прочимъ, нужно постоянно напоминать ученикамъ, что внѣшнее положеніе, занимаемое тѣмъ или другимъ государствомъ, зависитъ и отъ внутреннихъ его отношеній, и весьма естественно, что наиболѣе вліятельныя и могущественныя государства возбуждаютъ большій интересъ къ своей жизни, чѣмъ государства второстепенныя. Въ третьихъ, нужно, чтобы народы, внутренняя жизнь которыхъ особенно должна быть выдвинута въ учебникѣ, играли первенствующую роль и въ общемъ развитіи цивилиза-

ціи. Мы сейчасъ перейдемъ къ разсмотрѣнію третьей категоріи фактовъ, составляющихъ нормальное содержаніе учебника, именно—явленій духовной культуры, и уже здѣсь указываемъ на то, что внутренняя жизнь народовъ, наиболѣе сдѣлавшихъ для развитія духовной культуры человѣчества, конечно, по одному этому заслуживаетъ особаго вниманія. Таковы три критерія, на основаніи которыхъ можно выбрать для болѣе подробнаго и связнаго ознакомленія съ внутренней исторіей отдѣльныхъ народовъ лишь пять странъ: Грецію и Римъ въ древности, Францію, Германію и Англію въ средніе вѣка и новое время.

Мы разсмотрѣли двѣ категоріи фактовъ, которые должны имѣть свое мѣсто въ учебникѣ исторіи: это, во-первыхъ, международныя отношенія, во-вторыхъ, внутренняя соціальная и политическая исторія отдѣльныхъ странъ. Третью категорію фактовъ историческаго учебника составляетъ такъ называемая духовная культура.

Было время, когда культурнымъ явленіямъ или совсѣмъ не давали мѣста въ учебникахъ исторіи, а затѣмъ если и стали отводить мѣсто, то въ видѣ особыхъ отдѣловъ, игравшихъ роль чисто механическихъ придатковъ къ основному тексту, гдѣ господствовали политическія событія (внѣшнія и внутреннія), какъ настоящее содержаніе исторіи. Въ теперешнее время уже не приходится настаивать на важности и самостоятельномъ значеніи культурнаго матеріала. Быть можетъ, даже въ иныхъ случаяхъ предстоитъ нѣчто противоположное въ виду того, что нѣкоторые преподаватели слишкомъ уже готовы налегать на культуру, не очень разбирая, что необходимо и чѣмъ можно поступиться.

Нѣкоторыя стороны культуры я прямо совѣтовалъ-бы обходить молчаніемъ въ учебникахъ исторіи, предоставляя преподавателю знакомить съ ними,—и даже ставя ему это въ обязанность,—путемъ дополнительныхъ разсказовъ и чтеній, сопровождаемыхъ иллюстраціями (особенно при помощи волшебнаго фонаря). Именно такъ—и только такъ, а не въ учебникѣ—я параллельно съ его прохожденіемъ знакомилъ-бы учениковъ съ исторіей внѣшняго быта и изобразительныхъ искусствъ. Вотъ почему именно трудно признать удобнымъ этотъ матеріалъ для учебника. Во первыхъ, такія вещи, какъ одежда, жилище, домашняя утварь, орудія земледѣлія и ремеслъ, машины, вооруженіе, архитектурныя зданія, статуи, картины и т. п., не могутъ быть только названными, но должны быть описанными и даже показанными и растолкованными на рисункахъ, но описанія и рисунки въ самомъ учебникѣ заняли бы слишкомъ много мѣста и даже прямо загромоздили бы его, заслонивъ собою болѣе существенныя вещи. Пусть у учениковъ дома или въ классѣ будутъ особыя пособія

для ознакомленія со всѣмъ этимъ, но въ учебникѣ все это было-бы только балластомъ. Во-вторыхъ, такой матеріалъ по необходимости вносится въ учебники лишь отрывочно, да и нельзя-же въ самомъ дѣлѣ давать въ учебникѣ систематическіе обзоры исторіи одежды, вооруженія, архитектуры и т. п., такъ какъ вообще нужно избѣгать всякаго случайнаго, отрывочнаго, несистематизированнаго матеріала. Отсюда, думается мнѣ, вытекаютъ два общія правила. Съ одной стороны, въ учебникѣ не должно быть мѣста для описанія матеріальвыхъ предметовъ, съ другой—упоминаніе о нихъ допустимо лишь въ томъ случаѣ, когда такъ или иначе тѣ или другія указанія подобнаго рода необходимы въ цѣляхъ самого систематическаго изложенія.

Съ этой точки зрѣнія египетскія пирамиды будутъ отмѣчены не какъ факты въ исторіи строительнаго искусства, а какъ весьма характерные показатели египетской культуры, но описаніе пирамидъ должно быть исключено изъ учебника: о пирамидѣ разскажетъ учитель въ классѣ, или самъ ученикъ прочтетъ дома въ указанномъ пособіи, и къ его услугамъ будутъ еще рисунки въ книжкѣ, стѣнныя картины или изображенія волшебнаго фонаря. То-же самое, что сказано о матеріальныхъ предметахъ, которые должны упоминаться, но не должны описываться въ учебникѣ, относится и къ техническимъ изобрѣтеніямъ. Изобрѣтеніе книгопечатанія должно, конечно, быть отмѣчено въ учебникѣ, и, разумѣется, должно быть и выяснено его значеніе (иначе не стоило-бы и упоминать), но описаніе типографскаго искусства не можетъ быть предметомъ руководства по исторіи. Все сказанное можно повторить и о чисто художественныхъ произведеніяхъ. Иногда, именно въ связи съ какими-либо фактами болѣе общаго характера, они неизбѣжно должны называться въ учебникѣ, но описывать ихъ въ учебникѣ едва-ли приходится. Между тѣмъ составители учебниковъ довольно часто вносятъ въ свои руководства разнаго рода описательный матеріалъ—до передачи содержанія отдѣльныхъ знаменитыхъ картинъ включительно, какъ сдѣлалъ это, напримѣръ, Шульгинъ, распространяющійся въ своемъ «Курсѣ исторіи новыхъ временъ» о «Тайной вечерѣ» Леонардо да-Винчи и о «Преображеніи» и «Сикстинской Мадоннѣ» Рафаэля. Можно даже сказать, что по отношенію къ нѣкоторымъ предметамъ образовались въ учебникахъ довольно прочныя традиціи, и многіе совершенно однородные предметы изъ разныхъ эпохъ то удостоиваются особаго вниманія авторовъ, то даже и не упоминаются вовсе.

Итакъ, фактамъ изъ исторіи матеріальнаго быта, техническихъ изобрѣтеній и художествъ въ учебникѣ исторіи должно быть отведено мѣсто очень скромное и во всякомъ случаѣ второстепенное, что

конечно, не мѣшаетъ ученикамъ знакомиться со всѣмъ этимъ изъ другихъ источниковъ. Иное дѣло—духовная культура, міръ идей, которыми жили народы. Если оставить въ сторонѣ международныя отношенія и разсматривать лишь внутреннюю жизнь народовъ, то послѣдняя и сведется главнымъ образомъ только къ учрежденіямъ и идеямъ, беря оба слова въ самомъ широкомъ смыслѣ. Религіозныя вѣрованія народовъ, ихъ теоретическія представленія о мірѣ и человѣкѣ, ихъ нравственные и общественные идеалы, ихъ научныя знанія и т. п.,—вотъ цѣлый міръ историческихъ явленій, въ научное пониманіе котораго должно ввести преподаваніе исторіи и на который поэтому въ учебникѣ должно быть обращено особое вниманіе. Это-то и есть третья категорія фактовъ, которые должны быть систематически изложены въ учебникѣ.

Въ жизни народовъ происходятъ процессы двоякаго рода—соціальные и культурные. Первые совершаются въ тѣхъ постоянныхъ, хотя и вѣчно измѣняющихся системахъ отношеній, которыя мы называемъ народнымъ хозяйствомъ, правомъ и общественнымъ или государственнымъ устройствомъ, вторые совершаются то-же въ нѣкоторыхъ постоянныхъ, но равнымъ образомъ измѣняющихся системахъ идей и настроеній, которыя объективно существуютъ въ видѣ религіи и морали, философіи и науки того или другого общества и проявляются въ его литературѣ и искусствѣ. И въ соціально-политической, и въ идейно-культурной исторіи каждаго отдѣльнаго народа есть свои основные факты, которые и должны составлять главное содержаніе учебника. Общее направленіе эволюціи общественныхъ отношеній каждаго народа создаются нѣкоторыми постоянно дѣйствующими силами, кристаллизующимися въ извѣстныя учрежденія. Мы видѣли, что за процессомъ развитія или разложенія этихъ силъ, за процессомъ измѣненія этихъ учрежденій и т. п. и долженъ главнымъ образомъ слѣдить историкъ черезъ смѣну царствованій и разнаго рода событій. То-же требованіе слѣдуетъ предъявлять и къ исторіи духовной культуры въ школьномъ учебникѣ. Духовная культура отдѣльныхъ народовъ или эпохъ тоже преставляетъ собою общее единство: и здѣсь есть господствующія и основныя силы въ видѣ общепринятыхъ или наиболѣе распространенныхъ въ тѣхъ или другихъ кругахъ идей, опредѣляющихъ собою не только все содержаніе внутренняго міра людей, но и внѣшнія проявленія ихъ мыслей, настроеній и стремленій въ ихъ поведеніи и дѣятельности. Учебникъ не долженъ быть простымъ инвентаремъ конкретныхъ представленій или отвлеченныхъ понятій, какія бывали въ разныя времена у разныхъ народовъ, но, по возможности, характеристикой ихъ міросозерцаній.

Собирая теперь воедино все, что сказано въ заканчиваемой главѣ, мы можемъ свести существенное содержаніе историческаго учебника къ тремъ предметамъ: 1) международныя отношенія; 2) строй общества и государства; 3) міросозерцаніе. Въ каждой изъ этихъ категорій нужно различать нѣкоторыя постоянно дѣйствующія силы или системы, съ одной стороны, и событія, которыя съ ними происходятъ и въ которыхъ они сами участвуютъ,—съ другой.

IV.

Одинъ изъ главныхъ недостатковъ исторіи, какъ учебнаго предмета, заключается въ разнообразіи и пестротѣ, даже прямо въ энциклопедичности ея содержанія. Вотъ мнѣніе, которое мнѣ не разъ приходилось слышать, и надъ тѣмъ, что есть вѣрнаго въ этомъ мнѣніи, нельзя, конечно, не задуматься.

Учебный предметъ, не имѣющій строго опредѣленнаго содержанія, такъ сказать, говорящій de rebus omnibus et quibusdam aliis, едва-ли можетъ быть признанъ здравой педагогикой. Съ этой точки зрѣнія и нужно ограничить учебный матеріалъ чѣмъ-либо болѣе опредѣленнымъ, сосредоточивъ его по возможности на немногомъ. Нѣтъ никакой бѣды, если, проходя исторію, ученикъ будетъ попутно узнавать изъ объясненій и разсказовъ учителя или изъ чтенія рекомендованныхъ пособій самыя разнообразныя и разносторонніе вещи. Это не только не бѣда, не недостатокъ историческаго преподаванія, а напротивъ того, большое преимущество исторіи, какъ учебнаго предмета, разъ преподаваніе его даетъ ученику постоянные поводы знакомиться съ массою вещей и понятій изъ самыхъ разнообразныхъ сферъ знанія. Бѣдою было-бы лишь такое преподаваніе исторіи, которое ставило-бы своею прямою цѣлью сообщеніе ученику самыхъ разнородныхъ свѣдѣній, заставляло-бы его заучивать массу фактовъ самаго неодинаковаго содержанія и пользовалось-бы соотвѣтственнымъ этому учебникомъ, т.-е. если-бы учебникъ былъ своего рода энциклопедіей спеціальныхъ исторій международнаго права и военнаго искусства, государственнаго или гражданскаго права и промышленности, церкви и философіи или наукъ, литературы и искусствъ. Такой учебникъ задавилъ-бы память ученика громадной массой фактовъ, лишилъ-бы его возможности уловить и удержать главныя очер-ія историческаго процесса и предъявилъ-бы вдобавокъ ему не о научнаго матеріала, прямо превосходящаго его пониманіе.

Въ преподаваніи исторіи нужно строго различать то, что необхо-о должно быть сообщено ученику, и то, что онъ можетъ узнать утно. Чѣмъ болѣе вещей попутно узнаетъ ученикъ, благодаря

урокамъ исторіи и историческому чтенію, тѣмъ съ лучшей стороны онъ рекомендуетъ и своего учителя, и самого себя. Но если, имѣя понятіе о многихъ и разнообразныхъ вещахъ, онъ не умѣетъ связать ихъ съ цѣлымъ историческаго процесса, то, во всякомъ случаѣ, онъ неособенно хорошо рекомендуетъ, по крайней мѣрѣ, изучаемый имъ учебникъ.

Выше шла рѣчь о необходимости исключенія изъ учебника исторіи такихъ вещей, которыя, во-первыхъ, составляютъ затрудненіе для памяти учащихся и, во-вторыхъ, мѣшаютъ имъ схватывать то, что имѣетъ наиболѣе существенное значеніе. Теперь нужно указать на необходимость устраненія изъ учебника и всего того, что выше пониманія учащихся. Я не говорю, что учебникъ долженъ содержать въ себѣ лишь такія вещи, которыя могутъ быть понятны ученикамъ сами собою. Если-бы было такъ, то не было-бы нужды въ преподавателѣ или роль преподавателя могла-бы быть сведена къ одному спрашиванію уроковъ для убѣжденія въ томъ, что ученикъ все болѣе или менѣе запомнилъ. Наоборотъ, мы держимся того мнѣнія, что преподаваніе исторіи должно развивать пониманіе, и что хорошій учебникъ немыслимъ безъ такихъ вещей, которыя необходимо должны требовать разъясненій и даже разъясненій очень обстоятельныхъ, какъ это дѣлается, напримѣръ, при преподаваніи математики или физики. Мало того: отъ преподавателя исторіи слѣдуетъ требовать особенно широкаго образованія, такъ какъ ему приходится разъяснять очень разнообразныя вещи. При всемъ томъ, однако, есть вещи, разъяснять которыя не по силамъ самымъ талантливымъ преподавателямъ и именно потому, что и пониманіе ихъ не по силамъ самымъ талантливымъ ученикамъ.

Я имѣю въ виду прежде всего возрастъ учащихся и общее ихъ развитіе, но главнымъ образомъ то, что для пониманія многихъ вещей нужна извѣстная спеціальная подготовка. Главнымъ образомъ съ этой точки зрѣнія учебникъ исторіи и не можетъ быть сборникомъ фактовъ изъ спеціальныхъ исторій, предполагающихъ нѣкоторыя, такъ сказать, техническія (не въ грубомъ смыслѣ) знанія. Напримѣръ, прежніе составители учебниковъ и преподаватели любили разсказывать о сраженіяхъ въ такомъ тонѣ, какъ будто сами были спеціалистами военнаго дѣла, да и ученики не совсѣмъ были лишены знаній по стратегіи и тактикѣ. Другой примѣръ. Въ нѣкоторыхъ учебникахъ новой исторіи мы находимъ характеристики школъ живописи, въ которыхъ такъ и пестрѣютъ такіе термины, какъ «мягкость и нѣжность кисти», «искусство свѣтотѣни», «гармонія внутренняго и внѣшняго», «отсутствіе воздушной перспективы» и т. п., термины, какъ будто прямо выхваченные изъ какого либо учебника исторіи искусства, принятаго за руководство въ школѣ живо-

писи. Не говоря уже о томъ, что не дѣло преподаванія исторіи въ средней школѣ критиковать тактическія ошибки полководцевъ или оцѣнивать достоинства кисти того или другого художника, подобнаго рода вещи слишкомъ спеціальны, слишкомъ техничны, чтобы ученики могли ихъ надлежащимъ образомъ понимать. Въ лучшемъ случаѣ въ умѣ ученика останутся спеціальные термины и громкія фразы, которыя онъ напрасно будетъ принимать за знаніе и пониманіе. Особенно нужно избѣгать всего спеціальнаго, техническаго въ родѣ «фланговыхъ движеній» и «искусства свѣтотѣни», малопонятнаго или требующаго слишкомъ большихъ разъясненій, при томъ по отношенію къ тѣмъ вещамъ, которыя очень далеки отъ основного и существеннаго процесса исторіи.

Сводя это основное и существенное содержаніе исторіи къ соціально-политическому строю и міросозерцанію, мы и здѣсь должны избѣгать въ преподаваніи всего, что по своей сложности или отвлеченности, по своему спеціальному характеру и техническимъ подробностямъ можетъ превосходить пониманіе учащихся. Школьникъ, обучающійся исторіи, приступаетъ къ ознакомленію съ этимъ предметомъ, конечно, безъ всякаго знанія такихъ наукъ, какъ юриспруденція, политическая экономія, философія, да и не дѣло учителя исторіи преподавать ему спеціальныя исторіи народнаго хозяйства, частнаго и публичнаго права, метафизики и этики и т. п. Самое бо́льшее, чего можно требовать по отношенію къ этимъ научнымъ дисциплинамъ спеціальныхъ факультетовъ университета, это лишь то, чтобы ученику не были чужды нѣкоторыя основныя понятія названныхъ наукъ, чтобы въ нихъ не все было для него ново (какъ это бываетъ въ университетѣ съ молодыми студентами-естественниками, которые не выносятъ изъ гимназіи никакихъ свѣдѣній изъ преподаваемыхъ имъ на факультетѣ біологическихъ наукъ).

Во всякомъ случаѣ, однако, содержаніе историческаго курса среднеучебныхъ заведеній стоитъ въ наиболѣе тѣсной связи съ такими спеціальными науками, какъ философія, юриспруденція и политическая экономія, такъ какъ именно эти науки имѣютъ дѣло съ міросозерцаніями и общественными отношеніями или учрежденіями *). Общія понятія, съ которыми имѣютъ дѣло названныя науки (государство, правительство, сословія, администрація, судъ, законы, собственность, землевладѣніе, промышленность, торговля, налоги, финансы и. т. п. или знаніе, изслѣдованіе, нравственность, идеалъ, основа

*) Въ средней школѣ, кромѣ того, проходятся спеціальныя исторіи церкви (т.-е. религіи, именно христіанской) и литературы (именно отечественной). Поэтому мы и не упоминаемъ въ текстѣ объ исторіяхъ церкви и литературы которыя тоже составляютъ особыя спеціальныя историческія дисциплины.

всѣхъ вещей, цѣль жизни, счастье и т. д.), постоянно должны встрѣчаться и въ учебникѣ исторіи каждый разъ, какъ заходитъ рѣчь о фактахъ соціальной, политической и духовной культуры. Конечно, ни отъ учебника исторіи, ни отъ разъясненій преподавателя нельзя требовать, чтобы они давали ученикамъ строго научныя опредѣленія этихъ понятій, когда и сами-то ученые относительно такихъ вещей между собою еще не согласились, но оно и не нужно, лишь-бы у ученика эти понятія были правильными, и лишь-бы онъ вѣрно понималъ и употреблялъ соотвѣтственные термины, понимая различіе между такими словами, какъ «политическій» и «соціальный» или «метафизика» и «этика». Цѣлью преподаванія исторіи не можетъ быть сообщеніе ученикамъ теоретическихъ взглядовъ метафизическаго или политико-экономическаго характера, а потому, разумѣется, преподаваніе исторіи не можетъ быть и поводомъ для разсужденій на темы, превышающія средній уровень пониманія учениковъ. Но преподаваніе исторіи должно освоить учащихся съ наиболѣе важными историческими формами общественнаго и государственнаго устройства, насколько это возможно безъ теоретической подготовки въ области наукъ соціальныхъ, и съ наиболѣе важными міросозерцаніями, насколько опять-таки они могутъ быть доступны для подростковъ, не проходившихъ никакой философской пропедевтики. Въ обоихъ случаяхъ приходится отрѣшиться и отъ всего спеціальнаго, техническаго.

Было-бы въ высшей степени благодарною работою опредѣлить теоретически, какіе вопросы философіи, политики, юриспруденціи и экономики никоимъ образомъ не могутъ быть доступны пониманію учениковъ средней школы. Легче всего это сдѣлать по отношенію къ философіи, такъ какъ здѣсь дѣло касается исключительно идей которыя часто совсѣмъ не поддаются краткой и вполнѣ удобопонятной передачѣ, а не внѣшнихъ отношеній, вообще могущихъ быть понятно описанными въ сравнительно немногихъ словахъ. Хотя факты изъ исторіи философіи и должны включаться въ учебникъ исторіи, но послѣдній отнюдь не можетъ заключать въ себѣ систематическаго изложенія исторіи философіи. Самое включеніе названныхъ фактовъ въ учебникъ можетъ оправдываться лишь ихъ культурною важностью, никакъ не ихъ чисто философскимъ значеніемъ. Понять содержаніе и значеніе «Критики чистаго разума» можетъ только тотъ, кто получилъ особую философскую подготовку и потому Кантъ едва только можетъ быть названъ въ учебникѣ съ самою общею отмѣткою относительно характера его философіи дабы, по крайней мѣрѣ, это имя не оставалось неизвѣстнымъ ученику, такъ какъ, замѣчу кстати, есть нѣсколько великихъ именъ

которыя не должны оставаться неизвѣстными ученикамъ. Другое дѣло болѣе популярная «философія», положимъ, Вольтера. Понять ее не трудно, она и въ свое время распространялась въ широкихъ кругахъ общества и оказывала вліяніе на самую жизнь. Въ исторіяхъ философіи объ идеяхъ Вольтера едва упоминаютъ, но въ исторіяхъ культуры ей отводится важное мѣсто. Съ этой именно, т.-е. съ культурной точки зрѣнія именно и должны разсматриваться факты исторіи философіи въ школьномъ учебникѣ. Въ немъ не можетъ быть мѣста изложенію философскихъ системъ, а должны только дѣлаться указанія на общій характеръ тѣхъ или другихъ ученій, поскольку они характеризуютъ данное состояніе общества или въ свое время оказывали вліяніе на общественную жизнь. И въ данномъ отношеніи окажутся болѣе понятными ученикамъ да и болѣе необходимыми для пониманія другихъ сторонъ общественной жизни не одинокіе творцы великихъ системъ, а отдѣльныя направленія, представлявшіяся въ свое время многими совершенно заурядными личностями, напримѣръ, софисты, стоики, эпикурейцы, схоластики, гуманисты, энциклопедисты и т. п. Съ той-же общекультурной точки зрѣнія и въ смыслѣ большей понятности должны получить въ преподаваніи исторіи перевѣсъ моралисты и публицисты надъ метафизиками, занимавшимися теоріей знанія или строившими свои системы міроздапія. Для Руссо съ его взглядами на личность и общество легко отвести мѣсто въ учебникѣ исторіи и познакомить ученика съ содержаніемъ его сочиненій, но уже никакъ нельзя этого сказать о Гегелѣ и его знаменитой системѣ.

Философскія идеи далеко не исчерпываютъ собою содержанія духовной культуры, и въ дѣйствительной жизни философія доступна и интересна лишь немногимъ. Духовная жизнь народныхъ массъ проявляется главнымъ образомъ въ разнообразныхъ историческихъ формахъ религіи, а въ образованныхъ кругахъ общества неизмѣримо болѣе, чѣмъ философіей, интересуются и даже руководятся въ жизни литературою, въ дѣлѣ-же познанія міра главную роль играетъ наука. Хотя изученіе исторіи религіи, исповѣдуемой уже болѣе полуторы тысячи лѣтъ передовыми народами міра, и изученіе исторіи литературы собственнаго народа и выдѣлены въ нашей средней школѣ въ отдѣльные учебные предметы (чѣмъ, кстати, практически доказывается доступность ихъ содержанія для учениковъ средней школы), тѣмъ не менѣе и общая исторія должна касаться явленій религіозной жизни и литературной дѣятельности народовъ. Этимъ явленіямъ даже должно отводиться очень видное мѣсто въ учебникахъ по ихъ важности въ самой жизни народовъ и именно еще по ихъ большей, сравнительно съ философіей и наукой, доступности для пониманія учениковъ. Но и тутъ, какъ и при сообщеніи данныхъ изъ исторіи

философіи, нужно помнить, что при разсмотрѣніи фактовъ религіи, или литературы слѣдуетъ становиться на общекультурную точку зрѣнія, отличную одинаково и отъ богословской или вѣроисповѣдной точки зрѣнія исторіи церкви, и отъ спеціально-литературной точки зрѣнія исторіи словесности. Конечно, ученикъ долженъ болѣе или менѣе подробно знакомиться съ содержаніемъ религіозныхъ вѣрованій или литературныхъ произведеній, о которыхъ оказывается необходимымъ упоминать въ учебникѣ, но самый учебникъ, думаю я, не долженъ загромождаться, напримѣръ, пересказами миѳовъ или изложеніемъ поэмъ и драмъ. И здѣсь, повторяю, сообщеніе подробностей должно быть предоставлено преподавателю или особой книгѣ для чтенія. Само собою разумѣется, наконецъ, что и факты религіозной или литературной исторіи должны даваться въ тѣсной связи съ общей исторіей общества. Съ такой точки зрѣнія, напримѣръ, о «Письмахъ темныхъ людей» придется сказать больше, чѣмъ обо всѣхъ драмахъ Шекспира.

Наконецъ, къ области идейной культуры относится и наука. То, что ученикамъ, особенно въ старшихъ классахъ, уже извѣстно изъ отдѣльныхъ наукъ, легко можетъ быть включено и въ учебникъ, который такимъ образомъ будетъ давать ученикамъ краткіе очерки состоянія или развитія научныхъ знаній въ разныя эпохи, чѣмъ, собственно говоря, и должны быть связаны между собою отдѣльныя свѣдѣнія подобнаго рода. Эти очерки, конечно, не могутъ составить связной исторіи науки, какъ, впрочемъ, не составятъ и связной исторіи литературы упоминанія о тѣхъ или другихъ литературныхъ произведеніяхъ или направленіяхъ, но учебникъ исторіи и не можетъ ставить себѣ подобной цѣли. Довольно, если ученикъ запомнитъ имена великихъ ученыхъ, прославившихъ себя открытіемъ важныхъ научныхъ истинъ или даже созданіемъ цѣлыхъ наукъ, и будетъ имѣть общее понятіе о значеніи этихъ открытій въ исторіи умственнаго развитія или жизненной практики. Именъ наберется здѣсь не такъ много, во всякомъ случаѣ меньше, чѣмъ иные учебники называютъ полководцевъ. Понятно, что такая исторія наукъ должна быть исторіей не заблужденій (т.-е. невѣрныхъ представленій), а послѣдовательныхъ открытій истины, и что учебникъ можетъ только называть эти открытія, предполагая содержаніе открытыхъ истинъ извѣстнымъ или, по крайней мѣрѣ, могущимъ сдѣлаться извѣстнымъ ученикамъ изъ другихъ источниковъ.

Отъ идейной культуры переходимъ къ соціальному и политическому строю.

Путемъ обученія исторіи учащееся юношество главнымъ образомъ и пріобщается къ усвоенію политическихъ, юридическихъ и

экономическихъ понятій, которыми такъ или иначе насыщены и происходящіе вокругъ него разговоры. Сама окружающая дѣйствительность безпрестанно и въ большомъ количествѣ ставитъ передъ нимъ примѣры расчлененія общества на классы, отношеній власти и подчиненія и т. д.. и т. д. Конечно, учебникъ исторіи, давая описанія соціальныхъ отношеній и политическихъ учрежденій, въ сущности не предлагаетъ уму юноши чего-либо, превышающаго его пониманіе, тѣмъ болѣе, что далѣе самыхъ основныхъ, самыхъ элементарныхъ и общихъ свѣдѣній онъ и не можетъ идти. На этотъ счетъ у преподавателей, составителей учебныхъ руководствъ и руководителей учебнымъ дѣломъ, кажется, и недоумѣній никакихъ нѣтъ, и уже достаточно выработаны тѣ внѣшнія формы, въ которыя слѣдуетъ облекать подобный матеріалъ. Главные вопросы въ этой области, приблизительно, слѣдующіе:

Господствующія занятія (земледѣліе, промышленность, торговля). Раздѣленіе общества на классы по роду занятій и въ имущественномъ отношеніи. Формы собственности (родовая, общинная, мелкая, крупная) и хозяйства. Формы промышленности (домашняя и кустарная промышленность, цехи, фабричное производство). Положеніе народной массы (рабство, крѣпостничество, свободные рабочіе, самостоятельные хозяева и пролетаріатъ). Сословныя привилегіи и господствующіе классы. Ихъ политическое вліяніе и права.

Форма правленія. Политическія учрежденія (монархическая власть или республиканская магистратура, народныя собранія, аристократическіе сенаты, сословно-представительныя учрежденія, народное представительство). Управленіе и судъ (областное устройство, централизація, самоуправленіе и бюрократія, состояніе законовъ, нѣкоторые способы судопроизводства и уголовныя наказанія). Свѣтская и духовная власти и ихъ взаимныя отношенія (церковь и государство, положеніе духовенства въ обществѣ). Дѣятельность государства по отношенію къ матеріальнымъ и духовнымъ интересамъ общества. Положеніе личности въ государствѣ.

Вотъ и все или почти все. Но, кромѣ фактическихъ отношеній и реально-существующихъ отношеній, исторія можетъ знакомить учениковъ съ соціальными и политическими идеями, которыя имѣютъ значеніе не только господствующихъ въ сознаніи общества теорій, иногда очень рельефно формулируемыхъ отдѣльными писателями, но и практическихъ программъ, которыя стремятся осуществить отдѣльные государственные люди и общественные дѣятели, или за которыя борятся цѣлыя политическія партіи. Во многихъ случаяхъ изложеніе такихъ идей въ учебникѣ (конечно, краткое и сжатое) необходимо, потому что онѣ или лучше уясняютъ существующіе порядки, или харак-

теризуютъ стремленія отдѣльныхъ лицъ, цѣлыхъ общественныхъ группъ и партій, или помогаютъ понимать перемѣны, совершающіяся въ государствѣ или обществѣ. Въ первомъ отношеніи очень важно познакомить ученика, напримѣръ, съ пониманіемъ государства у Платона, съ средневѣковой теоріей папской и императорской власти и т. п., во второмъ — съ политическимъ міросозерцаніемъ Рипелье или индепендентовъ, въ третьемъ—съ теоріями Монтескьё или Руссо о представительствѣ, раздѣленіи властей, народовластіи и т. п. То-же самое можно сказать и объ идеяхъ экономическихъ, которыя или только лучше уясняютъ экономическую практику (меркантилизмъ), или характеризуютъ извѣстныя общественныя стремленія и даже оказываютъ вліяніе на законодательство (споръ о государственномъ вмѣшательствѣ или невмѣшательствѣ).

Только-что указанный идейный матеріалъ не можетъ быть вводимъ въ учебникъ въ слишкомъ большомъ количествѣ по его меньшей, сравнительно съ фактическими отношеніями и учрежденіями, доступности для пониманія учащихся. Усвоеніе отвлеченныхъ идей—дѣло болѣе трудное, чѣмъ усвоеніе реальныхъ отношеній. Съ другой стороны, теорія, берущаяся истолковать дѣйствительность, не всегда ей соотвѣтствуетъ, а теоріи, имѣющія въ виду передѣлать дѣйствительность, или не осуществляются вовсе, или не такъ осуществляются и не къ тому приводятъ, какъ и чего отъ нихъ ожидали. Ученику, только вступающему своею мыслью въ этотъ міръ сложныхъ отношеній между идеей и фактомъ, часто было-бы и совсѣмъ невозможно понять, какъ слѣдуетъ понимать, истинное отношеніе теоріи къ дѣйствительности, которая прежде всего должна быть имъ усвоена. Отдавая въ изложеніи исторіи отдѣльныхъ странъ первое мѣсто соціально-политическимъ формамъ и соціально-политическимъ событіямъ, я и совѣтовалъ-бы пользоваться ознакомленіемъ учениковъ съ соціально-политическими идеями лишь настолько, насколько это необходимо для лучшаго пониманія указанныхъ формъ и событій, и насколько это не грозитъ искаженіемъ представленію объ этихъ формахъ и событіяхъ и, конечно, соотвѣтствуетъ степени разумѣнія учащихся. Лично я приписываю важное значеніе идеѣ, какъ историческому фактору, но именно потому особенно не желалъ-бы, чтобы истинная роль этого фактора искажалась вслѣдствіе чрезмѣрнаго преувеличенія его значенія.

V.

Учебный матеріалъ отобранъ и разсортированъ, но его нужно еще размѣстить, имѣя въ виду и требованія науки, и требованія педагогики.

Съ обѣихъ точекъ зрѣнія совершенно правильно выдѣляютъ у

насъ отечественную исторію изъ курса исторіи всеобщей. Во-первыхъ, прошлое Россіи менѣе связано съ прошлымъ другихъ народовъ, нежели это можно сказать о взаимныхъ отношеніяхъ Франціи, Германіи, Италіи и другихъ западно-европейскихъ государствъ, вышедшихъ изъ одной и той-же Римской имперіи, объединявшихся одною и тою-же культурою и находившихся между собою въ очень тѣсномъ взаимодѣйствіи. Въ семидесятыхъ годахъ въ нашихъ гимназіяхъ была сдѣлана попытка включенія отечественной исторіи въ исторію всеобщую. Въ такомъ смыслѣ и была тогда составлена оффиціальная программа; по этой программѣ писались учебники; при прохожденіи курса всеобщей исторіи въ связи съ русскою (или русской въ связи съ всеобщею) русская исторія разбивалась на куски, которые вставлялись между разными отдѣлами средней и новой исторіи, причемъ, вмѣсто всякой внутренней связи, которой и нельзя было установить, руководствовались исключительно хронологіей, т.-е. одновременныя событія одновременно и проходились. Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ убѣдилъ въ неудобствѣ такой системы, которая только усложняла и безъ того сложный по своему составу курсъ всеобщей исторіи и нарушала цѣльность курса исторіи русской. Во-вторыхъ, преподаваніе отечественной исторіи и исторіи другихъ народовъ—двѣ вещи разныя. Конечно, каждый образованный человѣкъ долженъ знать прошлое родной страны лучше, чѣмъ прошлое другихъ народовъ, а потому въ Россіи русская исторія и должна проходиться нѣсколько иначе, чѣмъ исторія, напримѣръ, западно-европейскихъ государствъ. При изученіи родного прошлаго и можно, и должно допустить ознакомленіе съ такими сторонами быта или такими событіями, которыя позволительно и даже необходимо опускать при ознакомленіи учащихся съ исторіей другихъ народовъ, а тѣ явленія, которыя разсматриваются одинаково какъ въ отечественной, такъ и въ чужой исторіи, должны излагаться въ первомъ случаѣ гораздо обстоятельнѣе и подробнѣе, чѣмъ во второмъ. Въ одномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ національной точкой зрѣнія, т.-е. съ интересомъ къ внутренней жизни и внѣшнимъ судьбамъ собственнаго народа, во второмъ—съ точкой зрѣнія всемірно-историческою, т.-е. съ интересомъ къ прошлому человѣчества вообще. Понятно, національная точка зрѣнія не должна быть національностической, т.-е. противорѣчить общимъ принципамъ гуманности, но это все-таки будетъ точка зрѣнія частной исторіи въ ея отличіе отъ исторіи общей (или всемірной). И во всеобщей исторіи нужно, какъ сейчасъ будетъ показано, различать факты частнаго или мѣстнаго характера и факты всемірно-исторической важности, и если преподаваніе всеобщей исторіи никоимъ образомъ и не должно, и не можетъ обходиться безъ

фактовъ перваго рода, все-таки особенно выдвигая вторые, то и просто въ цѣляхъ всесторонности историческаго пониманія важно, чтобы ученики проходили курсъ исторіи именно одного какого-либо народа нѣсколько иначе, чѣмъ разсматриваются жизнь и судьбы отдѣльныхъ народовъ въ исторіи всеобщей.

Въ курсѣ всеобщей исторіи должна господствовать именно универсальная (всемірно-историческая) точка зрѣнія. Въ этомъ отношеніи я совершенно схожусь съ тѣми взглядами, которые не такъ давно съ особою опредѣленностью были высказаны въ нашей педагогической литературѣ *). Во избѣжаніе недо-

*) «Историческая секція» при учебномъ отдѣлѣ Моск. Общества распространенія техническихъ знаній выработала слѣдующія шесть положеній, которыми ея члены намѣревались руководиться при составленіи «нормальной программы» исторіи для средней школы.

1. Курсъ исторіи въ средней школѣ, при сохраненіи необходимой для достиженія общаго образованія связи съ другими предметами, предполагается, какъ *нѣчто цѣлое*, въ себѣ самомъ заключающее опредѣленныя задачи, помимо примѣненія сообщаемаго матеріала въ дальнѣйшихъ спеціальныхъ занятіяхъ.

2. Цѣль преподаванія исторіи въ средней школѣ — развитіе въ учащихся историческаго отношенія къ жизни, которое должно выразиться въ *пониманіи процесса историческаго развитія и значенія важнѣйшихъ его моментовъ и результатовъ*, причемъ не должны быть упускаемы изъ виду характеристики особенностей эпохъ, отдѣльныхъ національностей и личностей.

3. Что касается воспитанія моральнаго и политическаго посредствомъ историческаго образованія, то оно никоимъ образомъ не можетъ быть поставлено цѣлью, хотя-бы и второстепенною, а должно быть разсматриваемо лишь какъ естественный результатъ всякаго разумнаго преподаванія исторіи.

4. *Указанная цѣль преподаванія исторіи дѣлаетъ единственно возможною всемірно-историческую точку зрѣнія при выборѣ и расположеніи матеріала.* Въ изложеніи отечественной исторіи рядомъ съ всемірно-исторической точкой зрѣнія выступаетъ національная, требующая выдѣленія и такихъ сторонъ исторической жизни, которыя не имѣли культурнаго вліянія на другіе народы, но оказались важными впослѣдствіи въ историческомъ развитіи народа русскаго.

5. *Всемірно-историческая точка зрѣнія опредѣляетъ въ каждомъ частномъ случаѣ выборъ матеріала и выдѣленіе той или другой группы фактовъ:* для одной эпохи или въ жизни одного народа будутъ выдвинуты на первый планъ явленія внѣшней или внутренней политической и соціальной жизни; для другого момента — явленія литературы и искусства; для третьяго—религіозныя движенія и т. д., смотря по тому, *какія стороны жизни въ данную эпоху и у даннаго народа имѣли наибольшее значеніе съ всемірно-исторической точки зрѣнія.*

6. Въ виду того, что преподаваніе исторіи должно по преимуществу развить въ учащихся пониманіе процесса историческаго развитія (§ 2), наилучшей канвой для группировки матеріала необходимо признать внѣшне-политическую исторію: характеристики религіозныхъ воззрѣній, политическихъ, философскихъ и другихъ ученій, политическаго, соціальнаго и экономическаго устройства и т. п. должны быть по возможности связаны съ выдающимися моментами внѣшней жизни и судьбой замѣчательныхъ личностей» («Историч. Обозрѣніе», т. I, отд. II, стр.

разумѣній, считаю нужнымъ нѣсколько распространиться на этотъ счетъ *).

Всемірно-историческая точка зрѣнія возникаетъ на почвѣ того общаго факта, что отдѣльные народы живутъ и развиваются не особнякомъ. Еще въ древнѣйшую эпоху исторіи между отдѣльными народами стали устанавливаться извѣстнаго рода отношенія, начиная съ войнъ, завоеваній и образованія «всемірныхъ монархій» и кончая культурными взаимодѣйствіями, распространеніями извѣстныхъ идей и даже учрежденій далеко за границами отдѣльныхъ странъ и установленіями универсальныхъ цивилизацій, стирающихъ національныя различія. Въ каждую данную эпоху сцена исторіи охватываетъ не одни и тѣ-же пространства, то расширяясь, то съуживаясь, то объединяясь, то раздѣляясь, но никогда въ историческія времена не было такого момента, когда не было-бы такой общей для нѣсколькихъ народовъ сцены. Одна изъ такихъ сценъ въ древности сдѣлалась главною въ культурномъ и соціальномъ развитіи человѣчества всемірно-историческою par excellence: это—Азія между Персидскимъ заливомъ и Средиземнымъ моремъ и южные и сѣверные берега этого послѣдняго. Границы этой сцены не оставались неизмѣнными, и въ концѣ-концовъ онѣ даже расширились до послѣднихъ возможныхъ предѣловъ, включивъ въ себя весь земной шаръ, потому что въ настоящую минуту мы имѣемъ право говорить о міровой политикѣ, о всемірной торговлѣ и многихъ другихъ подобныхъ вещахъ. Далѣе, отдѣльные народы въ одно и то-же время и въ разныя эпохи играли далеко неодинаковую роль въ томъ процессѣ, который можно назвать всемірно-историческимъ, неодинаковую роль и въ политическомъ, и въ культурномъ отношеніяхъ. Между отдѣльными народами существуетъ не только взаимодѣйствіе въ пространствѣ, но и преемственность во времени, потому что и въ смыслѣ политическаго господства, и въ смыслѣ культурнаго вліянія первенствующая роль переходила отъ однихъ народовъ къ другимъ. Все это, вмѣстѣ взятое, и позволяетъ намъ, а до извѣстной степени и

---

269 — 270. Ср. помѣщенную во второмъ томѣ того-же изданія статью *В. И. Беркута* «Программа историческаго курса въ русскихъ и нѣкоторыхъ заграничныхъ гимназіяхъ», гдѣ тоже говорится объ этомъ предметѣ. Привожу тезисы «исторической секціи», какъ очень хорошую формулировку вопроса о цѣли преподаванія исторіи, хотя съ послѣднимъ тезисомъ и не могу согласиться).

*) Недавно противъ всемірно-исторической точки зрѣнія вооружились у насъ два ученыхъ историка—*Р. Ю. Виппер*ъ («Школьное преподаваніе древней исторіи и новая историческая наука» «въ Вѣстникѣ Воспитанія» за 1898 г.) и *Д. М. Петрушевскій* («Тенденція современной исторической науки» въ «Образованіи» за май—іюнь 1899). Ихъ аргументація, къ сожалѣнію, меня не убѣждаетъ, но объ этомъ когда-либо въ другой разъ.

прямо насъ заставляетъ—видѣть во всемірной исторіи не только сумму многихъ частныхъ исторій, но нѣкоторую исторію общую, имѣющую извѣстное внутреннее единство.

Всемірно-историческая точка зрѣнія въ преподаваніи исторіи и есть именно та точка зрѣнія, которая подсказывается самымъ зрѣлищемъ всемірно-историческаго процесса. Историческія знанія должны быть даны ученикамъ объединенными, связанными въ одно цѣлое, а прежде всего единство и цѣльность и сообщаются курсу исторіи указанною универсальною точкою зрѣнія. Изъ историческаго преподаванія ученикъ долженъ вынести болѣе или менѣе отчетливое представленіе о томъ, какъ человѣчество развивалось и какъ достигло той высоты, на которой находятся современные европейцы, какое мѣсто занимали и какую роль играли въ этомъ развитіи отдѣльные народы (между прочимъ, и нашъ народъ), какъ въ этомъ общемъ процессѣ смѣнялись формы общественнаго быта и культурныя идеи и т. п. Становясь на такую точку зрѣнія, мы не только будемъ сосредоточивать вниманіе учащихся лишь на тѣхъ народахъ, которые играли наиболѣе важную роль во всемірно-историческомъ процессѣ, но и въ исторіи этихъ народовъ будемъ выдвигать на первый планъ то, что имѣетъ не одно мѣстное, но и универсальное значеніе. Всеобщая исторія въ средней школѣ не только не можетъ быть простою суммою частныхъ исторій, но и тогда, когда принимаетъ такой характеръ, не можетъ быть исторіей всѣхъ народовъ, хотя-бы только европейскихъ. Напримѣръ, въ новой исторіи такія явленія, какъ гуманизмъ, религіозная реформація, католическая реакція, развитіе абсолютизма, просвѣщенный абсолютизмъ и т. п., выходятъ за границы частныхъ исторій Италіи, Германіи, Испаніи, Франціи и т. д. Съ другой стороны, не только въ исторіи каждаго такого явленія въ отдѣльности, но и во всей исторіи новаго времени, взятаго въ цѣломъ, отдѣльныя націи имѣютъ неодинаковое значеніе, причемъ видная роль той или другой страны въ исторіи одного явленія иногда еще не даетъ этой странѣ права быть выдвинутою вообще на первый планъ. Въ исторіи гуманизма первенство принадлежитъ Италіи, въ исторіи католической реакціи весьма выдающуюся роль играла Испанія, но въ другихъ движеніяхъ ихъ участіе было настолько незначительнымъ, что, конечно, къ нимъ съ всемірно-исторической точки зрѣнія и не можетъ быть такого интереса, какъ къ Англіи, Германіи и Франціи.

Выдѣляя въ особый курсъ отечественную исторію, мы это дѣлаемъ съ національной, а не съ всемірно-исторической точки зрѣнія. Но и съ послѣдней въ курсѣ всеобщей должны быть изъ всей совокупности историческихъ народовъ выдѣлены тѣ, которые играли

въ ней особенно важную роль, конечно, не для созданія изъ ихъ исторіи отдѣльныхъ курсовъ, а для болѣе подробнаго ихъ разсмотрѣнія, не вырывая ихъ изъ общей связи. Мы раньше сказали, что этими народами должны быть въ древней исторіи греки и римляне, въ средней и новой—французы, нѣмцы и англичане. Если главною задачею курса должно быть выясненіе ихъ всемірно-историческаго значенія, то это не можетъ быть сдѣлано безъ болѣе подробнаго изложенія ихъ исторіи. Не все въ послѣдней имѣетъ, конечно, одинаковое значеніе съ всемірно-исторической точки зрѣнія, да и въ томъ, что имѣетъ такое значеніе, всегда есть стороны, важныя лишь для исторіи данныхъ странъ. Но если нѣкоторые факты сами по себѣ и лишены всемірно-историческаго значенія, то все-таки должны быть сообщаемы, разъ они необходимы для пониманія фактовъ первой категоріи или-же играютъ слишкомъ большую роль въ жизни и судьбахъ того или другого изъ великихъ историческихъ народовъ. Съ другой стороны, если фактъ имѣетъ одновременно и универсальное, и мѣстное значеніе (напримѣръ, нѣмецкая реформація или французская революція), то должны быть выяснены ученику и та, и другая. Понятно, что выясненіе универсальнаго значенія какого-либо явленія можетъ быть сдѣлано только съ всемірно-исторической точки зрѣнія, но для выясненія мѣстнаго значенія того-же явленія необходимо и болѣе подробное значеніе и той частной исторіи, въ которой данное явленіе происходило. Вотъ почему всемірно-историческая точка зрѣнія и не можетъ быть строго выдержана въ преподаваніи всеобщей исторіи, и ученикъ этого предмета долженъ быть соединеніемъ общей картины развитія человѣчества съ частными картинами развитія нѣкоторыхъ народовъ, особенно важныхъ съ всемірно-исторической точки зрѣнія.

Еще одно замѣчаніе, касающееся того-же предмета. Изъ преподаванія исторіи ученикъ долженъ вынести не только общее представленіе о всемірно-историческомъ процессѣ, но и о томъ, какъ вообще совершается исторія отдѣльнаго народа. Съ послѣднимъ, повторяю, удобнѣе всего знакомиться на примѣрѣ родной страны, но и для выработки общаго представленія о процессѣ развитія вообще отдѣльныхъ народовъ, и для лучшаго пониманія прошлаго родной страны весьма важно имѣть передъ глазами нѣсколько примѣровъ единичныхъ историческихъ эволюцій. Эти примѣры и можетъ дать учебникъ всеобщей исторіи въ болѣе подробныхъ изложеніяхъ греческой, римской, французской, нѣмецкой и англійской исторіи. Подъ руководствомъ и при помощи преподавателя ученикъ получитъ возможность сравнивать между собою исторію античныхъ государствъ съ исторіей новыхъ, греческую исторію съ римской, западно-европейскую съ русской, а также и исторіи западныхъ народовъ между собою.

Прибавимъ, наконецъ, что и съ національной точки зрѣнія нѣкоторыя частныя исторіи могли-бы быть болѣе выдвинуты во всеобщей исторіи, чѣмъ это допустимо съ всемірно-исторической точки зрѣнія. Говоря это, я имѣю въ виду Византію, славянъ и ближайшихъ сосѣдей Россіи, но думаю, что слишкомъ увлекаться этою точкою зрѣнія не слѣдуетъ. Конечно, въ своихъ учебникахъ исторіи мы не можемъ до такой степени пренебрегать греко-славянскимъ міромъ, какъ это дѣлается въ заграничныхъ учебникахъ, но не слѣдуетъ и раздувать значеніе Византіи и славянъ, отводя имъ въ учебникѣ средней исторіи болѣе мѣста, чѣмъ они заслуживаютъ *). Я сказалъ-бы даже, что всѣ тѣ свѣдѣнія изъ исторіи другихъ народовъ, которыя имѣютъ особенную важность для русскихъ, должны быть сообщаемы ученикамъ главнымъ образомъ въ связи съ исторіей Россіи, будетъ-ли то культурное вліяніе Византіи, и славянская этнографія и общія черты быта славянъ, или-же разныя подробности изъ исторіи Польши, Швеціи, Турціи, которыя нужны для пониманія нашихъ историческихъ отношеній къ сосѣдямъ, и т. п.

Резюмируемъ въ немногихъ словахъ все сказанное въ заканчиваемой главѣ:

1) Отечественная исторія должна оставаться выдѣленною въ особый курсъ, въ связи съ которымъ должны сообщаться свѣдѣнія изъ исторіи другихъ народовъ, необходимыя для лучшаго пониманія самой русской исторіи. Послѣднее, къ сожалѣнію, дѣлается въ меньшей степени, чѣмъ слѣдовало бы.

2) Учебникъ всеобщей исторіи не долженъ быть простою суммою исторій отдѣльныхъ народовъ, но изображеніемъ всемірно-историческаго процесса.

3) Тѣмъ не менѣе въ немъ должно быть дано и систематическое изложеніе исторіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ народовъ, особенно важныхъ съ всемірно-исторической точки зрѣнія.

Весь вопросъ теперь въ томъ, какъ сочетать въ преподаваніи исторіи оба послѣднія требованія. Этому вопросу мы и посвящаемъ слѣдующую главу.

VI.

Разсматривая обычное расположеніе историческаго матеріала въ учебникахъ всеобщей исторіи, мы наблюдаемъ слѣдующій общій порядокъ. Исторія всей древности до паденія Западной Римской имперіи излагается по странамъ, какъ будто курсъ всеобщей исто-

*) Ср. ст. *О. И. Герасимова* «Новая черта въ нашей учебно-исторической литературѣ» («Истор. Обозр.», V).

рія является лишь совокупностью курсиковъ или курсовъ исторіи отдѣльныхъ странъ. Напримѣръ, нерѣдко исторія Персіи излагается сразу вся до завоеванія ея Александромъ Македонскимъ, за нею слѣдуетъ исторія Греціи и эллинистическихъ государствъ, причемъ сообщаются факты и изъ римской эпохи, а древнѣйшая исторія Рима дается лишь послѣ того, какъ ученики уже знакомы съ гораздо позднѣйшими событіями въ исторіи Греціи и Востока. Совершенно иную систему расположенія матеріала представляютъ собою учебники средней и новой исторіи. Она излагается уже не по странамъ, а по бо́льшимъ или меньшимъ періодамъ, причемъ исторіи отдѣльныхъ странъ разбиваются на болѣе или менѣе мелкіе отдѣлы, которые и идутъ въ перемежку между собою. Въ первомъ случаѣ ученикъ имѣетъ передъ собою цѣльную исторію страны, но лишенъ общей картины того, что вообще дѣлалось на бѣломъ свѣтѣ въ данный періодъ, во второмъ онъ лучше схватываетъ синхроничность событій въ разныхъ странахъ, но за-то ему иногда очень трудно бываетъ связать въ одно цѣлое параграфы, относящіеся къ одной и той-же странѣ. Сравнивая, далѣе, среднюю и новую исторію, мы находимъ, что систематизація матеріала въ средней исторіи представляетъ больше затрудненій, нежели въ новой. Послѣдняя занимается почти исключительно однимъ міромъ — западной Европой, тогда какъ въ первой параллельно излагаются исторіи трехъ міровъ — романо-германскаго, греко-славянскаго и мусульманскаго. Здѣсь уже приходится переходить не только, напримѣръ, отъ исторіи Франціи къ исторіи Англіи, т.-е. отъ одной страны къ другой въ предѣлахъ одного и того-же міра, но и отъ Запада къ Византіи, и изъ Европы въ Азію и Африку.

Объ систематизаціи — и по странамъ, и по періодамъ — имѣютъ свои удобства и свои неудобства. Расположеніе матеріала по странамъ менѣе соотвѣтствуетъ всемірно-исторической точкѣ зрѣнія и приближаетъ всеобщую исторію къ простой суммѣ частныхъ исторій, но оно не заставляетъ ученика безпрестанно перескакивать изъ одного мѣста въ другое и позволяетъ ему слѣдить отъ начала до конца за извѣстнымъ цѣльнымъ развитіемъ. Наоборотъ, располагая матеріалъ по періодамъ, учебникъ позволяетъ лучше понимать взаимную связь событій, совершающихся одновременно въ разныхъ мѣстахъ (буде, конечно, эта связь существуетъ), и тѣмъ самымъ вѣрнѣе воспроизводитъ всемірно-историческій процессъ, хотя отъ этого страдаютъ исторіи отдѣльныхъ народовъ, цѣльность которыхъ нарушается постоянными переходами отъ исторіи одного народа къ исторіи другого. Трудно сказать, какому изъ двухъ способовъ нужно отдать предпочтеніе въ педагогическомъ отношеніи, но несомнѣнно, что изложеніе по стра-

намъ усваивается учениками легче, нежели по періодамъ. Впрочемъ, вопросъ не въ большей или меньшей легкости для учениковъ: важность имѣютъ въ данномъ случаѣ, кромѣ педагогическихъ соображеній, и соображенія научныя.

Конечно, не отъ произвола составителей учебниковъ зависятъ одно распредѣленія матеріала для древней исторіи и другое для средневѣковой и новой. Въ болѣе раннія времена сравнительно съ эпохами болѣе поздними дѣйствовало на исторической сценѣ меньшее число народовъ, взаимоотношенія ихъ не были такъ часты и постоянны, да и роль каждаго изъ нихъ въ исторіи цивилизаціи начиналась приблизительно тогда, когда кончалась роль другого, между тѣмъ какъ въ средней и новой исторіи отдѣльные великіе народы дѣйствуютъ одновременно. Поэтому для древняго міра болѣе возможно изложеніе исторіи по странамъ, выступающимъ и въ учебникахъ одна за другою въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ выступали одна за другою въ дѣйствительности, и удобнѣе излагать событія мірового характера въ исторіи отдѣльныхъ странъ. Напримѣръ, греко-персидскія отношенія выходятъ за тѣсные предѣлы персидской или греческой исторіи, и ихъ можно было-бы въ курсѣ древней исторіи связывать не спеціально съ греческою исторіей, какъ это дѣлается, и не съ исторіей Персіи, поглотившей Востокъ, какъ это можно то было-бы дѣлать, а съ исторіей борьбы европейцевъ съ азіатскими африканскими народами, въ которую вошли-бы и пуническія войн излагаемыя въ римской исторіи, но могущія быть излагаемыми и исторіи карѳагенской. Наоборотъ, если-бы мы вздумали излагать странамъ исторію среднюю и новую, то встрѣтились-бы съ бездной з трудненій. Представьте себѣ учебникъ всеобщей исторіи, въ которомъ были-бы разсказаны одна за другою — и каждая отъ самаго начала до нашихъ дней—исторіи хотя-бы только наиболѣе важны: европейскихъ народовъ—сначала Франціи со времени занятія Галл франками до образованія третьей республики, затѣмъ Германіи о эпохи Тацита до установленія теперешней имперіи, далѣе Италіи о паденія Западной Римской имперіи до недавняго политическаго об единенія, Англіи отъ прихода въ Британію англовъ и саксовъ до с временнаго ея состоянія и т. п. Именно въ такомъ учебникѣ то дѣло пришлось-бы повторять однѣ и тѣ-же вещи, каковы введен христіанства, переселеніе германцевъ, паденіе Римской имперіи, монархія Карла Великаго, феодализмъ, крестовые походы, реформація, отдѣльныя международныя войны, въ которыхъ участвовали эти государства, и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно пришлось-бы ссылаться въ одной исторіи на другую, напримѣръ, въ исторіи Англіи на исторію Франціи по поводу завоеванія первой норманнами или по поводу второй революціи по ея связи съ оппозиціей политикѣ

Людовика XIV и т. п. Повторенія одного и того-же въ исторіяхъ разныхъ странъ и ссылки въ исторіяхъ одной страны на исторіи другихъ были-бы слишкомъ часты, но въ результатѣ у учениковъ не было-бы ни отчетливаго представленія объ общемъ ходѣ западно-европейской исторіи, ни яснаго пониманія общаго значенія или общихъ чертъ такихъ универсальныхъ явленій, какъ феодализмъ или гуманизмъ, беря для примѣра одно явленіе изъ соціально-политической исторіи, другое—изъ культурной.

Выходитъ, слѣдовательно, что существуютъ чисто объективныя основанія для того, чтобы древняя исторія излагалась по народамъ, а средняя и новая—по эпохамъ. У каждаго способа, сказали мы, есть и свои неудобства, съ которыми, конечно, слѣдуетъ считаться и которыя по возможности нужно, поэтому, и устранять. Мнѣ кажется, что ни тому, ни другому не слѣдуетъ давать безусловнаго господства, а скорѣе нужно дополнять одинъ другимъ и сочетать ихъ между собою.

Изложеніе древней исторіи должно слѣдовать порядку странъ, но съ нѣкоторыми дополненіями всемірно-историческаго характера. По моему мнѣнію, схема могла-бы здѣсь быть такая:

1) Отдѣльныя государства Востока, каждое до завоеванія персами, а въ заключеніи *общій взглядъ на ихъ взаимныя отношенія (культурныя и политическія) до VI в. до Р. Х.*

2) Персидская монархія до войнъ съ греками.

3) Греція до персидскихъ войнъ.

4) Греко-персидскія войны и внутренняя исторія Греціи въ эту эпоху.

5) Борьба греческихъ государствъ за гегемонію *и роль Персіи въ эту эпоху.*

6) Завоеваніе Греціи македонянами. *Состояніе Востока передъ македонскимъ завоеваніемъ.* Монархія Александра Великаго.

7) Эллинистическія государства на Востокѣ до завоеванія римлянами.

8) Грецію передъ римскимъ завоеваніемъ.

9) *Состояніе западной половины древняго міра въ эпоху греко-персидскихъ войнъ и македонскаго владычества.* Карѳагенъ.

10) Исторія Рима до пуническихъ войнъ.

11) Пуническія войны. Распространеніе римскаго владычества на западѣ. *Состояніе Греціи и эллинистическихъ государствъ въ эту эпоху.* Подчиненіе ихъ Риму.

12) Эпоха превращенія римской республики въ имперію.

13) Римская имперія. *Грецію и Востокъ при имперіи.*

14) Появленіе христіанства, борьба его съ язычествомъ и торжество надъ язычествомъ.

15) Римская имперія и варвары. Раздѣленіе и паденіе имперіи.

Эта схема мало чѣмъ отличается отъ общепринятой. Это есть въ сущности исторія Востока (1—2), Греціи (3—8) и Рима (10—15). Противъ общепринятыхъ рубрикъ я прибавилъ-бы только такія (отмѣченныя выше курсивомъ), которыя позволили-бы ученику не забывать, что исторія Египта, напримѣръ, не прекратилась съ завоеваніемъ его Персіей, какъ не прекратилась и вообще исторія всѣхъ странъ, вошедшихъ въ составъ персидской монархіи съ завоеваніемъ ея Александромъ Македонскимъ и Римомъ, а также дали бы возможность видѣть, что дѣлалось въ западной части древняго міра до начала римскихъ завоеваній. Я даже облегчилъ-бы ученику пониманіе этихъ отношеній, собравъ во-едино въ одномъ мѣстѣ и повторивъ въ связномъ видѣ факты, относящіеся къ исторіи отдѣльныхъ странъ, напримѣръ, давъ въ концѣ учебника § объ Египтѣ подъ персидскимъ, греческимъ и римскимъ владычествомъ и въ христіанскую эпоху. Я сейчасъ буду подробнѣе говорить о необходимости знакомить учениковъ съ одними и тѣми-же фактами въ разной связи. Такой пріемъ былъ-бы вполнѣ умѣстенъ уже при прохожденіи древней исторіи, хотя особенно онъ необходимъ, какъ мы увидимъ, въ средней и новой. Сущность дѣла та, что пройденное въ одной связи необходимо потомъ проходить (т.-е. въ сущности повторять) и въ другой связи. Напримѣръ, на первыхъ-же страницахъ древней исторіи дается общій очеркъ Египта до персидскаго завоеванія, но онъ долженъ быть дополненъ въ концѣ учебника параграфомъ, въ которомъ въ послѣдовательной связи было-бы повторено все, что говорится объ Египтѣ въ исторіи Персіи, Греціи и Рима. Вѣдь роль Египта во всемірной исторіи не кончилась съ его завоеваніемъ персами, и ученикъ долженъ сопоставить вмѣстѣ такія явленія, какъ александрійская образованность, участіе египетской религіи въ религіозномъ синкретизмѣ римской эпохи, неоплатонизмъ, ересь Арія, возникновеніе монашества,—явленія, упоминаемыя въ учебникѣ въ разныхъ мѣстахъ и въ связи съ другими явленіями, но долженствующія быть связанными и между собою.

Это только частный примѣръ, а общій принципъ тотъ, что связываемое по эпохамъ должно быть связываемо и по странамъ, и обратно. На данномъ примѣрѣ дополнительнаго параграфа объ Египтѣ мы предлагаемъ повторять факты, относящіеся къ одной странѣ, но размѣщенные по эпохамъ, собравъ эти-же факты вмѣстѣ въ очеркѣ, посвященномъ одной странѣ. Примѣняя этотъ принципъ къ цѣлому древней исторіи, изложеніе которой въ концѣ-концовъ слѣдуетъ порядку странъ, мы должны рекомендовать повтореніе уже извѣстныхъ ученику важнѣйшихъ фактовъ, распредѣленныхъ по исторіямъ отдѣльныхъ странъ, въ ихъ всемірно-исторической связи. Поэтому

приведенную схему содержанія древней исторіи я дополнилъ-бы не только коротенькими параграфами объ Египтѣ, Іудеѣ, Персіи и т. д. послѣ потери ими національной независимости, но и цѣлою главою о судьбахъ и роли отдѣльныхъ націй въ исторіи древняго міра.—главою, гдѣ были-бы повторены въ общей связи и въ хронологической послѣдовательности существенные факты международныхъ отношеній древности отъ первыхъ походовъ египетскихъ фараоновъ въ Ассирію до завершенія римскаго объединенія, и вмѣстѣ съ этимъ были-бы собраны вмѣстѣ всѣ уже извѣстные ученикамъ факты изъ исторіи культурнаго взаимодѣйствія націй, упоминавшіеся въ учебникѣ раньше въ разной связи (цивилизаціонная роль финикіянъ, восточныя вліянія на Грецію, распространеніе эллинизма на Востокъ, проникновеніе греческой образованности въ Римъ, распространеніе восточныхъ культовъ въ имперіи, вліяніе египетской религіи на греческую философію въ александрійскую эпоху, греческое вліяніе въ іудаизмѣ, объединеніе міра римскимъ правомъ, вліяніе восточныхъ порядковъ на позднѣйшія учрежденія имперіи, христіанство, вліяніе старыхъ религій на образованіе въ немъ сектъ и т. п.).

Пятнадцатая рубрика нашей схемы заключаетъ собою исторію древняго міра и открываетъ исторію новыхъ народовъ, которая только чисто внѣшнимъ образомъ дѣлится на среднюю и новую. Эта вторая половина всемірной исторіи, какъ мы видѣли, не можетъ быть излагаема по странамъ, а должна быть излагаема по періодамъ. Такъ и поступаютъ всѣ составители учебниковъ, расходясь, однако, между собою (и иногда даже очень сильно расходясь) въ своей періодизаціи. Можно было-бы разсмотрѣть и сравнить между собою множество разныхъ періодизацій, имѣющихъ, конечно, очень неодинаковое значеніе и съ научной, и съ педагогической точки зрѣнія, но главная суть вопроса не въ этомъ, а въ томъ, чтобы изложеніе всемірно-историческихъ явленій и событій въ перемежку съ фактами изъ частныхъ исторій главнѣйшихъ народовъ и раздробленіе этихъ частныхъ исторій на отдѣлы, которые тоже излагаются въ перемежку между собою и съ отдѣлами болѣе общаго содержанія, не создавало въ умѣ учащихся путаницы, въ которой имъ совершенно невозможно было-бы разобраться. Каждый преподаватель очень хорошо знаетъ, какую въ этомъ отношеніи представляетъ трудность для учениковъ средняя и новая исторія. Я думаю, что и серьезные составители историческихъ учебниковъ тоже всегда испытываютъ величайшія затрудненія, приступая къ систематизаціи учебнаго матеріала средней и новой исторіи.

Учебники исторіи страдаютъ обыкновенно однимъ недостаткомъ, который, не находя лучшаго выраженія, я назвалъ-бы отсутствіемъ

гибкости. Факты даются въ связи, которая не можетъ быть нарушена, т.-е. фактъ прикрѣпленъ къ извѣстному мѣсту въ учебникѣ и передвинуть его никакъ нельзя,—вотъ что я называю отсутствіемъ гибкости. Идеальнымъ учебникомъ, по моему мнѣнію, былъ-бы такой, въ которомъ факты давались-бы не въ одной неизмѣнной связи, а могли-бы комбинироваться различнымъ образомъ путемъ чтенія отдѣльныхъ параграфовъ не въ одномъ только томъ порядкѣ, въ какомъ они напечатаны. Для этого учебникъ долженъ быть построенъ по системѣ эпохъ, причемъ въ каждой эпохѣ давалась-бы сначала общая ея характеристика (напримѣръ, реформація, ея главныя причины, направленія и слѣдствія, общія для всѣхъ странъ, гдѣ она была), затѣмъ шелъ-бы обзоръ международныхъ отношеній эпохи (въ данномъ случаѣ войны Карла V съ Франциской I), а послѣ этого излагались-бы главныя событія въ исторіи отдѣльныхъ странъ въ данную эпоху (въ нашемъ примѣрѣ, кромѣ реформы церкви, рыцарское и крестьянское возстаніе и борьба князей съ императоромъ въ Германіи и т. п.). Допустимъ также для простоты представленія, что порядокъ рубрикъ въ каждой эпохѣ будетъ оставаться неизмѣннымъ и что общая система поэтому отличалась-бы безусловною стройностью. Тогда общее построеніе учебника получитъ такой схематическій видъ.

	Главное явленіе.	Междунар. отн.	1-я страна.	2-я страна.
1-я эпоха.....	A	A_1	a	a_1
2-я эпоха.....	B	B_1	b	b_1
3-я эпоха.....	C	C_1	c	c_1
4-я эпоха.....	D	D_1	d	d_1

Пусть въ этомъ учебникѣ отдѣльные параграфы будутъ напечатаны въ горизонтальномъ порядкѣ схемы (A, A_1, a, a_1, a_2 и т. д., потомъ B, B_1, b, b_1, b_2 и пр.), т.-е. въ порядкѣ эпохъ, но въ то-же время эти параграфы должны быть составлены такъ, чтобы могли съ удобствомъ читаться и въ порядкахъ вертикальныхъ (A, B, C, D и т. д., A_1, B_1, C_1, D_1,... или a, b, c, d и пр.), т.-е. по однородности содержанія. Въ первомъ случаѣ мы получимъ рядъ фактовъ общаго и частнаго значенія, связанныхъ между собою и одновременностью, и, до извѣстной степени, единствомъ внутреннимъ, во второмъ—ряды фактовъ или однороднаго содержанія, или относящихся къ одной и той-же странѣ, но уже на протяженіи всѣхъ историческихъ эпохъ. Учебникъ съ такимъ расположеніемъ матеріала могъ-бы быть пройденъ первоначально, выражаясь терминами схемы, въ горизонтальномъ порядкѣ, а потомъ—въ порядкѣ вертикальномъ, но и при первомъ прохожденіи можно было-бы, слѣдуя горизонтальному порядку, въ

то-же время частями установлять и вертикальную связь. Поясню примѣромъ. Одна эпоха будетъ, положимъ, реформація, другая—католическая реакція, и въ каждой эпохѣ за общимъ объясненіемъ явленія будутъ слѣдовать обзоръ внѣшней политики данной эпохи, а потомъ внутренняя исторія отдѣльныхъ странъ. По общему порядку характеристика реакціи будетъ слѣдовать за изложеніемъ послѣдней частной исторіи въ эпоху реформаціи, но прежде чѣмъ ученикъ прочтетъ общій очеркъ реакціи, ему полезно будетъ возобновить въ памяти общее представленіе о реформаціи, и онъ просмотритъ вновь общій параграфъ о реформаціи. Равнымъ образомъ, если за общимъ параграфомъ о реакціи будетъ слѣдовать параграфъ о международныхъ отношеніяхъ этой эпохи, то передъ тѣмъ, какъ его читать, можно будетъ возобновить въ памяти параграфъ о внѣшней политикѣ во время реформаціи. Наконецъ, чтенію параграфа, посвященнаго той или другой странѣ въ эпоху католической реакціи, могло-бы быть предпослано повтореніе параграфа, въ которомъ идетъ рѣчь о той-же странѣ въ предъидущую эпоху.

Другими словами, учебникъ долженъ быть написанъ въ порядкѣ A, A_1, a, a_1 и т. д., B, B_1, b, b_1 и т. д. и проходиться въ томъ-же порядкѣ съ повторительными возвращеніями передъ B къ A, передъ B_1 къ A_1, передъ b къ a и пр., а затѣмъ въ порядкахъ A, B, C и т. д., a, b, c и т. д. Это, думаю я, единственный способъ устранить неудобства, вытекающія изъ изложенія средней и новой исторіи по періодамъ, такъ какъ онъ даетъ возможность собирать во-едино факты, относящіеся къ одной и той же странѣ, или-же однородные факты, разнесенные по разнымъ эпохамъ, и позволяетъ связывать въ одно цѣлое факты, выходящіе за предѣлы частныхъ исторій отдѣльныхъ странъ. Тотъ-же общій принципъ можетъ быть проведенъ и въ учебникѣ древней исторіи, которая является въ гимназическомъ преподаваніи главнымъ образомъ исторіей двухъ народовъ, грековъ и римлянъ, а также и въ учебникѣ русской исторіи. Каждая изъ нихъ излагается по періодамъ, причемъ въ каждомъ періодѣ рѣчь идетъ въ томъ или другомъ порядкѣ и о внѣшнихъ событіяхъ въ связи съ расширеніемъ территоріи, и о перемѣнахъ въ государственномъ быту и въ общественномъ строѣ, и объ успѣхахъ образованности и т. п., но эти частные параграфы могутъ быть составлены такъ, чтобы, читая ихъ въ другомъ порядкѣ, нежели тотъ, въ которомъ они слѣдуютъ одинъ за другимъ въ учебной книгѣ, ученикъ имѣлъ возможность представить себѣ въ цѣльныхъ очеркахъ послѣдовательный ростъ территоріи въ связи съ исторіей отношеній къ сосѣдямъ, внутреннее развитіе учрежденій по всѣмъ періодамъ, движеніе духовной культуры и т. п. Вообще принципу подвижности отдѣльныхъ частей

историческихъ учебниковъ можно дать весьма широкое примѣненіе, и мы еще вернемся къ этому вопросу въ другомъ мѣстѣ.

Чтобы систематически провести возможность прохожденія учебника вдоль и поперекъ, необходимо установить опредѣленныя рубрики въ отдѣльныхъ эпохахъ, хотя-бы не въ каждой эпохѣ были на-лицо всѣ рубрики, а порядокъ ихъ размѣщенія не былъ безусловно одинаковъ. Вспомнимъ, что учебникъ всеобщей исторіи долженъ дать представленіе объ общемъ ея ходѣ *плюсъ* представленіе о ходѣ исторіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ народовъ. Отсюда двѣ категоріи рубрикъ—общія (*A* и A_1, *B* и B_1... въ нашей схемѣ) и частныя (*a*, a_1, a_2..., *b*, b_1, b_2... и пр.). Между этими двумя категоріями и должны распредѣлиться факты, составляющіе содержаніе учебника.

Въ главѣ третьей мы дали общую классификацію этихъ фактовъ: международная политика, общественный и государственный строй, духовная культура. Посмотримъ, въ какомъ отношеніи должна стоять эта классификація къ указаннымъ рубрикамъ, на которыя мы подраздѣляемъ изложеніе исторіи отдѣльныхъ эпохъ.

Начнемъ съ международныхъ отношеній. Обыкновенно учебники излагаютъ эти отношенія въ исторіи того или другого государства. Греко-персидскія войны излагаются, напримѣръ, въ исторіи Греціи, римско-карѳагенскія—въ исторіи Рима. Для древней исторіи, гдѣ изложеніе ведется по странамъ, это весьма естественно, но въ средней и особенно новой, гдѣ въ основу системы распредѣленія матеріала кладутся періоды, такое размѣщеніе фактовъ внѣшней политики едва-ли можно назвать правильнымъ. Возьмемъ для примѣра семилѣтнюю войну. По существующимъ программамъ ученики проходятъ исторію этой войны, собственно говоря, два раза—одинъ разъ во всеобщей исторіи, другой разъ въ русской. Въ учебникѣ отечественной исторіи, конечно, семилѣтняя война разсматривается исключительно съ точки зрѣнія участія въ ней Россіи, какъ это дѣлается, напримѣръ, и по отношенію и къ наполеоновскимъ войнамъ. Само собою разумѣется, что въ учебникѣ всеобщей исторіи международныя войны не могутъ освѣщаться съ точки зрѣнія участія въ нихъ единичныхъ странъ, если-бы даже та или другая война и имѣла особое значеніе только для одного государства. Семилѣтняя война имѣла общеевропейскій характеръ, такъ какъ въ ней участвовали Пруссія, Австрія, Россія, Англія и Франція, т.-е. всѣ тогдашнія великія державы. Съ національныхъ точекъ зрѣнія, конечно, можно дать пять различныхъ изложеній войны, оставаясь на строго объективной почвѣ; для этого стоитъ только подробнѣе изложить участіе въ ней одного изъ названныхъ государствъ и силь-

нѣе подчеркнуть ея значеніе въ исторіи именно этого государства. Нѣтъ, однако, никакого основанія воспроизводить въ учебникѣ всеобщей исторіи изображеніе семилѣтней войны съ какой-либо изъ перечисленныхъ точекъ зрѣнія. Между тѣмъ уже одно спеціальное пріуроченіе семилѣтней войны къ исторіи Пруссіи, какъ это обыкновенно дѣлается въ учебникахъ всеобщей исторіи, придаетъ этому факту, имѣющему международное значеніе, характеръ факта чисто прусскаго. Положимъ, главнымъ героемъ войны былъ прусскій король, и съ этой точки зрѣнія объ этой войнѣ приходится, дѣйствительно, говорить скорѣе въ исторіи его царствованія, а не въ исторіи царствованія Маріи-Терезіи, но такое соображеніе еще менѣе оправдывало-бы отнесеніе семилѣтней войны спеціально къ прусской исторіи, потому что это было-бы уже прямымъ пріуроченіемъ крупнаго историческаго событія исключительно къ одной личности. Учебникъ исторіи, понятное дѣло, долженъ выяснить особое значеніе семилѣтней войны для Пруссіи и указать на выдающуюся роль, которую игралъ въ этой войнѣ Фридрихъ II, но пусть сама эта война будетъ изъята изъ изложенія исторіи Пруссіи и помѣщена вмѣстѣ съ другими событіями той-же категоріи въ спеціальный отдѣлъ исторіи международныхъ отношеній соотвѣтственной эпохи.

Совокупность такихъ отдѣловъ, напримѣръ, въ учебникѣ новой исторіи можетъ составить въ результатѣ общій обзоръ исторіи международныхъ отношеній за послѣдніе четыре вѣка (XVI—XIX вв.). Эти отдѣлы даже должны прямо такъ составляться, чтобы, читая ихъ, ученикъ получилъ цѣльное и послѣдовательное изображеніе эволюціи международныхъ отношеній съ всемірно-исторической точки зрѣнія. При теперешнемъ размѣщеніи разсматриваемаго матеріала ученику очень трудно самому соединить въ одно цѣлое параграфы о международныхъ отношеніяхъ и о внѣшней исторіи государствъ, приспособленные по своему изложенію къ исторіи отдѣльныхъ странъ и потому написанные внѣ всякой внутренней связи между собою. Возьмемъ для примѣра исторію польскихъ раздѣловъ. Конечно, это фактъ не одной польской исторіи, но также и не одной русской исторіи, не одной прусской и не одной австрійской. Если въ учебникѣ русской исторіи фактъ паденія Рѣчи-Посполитой разсматривается съ точки зрѣнія прежнихъ русско-польскихъ отношеній и роста русской государственной территоріи, то во всеобщей исторіи все, что̀ касается внѣшней (дипломатической и военной) стороны событія, не могло-бы быть пріурочено даже къ исторіи одной Польши. Тѣмъ менѣе резоновъ говорить о польскихъ раздѣлахъ лишь въ связи съ исторіей, напримѣръ, одной Пруссіи, какъ-бы ни было важнымъ для монархіи Гогенцоллерновъ пріобрѣтеніе поль

скихъ территорій и какъ-бы ни была велика роль прусской дипломатіи въ дѣлѣ разрушенія польскаго государства. Въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ учебниковъ новой исторіи первый польскій раздѣлъ какъ разъ излагается въ главѣ о возвышеніи Пруссіи, именно въ исторіи царствованія Фридриха II, вслѣдъ за изложеніемъ войнъ за австрійское наслѣдство и семилѣтней, благодаря чему и выдвигается впередъ лишь одинъ результатъ перваго раздѣла—уничтоженіе черезполосицы между двумя главными частями монархіи Гогенцоллерновъ. Мало того. Если-бы по тому-же самому учебнику мы захотѣли прослѣдить дальнѣйшую судьбу Польши, то нашли-бы указаніе на оба слѣдующіе раздѣла въ исторіи Франціи въ эпоху революціи, гдѣ окончательное паденіе Польши разсматривается, какъ событіе, отвлекшее силы Австріи и Пруссіи отъ войны съ Франціей и тѣмъ много способствовавшее французскимъ побѣдамъ. Фактъ указанъ вѣрно, и его слѣдуетъ подчеркивать въ учебникахъ новой исторіи, но едва-ли полезно для пониманія всего значенія польскаго вопроса въ исторіи второй половины XVIII в. пріурочивать отдѣльные его фазисы къ исторіи отдѣльныхъ государствъ и освѣщать ихъ съ точекъ зрѣнія частныхъ исторій.

Итакъ, исторія международныхъ отношеній должна быть выдѣлена въ особую рубрику въ изображеніи отдѣльныхъ эпохъ, и въ этихъ отдѣлахъ должна господствовать всемірно-историческая точка зрѣнія. Особая связь того или другого изъ фактовъ этой категоріи съ внутренней исторіей какой-либо страны должна указываться въ другомъ мѣстѣ. Напримѣръ, исторія войнъ между Карломъ V и Франциской I не должна вставляться въ исторію Германіи реформаціонной эпохи, какъ фактъ одной нѣмецкой исторіи, притомъ объясняющій только причины слабаго вмѣшательства Карла V во внутреннія дѣла Германіи. Напротивъ, эти войны должны получить въ учебникѣ самостоятельное мѣсто въ ихъ общеевропейскомъ значеніи: въ связи съ итальянскими войнами конца XV и начала XVI в. и послѣдовавшаго за тѣмъ соперничества между французской династіей и Габсбургами. Въ изображеніи внутренняго состоянія Германіи въ первой половинѣ XVI в. должно быть только отмѣчено, что войны съ Франциской I мѣшали Карлу V принимать болѣе дѣятельное участіе во внутренней борьбѣ, происходившей въ то время въ Германіи. Точно также раздѣлъ Польши между сосѣдями долженъ получить въ учебникѣ самостоятельное мѣсто въ связи со всѣми перемѣнами, совершившимися въ политическомъ мірѣ въ XVIII столѣтіи (возвышеніе Россіи и усиленіе Пруссіи, ослабленіе Швеціи и Турціи, широкіе замыслы Іосифа II, потеря Франціей ея вліянія и т. п.), но причины внутренняго разложенія

Польши должны быть разсмотрѣны въ историческомъ очеркѣ этой страны въ связи съ общимъ изображеніемъ исторіи ея общественнаго и государственнаго быта. Оговорюсь, что, настаивая на необходимости выдѣленія исторіи международной политики въ особую рубрику, я вовсе не думаю давать ей первое мѣсто въ общемъ составѣ учебника. Напротивъ того, и по своимъ размѣрамъ весь очеркъ внѣшней политики долженъ занимать довольно скромное мѣсто, и количествомъ сообщаемыхъ фактовъ, именъ и годовъ не долженъ обременять памяти учащихся, тѣмъ болѣе, что именно здѣсь многіе параграфы могли-бы только прочитываться ученикамъ съ разъясненіями и дополненіями преподавателя, а не заучиваться для отвѣтовъ на урокахъ, а тѣмъ болѣе на экзаменахъ.

Отъ исторіи внѣшней переходимъ къ исторіи внутренней, и прежде всего къ исторіи соціально-политической. Факты этой категоріи должны составлять главное содержаніе исторіи отдѣльныхъ странъ, да иначе и быть не можетъ. Общественный и государственный бытъ складывается въ каждомъ государствѣ своеобразно, и въ каждомъ совершаются свои соціальныя и политическія движенія, происходятъ реформы и революціи, отличныя отъ реформъ и революцій въ другихъ странахъ. Всѣ такія историческія явленія имѣютъ всегда гораздо болѣе мѣстный характеръ сравнительно даже съ духовной культурой, съ идеями вообще, способными, наоборотъ, распространяться далеко за предѣлами отдѣльныхъ странъ. Исторія каждаго государства, разбитая на параграфы, которые размѣщаются потомъ въ разныхъ мѣстахъ учебника, должна быть написана такъ, чтобы, читая только одни эти параграфы, ученикъ получалъ цѣльное и стройное изображеніе общественной и государственной эволюціи даннаго народа и видѣлъ ясно въ этой эволюціи судьбу и роль мѣстныхъ историческихъ силъ, ихъ взаимоотношеній и организацій (учрежденій). Напримѣръ, въ исторіи Франціи, Англіи и Германіи, начиная съ среднихъ вѣковъ, рѣчь должна идти главнымъ образомъ о такихъ предметахъ, какъ королевская власть, феодальная аристократія, города, сословно-представительныя учрежденія, народная масса и т. п. Нельзя, конечно, угнаться въ учебникѣ за всѣми народами, и я уже говорилъ, что систематически внутреннюю исторію можно изложить только для нѣкоторыхъ странъ, но эпизодически могутъ вводиться въ изложеніе и всѣ страны, когда это необходимо для общаго представленія исторіи. Напримѣръ, я считаю систематическое изложеніе исторіи Швеціи излишнимъ, но эпизодически можно упомянуть и о реформаціи въ Швеціи въ XVI в., и объ ослабленіи въ ней королевской власти въ XVIII столѣтіи, и о монархическомъ переворотѣ 1772 г. и т. п. Нѣсколько особое

мѣсто въ учебникѣ средней и новой исторіи я отвелъ-бы Польшѣ,— мѣсто, такъ сказать, среднее между подробнымъ изложеніемъ, какое необходимо дать для Англіи, Германіи и Франціи, и эпизодическими упоминаніями, какія неизбѣжны по отношенію къ внутренней исторіи Швеціи, Венгріи, Чехіи и т. п. Польша была одною изъ крупныхъ политическихъ силъ и страною, на которой своеобразно отражались всѣ историческія теченія западной Европы, а ея внутренній бытъ тоже заслуживаетъ вниманія и по своимъ рѣзкимъ особенностямъ, и для объясненія гибели самой Рѣчи-Посполитой.

Было-бы, однако, неправильно включать весь матеріалъ по соціально-политической исторіи въ рубрики, отведенныя отдѣльнымъ странамъ. И въ этой области есть нѣкоторыя общія явленія, которыя и должны быть разсмотрѣны, какъ таковыя, т.-е. въ отдѣлахъ, посвященныхъ общимъ характеристикамъ эпохъ. Возьмемъ, напримѣръ, хотя-бы такія явленія, какъ феодализмъ, какъ сословная монархія, какъ абсолютизмъ и т. п. въ исторіи общественнаго и государственнаго быта народовъ западной Европы, или такія, какъ борьба съ церковною властью, меркантилизмъ, просвѣщенный абсолютизмъ и т. п. въ исторіи внутренней политики. Такія явленія должны получать общія характеристики, причемъ должны, конечно, отмѣчаться и національныя видоизмѣненія отдѣльныхъ явленій (англійскій феодализмъ въ отличіе отъ французскаго, просвѣщенный абсолютизмъ въ Пруссіи и въ Австріи и т. п.), и выдвигаться на первый планъ тѣ изъ этихъ видоизмѣненій, въ которыхъ названныя общія явленія выразились съ наибольшею яркостью (феодальное устройство Франціи при Капетингахъ, борьба папства и имперіи въ Германіи, англійскій парламентъ и т. п.). Исполняя послѣднее условіе, учебникъ только тѣснѣе свяжетъ внутреннюю исторію отдѣльныхъ государствъ съ общимъ ходомъ исторіи и дастъ исторіи отдѣльныхъ государствъ лучшее освѣщеніе съ всемірно-исторической точки зрѣнія.

Намъ остается разсмотрѣть третью категорію фактовъ — духовную культуру. Начнемъ съ религіи. Первыя религіи были строго-національныя. Весьма естественно, что въ учебникѣ древней исторіи излагаются отдѣльныя религіи Египта, Ассиро-Вавилоніи, Финикіи, Персіи, Греціи, Рима. Другое дѣло — средніе вѣка и новое время, являющіеся эпохою универсальныхъ религій—христіанства и магометанства, исторія которыхъ не можетъ быть включена въ рамки исторіи какого-нибудь одного народа. То-же самое можно сказать и объ отдѣльныхъ исповѣданіяхъ христіанства, о православіи и католицизмѣ, на которые раздѣлилась вселенская церковь въ IX в., и о разныхъ формахъ протестантизма, ведущихъ начало свое изъ

XVI в. Поэтому, напримѣръ, при изложеніи западно-европейской исторіи необходимы общія характеристики религіозныхъ формъ и движеній, пріуроченныя не къ исторіи отдѣльныхъ странъ, а къ исторіи отдѣльныхъ эпохъ во всѣхъ странахъ. Ученикъ долженъ познакомиться въ связномъ очеркѣ, хотя-бы и разнесенномъ частями по разнымъ мѣстамъ учебника, съ исторіей средневѣкового католицизма (папство, монашество, матеріальное могущество духовенства, аскетическій идеалъ, схоластическая философія, ереси и секты и т. п.), реформаціи (ея предшественники и главныя направленія), католической реакціи и т. д. Равнымъ образомъ ученику должна быть дана возможность ознакомиться въ связномъ-же очеркѣ съ исторіей свѣтской культуры Запада, т.-е. съ возникновеніемъ и распространеніемъ гуманизма («эпоха возрожденія»), успѣхами положительнаго знанія, общимъ характеромъ раціонализма («эпоха просвѣщенія») и т. п. Въ обоихъ случаяхъ должно быть указываемо и вліяніе культурныхъ идей на общественную жизнь и вообще на политическую сторону исторіи (напримѣръ, внѣшнее положеніе клира въ средневѣковомъ обществѣ, связь реформаціоннаго движенія съ движеніями политическими и соціальными, вліяніе католической реакціи на международныя отношенія, зависимость правительственныхъ реформъ второй половины XVIII в. отъ просвѣтительной философіи и т. п.).

Не смотря на то, что духовная культура болѣе, чѣмъ общественный и государственный бытъ, доступна общимъ характеристикамъ, не пріуроченнымъ къ отдѣльнымъ странамъ *), нельзя ограничиваться однѣми общими характеристиками, не переходя на почву отдѣльныхъ національностей. Положимъ, даже и лютеранство съ кальвинизмомъ, распространившіеся далеко за предѣлами своихъ родинъ, мы не можемъ считать фактами исключительно нѣмецкой или швейцарской исторіи, а философія Вольтера оказывала вліяніе, съ одной стороны, не на всѣхъ французовъ, а съ другой—далеко за предѣлами Франціи, тѣмъ не менѣе общія характеристики культурныхъ явленій должны сопровождаться очерками, касающимися отдѣльныхъ странъ, въ которыхъ эти явленія выразились особенно рельефно или своеобразно (гуманизмъ въ Италіи и въ Германіи, просвѣщеніе XVIII в. во Франціи и т. п.).

Подводя итоги подъ всѣмъ сказаннымъ о размѣщеніи разныхъ категорій историческаго матеріала по рубрикамъ представленной выше схемы, мы получимъ слѣдующія положенія:

---

*) Это происходитъ по той причинѣ, что, выражаясь по возможности коротко, идеи распространяются легче, чѣмъ учрежденія.

1) Факты международной политики должны помѣщаться въ особыхъ, общихъ параграфахъ.

2) Факты внутренней соціально-политической исторіи найдутъ мѣсто главнымъ образомъ въ рубрикахъ, посвященныхъ исторіи отдѣльныхъ странъ, но иногда должны собираться и въ особыхъ параграфахъ общаго содержанія.

3) Исторія духовной культуры должна составлять особую, общую для нѣсколькихъ народовъ рубрику, впрочемъ, съ необходимыми дополненіями по странамъ.

Къ этимъ положеніямъ прибавимъ слѣдующія новыя:

4) Въ каждой отдѣльной эпохѣ на первый планъ должна быть поставлена ея общая характеристика, которая, смотря по обстоятельствамъ, будетъ или культурная (напримѣръ, въ эпохѣ гуманизма), или соціально-политическая (напримѣръ, въ эпохахъ феодализма или абсолютной монархіи). Такого мѣста для общихъ характеристикъ требуютъ, съ одной стороны, преобладаніе всемірно-исторической точки зрѣнія, во-вторыхъ, предпочтеніе, отдаваемое внутренней исторіи передъ внѣшнею.

5) Параграфы, посвященные внѣшней исторіи, могутъ или непосредственно слѣдовать за общими характеристиками, или помѣщаться послѣ параграфовъ объ отдѣльныхъ странахъ, смотря по тому, какъ это окажется болѣе удобнымъ для пониманія взаимнаго отношенія между внѣшнею политикой и внутренней исторіей.

6) Исторіи отдѣльныхъ странъ въ разныхъ эпохахъ могутъ и даже должны быть размѣщаемы въ порядкѣ, указываемомъ большею близостью ихъ внутренней жизни къ общимъ явленіямъ эпохи, вслѣдствіе чего однообразный порядокъ былъ-бы непуженъ и даже прямо нежелателенъ.

7) Вообще расположеніе частей учебника должно быть таково, чтобы ученикъ постоянно могъ видѣть связь между внѣшней и внутренней исторіей, между исторіями разныхъ странъ, между культурнымъ и общественнымъ развитіями и въ то-же время въ каждомъ порядкѣ фактовъ между предъидущимъ и послѣдующимъ.

VII.

Планъ, набросанный мною въ предшествующей главѣ, разсчитанъ, конечно, по отношенію къ средней и новой исторіи, которыя излагаются въ учебникѣ не по странамъ, а по эпохамъ. Я уже говорилъ, что составленіе общаго плана учебника средневѣковой исторіи представляетъ болѣе затрудненій, чѣмъ составленіе такого плана для руководства по исторіи новой. Послѣдняя занимается почти исклю-

чительно одною западною Европою, тогда какъ въ первой, кромѣ того, все-таки видное мѣсто должно быть отведено и Византіи съ южными славянами, и мусульманскому міру съ его культурной и политической исторіей. Но, съ другой стороны, исторія среднихъ вѣковъ можетъ быть раздѣлена на болѣе крупные періоды сравнительно съ исторіей новой, въ которой жизнь двигалась быстрѣе и взаимодѣйствіе между отдѣльными странами было болѣе дѣятельнымъ.

Въ настоящей главѣ я дѣлаю опытъ примѣненія общихъ положеній, представленныхъ въ послѣдней главѣ, къ построенію учебника по исторіи новаго времени.

Посмотримъ сначала, какъ расположенъ учебный матеріалъ въ нашихъ лучшихъ учебникахъ новой исторіи, написанныхъ въ объемѣ гимназическаго курса.

Первый изъ нихъ—«Курсъ исторіи новыхъ временъ для воспитанниковъ и воспитанницъ среднихъ учебныхъ заведеній, составленный В. Шульгинымъ», бывшій въ ходу въ шестидесятыхъ годахъ, но переиздающійся и въ настоящее время, не смотря на то, что онъ сильно устарѣлъ (въ 1898 г. вышло въ свѣтъ седьмое изданіе). Въ этомъ учебникѣ, доведенномъ только до 1789 г., за введеніемъ, посвященнымъ переходу отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени и занятымъ, во-первыхъ, «эпохой изобрѣтеній и открытій» и «возрожденіемъ наукъ и искусствъ», слѣдуетъ изложеніе самой исторіи XVI—XVIII вв. (до 1789 г.), раздѣленное на два періода: отъ реформаціи до Вестфальскаго мира и отъ этого послѣдняго до французской революціи. Въ каждомъ изъ этихъ періодовъ изложеніе идетъ по странамъ, а именно въ первомъ періодѣ излагаются исторіи Германіи, Франціи, Великобританіи, Испанской монархіи и скандинавскихъ государствъ, во второмъ—Франціи, Великобританіи, Германіи и государствъ пиренейскихъ, итальянскихъ и скандинавскихъ. Наконецъ, въ исторіи каждаго главнаго государства заключительный параграфъ посвящается исторіи умственныхъ движеній въ данной странѣ за тотъ или другой періодъ.

Нельзя не признать совершенно вѣрнымъ включенія въ новую исторію, съ одной стороны, великихъ географическихъ открытій конца XV и начала XVI вв., а съ другой—эпохи ренессанса: обоими явленіями скорѣе открываются новыя времена по ихъ вліянію на всю историческую жизнь, чѣмъ заключаются средніе вѣка съ ихъ территоріальнымъ обособленіемъ западной Европы и господствомъ культуры, къ которой гуманизмъ сталъ въ оппозиціонное отношеніе. Только пора было-бы изгнать изъ учебниковъ «эпоху изобрѣтеній XIV и XV в.», когда на протяженіи чуть не цѣлыхъ двухъ столѣтій изобрѣли только писчую бумагу, книгопечатаніе, порохъ и

компасъ; вѣрнѣе было-бы назвать эпохой изобрѣтенія наше время пара и электричества. Равнымъ образомъ, пора и терминъ «возрожденіе наукъ и искусствъ» замѣнить болѣе научнымъ—«гуманизмъ». Прибавлю еще, что исторія открытія и завоеванія Америки разсказывается у Шульгина съ слишкомъ большими для учебника подробностями.

Самое изложеніе исторіи новаго времени построено у Шульгина въ сущности по странамъ, вслѣдствіе чего ученики лишены возможности представить себѣ общій ходъ исторіи; узнавать великія событія общеевропейскаго значенія имъ приходится довольно часто совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ. Напримѣръ, объ эпохѣ реформаціи ученикъ не узнаетъ сразу. Исторія реформаціи Лютера и Цвингли разсказывается въ отдѣлѣ о Германіи, исторія реформаціи Кальвина—въ отдѣлѣ о Франціи, причемъ, прежде чѣмъ до нея дойти, ученикъ проходитъ всю исторію Германіи до окончанія тридцатилѣтней войны, какъ будто ему не нужно знать исторіи появленія и распространенія кальвинизма и для исторіи самой Германіи. Тутъ-же, въ отдѣлѣ о Германіи, раньше, чѣмъ ученикъ успѣлъ познакомиться съ исторіей реформаціи разныхъ направленій (кальвинизмъ, англиканизмъ, пуританизмъ), ему дается исторія католической реакціи, ордена іезуитовъ и тридентскаго собора, словно все это имѣло значеніе лишь для Германіи. Или, съ другой стороны, очеркъ сопернической борьбы Франціи съ габсбургскимъ домомъ вставленъ у Шульгина въ исторію Франціи, которая помѣщается послѣ исторіи Германіи, доведенной до тридцатилѣтней войны включительно, т.-е. итальянскія войны конца XV в. и начала XVI в. и войны Франциска I съ Карломъ V въ первой половинѣ XVI в. разсказываются послѣ изложенія войны, происходившей въ первой половинѣ XVII столѣтія, тогда какъ и для исторіи нѣмецкой реформаціи и для исторіи тридцатилѣтней войны важно раньше уже знать исторію взаимныхъ отношеній между Габсбургами и Франціей. Вообще пріуроченіе международныхъ войнъ къ исторіи отдѣльныхъ странъ влечетъ за собою разныя хронологическія несообразности, не говоря уже о томъ, что этимъ дается войнамъ односторонее освѣщеніе. Шульгинъ сдѣлалъ, конечно, хорошо, изложивъ въ одномъ мѣстѣ исторію ренессанса въ разныхъ странахъ, но дальнѣйшія «умственныя движенія» у него разбиты по отдѣльнымъ странамъ, да и тутъ съ разными, зависящими одно отъ другого, культурными явленіями ученикъ знакомится въ совершенно невозможной послѣдовательности. Французская просвѣтительная литература излагается, напримѣръ, раньше англійской, и ученикъ узнаетъ о Вольтерѣ, Монтескьё и Руссо прежде, чѣмъ получитъ

общее понятіе о деизмѣ и о политическихъ теоріяхъ англичанъ, отъ которыхъ такъ зависѣли французскія идеи XVIII вѣка.

Правда, Шульгинъ старался связывать всѣ эти disjecta membra въ коротенькихъ (иногда въ нѣсколько строкъ) предисловіяхъ, въ которыхъ говорится, что исторія такой-то страны характеризуется въ данный періодъ такими-то явленіями, но, во-первыхъ, ему приходится называть явленія, которыхъ ученикъ еще не знаетъ, во-вторыхъ, частныя исторіи онъ характеризуетъ явленіями и общаго значенія, что даетъ поводъ къ недоразумѣніямъ, и, въ-третьихъ, самыя эти характеристики лишены у него внутренняго единства. Вообще, кажется мнѣ, учебникъ новой исторіи, составленный Шульгинымъ, можетъ служить доказательствомъ неудобства дѣлить новую исторію на слишкомъ крупные періоды и каждый періодъ излагать исключительно по странамъ.—Другой учебникъ новой исторіи, который со стороны его построенія я здѣсь разсмотрю, это—руководство, составленное проф. Виноградовымъ и своими научными достоинствами превосходящее всѣ другіе учебники. Самъ авторъ говоритъ въ предисловіи, что цѣлью его было «изложить по возможности существенные факты новой исторіи въ такомъ выборѣ и *порядкѣ, чтобы выяснился общій ходъ развитія* *) и причинная связь главныхъ событій». Разсмотрѣвъ гуманизмъ и географическія открытія въ своемъ курсѣ средневѣковой исторіи, авторъ начинаетъ изложеніе новой исторіи прямо съ реформаціи. Исторія XVI-го, XVII-го и XVIII-го вв. (до 1789 г.) у него, какъ и у Шульгина, дѣлится на два отдѣла подъ заголовками «Реформація» и «Старый порядокъ», но внутреннее расположеніе частей у него иное, именно, болѣе выдвигаются періоды. Сначала у него идетъ реформація въ Германіи до аугсбургскаго религіознаго мира (глава I), потомъ реформація въ Швейцаріи, въ Англіи и въ скандинавскихъ странахъ (глава II), но о реформаціи въ Нидерландахъ, въ Шотландіи, во Франціи и въ Польшѣ говорится уже въ разныхъ мѣстахъ главы (III), посвященной католической реакціи. Эта послѣдняя глава начинается съ разсмотрѣнія общихъ явленій (іезуиты и тридентскій соборъ) и излагаетъ международныя и внутреннія событія (въ перемежку) по странамъ въ такомъ порядкѣ: Испанія съ Нидерландами, Англія съ Шотландіей, Франція, Польша, а послѣ всего Германія до конца тридцатилѣтней войны. Маленькая заключительная (IV) глава этого отдѣла посвящена «искусству, литературѣ и наукѣ» всего періода.

Этотъ порядокъ имѣетъ несомнѣнныя преимущества, потому что именно лучше «выясняетъ общій ходъ развитія», но въ осуществленіи его у проф. Виноградова есть и существенныя неудобства.

*) Курсивъ нашъ.

Во-первыхъ, международныя отношенія, пріуроченныя въ концѣ-концовъ къ исторіи отдѣльныхъ странъ, въ разсматриваемомъ учебникѣ постоянно переплетаются съ фактами внутренней исторіи, нарушая связность ихъ изложенія. Вотъ частные случаи. Исторія реформаціи въ Германіи послѣ сожженія папской буллы прерывается для очерка образованія монархіи Карла V и его соперничества съ Франціей съ подробнымъ упоминаніемъ о значеніи итальянскихъ войнъ. Затѣмъ и вторично прерывается исторія реформаціи въ Германіи послѣ рыцарскаго и крестьянскаго возстаній и мюнстерской коммуны для очерка войнъ Карла V и Франциска I *). Другой примѣръ: въ исторіи католической реакціи вставленъ параграфъ о конквистадорахъ, которому было-бы болѣе подходящее мѣсто въ отдѣлѣ объ открытіи и завоеваніи Америки. Не повторяя здѣсь доводовъ въ пользу выдѣленія внѣшней политики въ особые отдѣлы, мы отмѣчаемъ здѣсь лишь то, что въ своемъ учебникѣ проф. Виноградовъ вообще стремится слѣдить за одновременностью событій. Это заставило его не только въ исторію нѣмецкой реформаціи вставить два куска изъ исторіи международныхъ отношеній, съ нарушеніемъ цѣльности разсказа, но и исторію реформаціи во Франціи, Нидерландахъ, Польшѣ и Шотландіи включить въ отдѣлъ о католической реакціи, такъ какъ въ названныхъ странахъ реформаціонное движеніе выразилось съ большою силою лишь послѣ того, какъ началась католическая реакція. Въ силу того-же принципа, очевидно, авторъ говоритъ о первомъ польскомъ раздѣлѣ въ видѣ вставки въ исторію Пруссіи послѣ семилѣтней войны, а раздѣлы второй и третій вставляетъ въ исторію войнъ французской революціи. Прежде всего, послѣдовательное проведеніе такого принципа немыслимо, и самъ авторъ отъ него отступаетъ даже въ своихъ вставкахъ, нерѣдко возвращаясь въ нихъ къ предъидущимъ эпохамъ. Такъ, напр., во вставкѣ въ исторію нѣмецкой реформаціи параграфа объ избраніи Карла V и о причинахъ его войнъ съ Франциской I вкратцѣ сообщается объ итальянскихъ войнахъ, начиная съ похода Карла VIII, или въ отдѣлѣ о католической реакціи второй половины XVI в. разсматривается исторія Польши съ эпохи возникновенія сеймиковъ и сеймовъ, т.-е. съ середины XV в. Главное-же то, что слишкомъ послѣдовательное проведеніе синхронизма заставляло-бы скучивать вмѣстѣ факты разныхъ категорій, и притомъ изъ исторіи разныхъ странъ, лишь по ихъ одновременности, что дѣлало-бы совершенно невозможнымъ для ученика слѣдить за развитіемъ одного какого-либо явленія или за событіями въ жизни одной какой-либо страны.

*) Такой порядокъ изложенія удобенъ лишь въ болѣе подробныхъ разсказахъ.

Пользуясь принципомъ синхронистичности во всякомъ случаѣ умѣренно (или не вполнѣ послѣдовательно), авторъ разсматриваемаго учебника, съ другой стороны, все-таки слишкомъ сосредоточиваетъ общія явленія около отдѣльныхъ странъ. Напримѣръ, во второмъ отдѣлѣ есть глава подъ названіемъ «Возвышеніе Пруссіи», въ которую вставлены факты изъ разныхъ временъ, но всѣ приноровленные къ тому, чтобы объяснить возвышеніе Пруссіи, хотя каждый изъ этихъ фактовъ могъ-бы быть включенъ въ учебникъ и не ради этой только цѣли. Именно, мы находимъ здѣсь параграфы и объ ослабленіи Польши въ войнахъ съ сосѣдями, и о непрочности монархіи Габсбурговъ съ характеристикой ея внѣшней политики, и о внутреннихъ дѣлахъ Рѣчи-Посполитой послѣ избранія Станислава Понятовскаго, и о первомъ раздѣлѣ Польши. Конечно, все это важныя обстоятельства и для исторіи Пруссіи, но и сами по себѣ они имѣютъ значеніе.

Въ общемъ можно сказать, что проф. Виноградовъ въ своемъ учебникѣ новой исторіи особеннымъ образомъ сочеталъ принципы пріуроченія фактовъ къ отдѣльнымъ эпохамъ или отдѣльнымъ странамъ. Такъ, въ сущности, и вообще вѣдь приходится поступать въ построеніи учебника новой исторіи, но иногда авторъ злоупотребляетъ обоими пріемами. Переплетая разсказъ о нѣмецкой реформаціи съ разсказомъ о внѣшней политикѣ Карла V и тѣмъ развлекая вниманіе ученика между двумя разными процессами, онъ слишкомъ злоупотребляетъ принципомъ синхронизма, но пріурочивая цѣлый рядъ фактовъ изъ исторіи Польши, Швеціи, Россіи, Турціи и Австріи къ изображенію возвышенія Пруссіи и тѣмъ ослабляя самостоятельное значеніе всѣхъ этихъ фактовъ, равно какъ давая ихъ въ довольно односторонней связи, онъ доводитъ пользованіе и вторымъ принципомъ до весьма значительнаго злоупотребленія.

Дѣло въ томъ, что, кромѣ связи по отношенію ко времени или къ пространству (по эпохамъ и по странамъ), въ исторіи есть еще связь по принадлежности къ одному кругу явленій. Съ этой точки зрѣнія, напримѣръ, говоря о реформаціи, можно соединять вмѣстѣ факты изъ исторіи разныхъ эпохъ и разныхъ странъ. Примѣры такихъ соединеній мы находимъ въ учебникѣ самого-же проф. Виноградова въ отдѣлахъ объ искусствѣ, литературѣ и наукѣ. Въ главѣ объ этихъ предметахъ въ первомъ періодѣ идетъ рѣчь о живописи итальянской, нѣмецкой, фламандской и голландской, о литературѣ Италіи, Испаніи, Франціи и Англіи, о философіи Бэкона и о научныхъ открытіяхъ XVI и XVII вв. Такой-же характеръ имѣетъ глава о «литературѣ и ея вліяніи» во второмъ отдѣлѣ (для второй половины XVII и начала XVIII вв.). Вообще по отношенію къ этому

предмету учебникъ проф. Виноградова стоитъ на лучшей точкѣ зрѣнія, чѣмъ Шульгина. Кромѣ того, по такому-же плану составлена у проф. Виноградова глава «Общество стараго порядка», гдѣ даны характеристики положенія отдѣльныхъ классовъ общества и государственнаго быта (или правительства) въ трехъ главныхъ странахъ западной Европы. Мы уже видѣли, что учебникъ исторіи долженъ группировать факты по принадлежности ихъ и къ однѣмъ и тѣмъ-же эпохамъ, и къ однѣмъ и тѣмъ-же странамъ, и къ однѣмъ и тѣмъ-же категоріямъ явленій (международныя отношенія, соціально-политическія формы и движенія, духовная культура). Разъ возможно посвятить цѣлую главу «обществу стараго порядка», возможно сдѣлать то-же самое было-бы и по отношенію, напримѣръ, къ реформаціи, собравъ въ одномъ мѣстѣ свѣдѣнія о ея причинахъ, прецедентахъ, главныхъ видахъ или направленіяхъ и слѣдствіяхъ. Такихъ общихъ характеристикъ главныхъ явленій новой исторіи мы въ учебникѣ проф. Виноградова не находимъ. Только въ исторіи нѣмецкой реформаціи въ нѣсколькихъ строкахъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ о ея причинахъ и прецедентахъ, въ другомъ—о мистицизмѣ конца среднихъ вѣковъ, въ третьемъ—о разныхъ направленіяхъ реформаціи и въ четвертомъ объ общемъ вліяніи реформаціи на духовную жизнь. Но и эти очень коротенькія вставки, далеко притомъ не исчерпывающія намѣченнаго вопроса, напечатаны мелкимъ шрифтомъ.

Перехожу теперь къ собственному плану (который я и кладу въ основу приготовляемаго мною учебника новой исторіи). Прежде всего перечислю его отдѣлы:

I. Начало всемірнаго господства европейскихъ народовъ.
II. Гуманизмъ.
III. Реформація.
IV. Католическая реакція.
V. Абсолютная монархія.
VI. Просвѣщеніе XVIII вѣка.
VII. Просвѣщенный абсолютизмъ.
VIII. Французская революція.
IX. Наполеоновская эпоха.
X. Реакція и либерализмъ.
XI. Вторая половина XIX в.
XII. Всемірное господство современныхъ народовъ.

Такъ или приблизительно такъ могутъ быть названы отдѣльныя главы учебника новой исторіи. Теперь разсмотримъ все построеніе въ цѣломъ.

Учебникъ начинается и оканчивается главами, посвященными вопросу о подчиненіи себѣ европейскими народами другихъ материковъ.

Въ первой изъ этихъ главъ должна идти рѣчь о географическихъ открытіяхъ конца XV и начала XVI в. и о началѣ внѣевропейской колонизаціи, въ послѣдней представлены результаты колонизаціонной дѣятельности и распространенія европейской цивилизаціи. Этого требуетъ всемірно-историческая точка зрѣнія, подспорьемъ-же для ученика должны служить его знанія изъ политической географіи.

Остальныя главы цѣликомъ посвящаются исторіи самихъ европейскихъ народовъ (съ Сѣверо-Американскими Штатами). Каждая глава охватываетъ извѣстную эпоху, причемъ послѣднія отдѣляются одна отъ другой и хронологически, и по содержанію главнаго явленія. Строго хронологическія рамки, конечно, невозможны. Реформація (глава III) началась много раньше прекращенія гуманистическаго движенія (глава II) и не кончилась еще, когда уже стала дѣйствовать католическая реакція (глава IV). Равнымъ образомъ въ эпоху гуманизма, реформаціи и реакціи происходитъ и превращеніе средневѣковой сословной монархіи въ монархію абсолютную (глава V), во времена которой на материкѣ и развивается «просвѣщеніе» XVIII в. (глава VI), да и просвѣщенный абсолютизмъ (глава VII) есть лишь извѣстная стадія въ развитіи абсолютизма. Каждый преподаватель исторіи пойметъ, однако, почему принимается такая послѣдовательность для исторіи XVI, XVII и XVIII вв., распредѣленіе-же «новѣйшей» исторіи (съ 1789 г.) дается чисто хронологическое.

Далѣе, изъ десяти главъ, посвященныхъ исторіи самой Европы, двѣ имѣютъ исключительно культурное содержаніе. Это главы о гуманизмѣ и о просвѣщеніи XVIII в., и въ нихъ, кромѣ общихъ характеристикъ названныхъ явленій и ихъ національныхъ видоизмѣненій, не должно быть никакихъ другихъ рубрикъ. За-то въ остальныхъ восьми главахъ должны быть, кромѣ общихъ характеристикъ, рубрики и международной политики, и соціально-политической исторіи отдѣльныхъ странъ. Впрочемъ, большое развитіе могутъ получить общія характеристики не во всѣхъ восьми главахъ: а именно въ двухъ изъ нихъ, собственно говоря, достаточно ограничиться изложеніемъ внутреннихъ событій и перемѣнъ въ отдѣльныхъ государствахъ и внѣшнихъ отношеній между послѣдними, такъ какъ этого совершенно довольно для выясненія общаго значенія соотвѣтственныхъ эпохъ. Говоря это, я имѣю въ виду двѣ сосѣднія главы о французской революціи и о наполеоновской эпохѣ. Въ обѣихъ могутъ быть вставлены лишь краткіе вступительные параграфы для общей связи. Кромѣ того, едва-ли возможно дать въ учебникѣ общую характеристику второй половины XIX в. Что касается до размѣщенія рубрикъ о внѣшней и внутренней исторіи, то оно, разумѣется, не можетъ быть вездѣ одинаковымъ. Въ исторіи реформаціи удобнѣе

предпослать внѣшнюю политику внутреннимъ движеніямъ, хотя-бы лишь для того, чтобы ученикъ при прохожденіи исторіи нѣмецкой реформаціи уже зналъ, почему Карлъ V долгое время не вмѣшивался во внутреннія дѣла Германіи. Въ главѣ о католической реакціи внѣшняя политика временъ Филиппа II должна быть выяснена раньше исторіи Франціи, Англіи, Шотландіи и Нидерландовъ въ эту эпоху, но исторія тридцатилѣтней войны должна быть помѣщена послѣ. Внѣшняя политика второй половины XVII и XVIII в., наоборотъ, должна быть изложена въ концѣ двухъ главъ, посвященныхъ этой эпохѣ, и т. д. Иногда, въ интересахъ цѣльности изложенія, ихъ придется дать и въ перемежку. Однимъ словомъ, здѣсь вполнѣ должно быть примѣнено къ дѣлу то, что уже прежде было сказано мною о размѣщеніи рубрикъ.

По всей вѣроятности, учебники пишутся въ томъ порядкѣ, въ какомъ потомъ и печатаются. Мнѣ кажется, что они должны писаться не въ порядкѣ программы, а въ послѣдовательности однородныхъ отдѣловъ. Дабы ученикъ могъ читать учебникъ не только въ порядкѣ напечатаннаго, но и по отдѣльнымъ рубрикамъ, т.-е., напримѣръ, отъ начала до конца всѣ параграфы о международныхъ отношеніяхъ или о внутренней исторіи Франціи и при этомъ не долженъ былъ дѣлать усилій для установленія связи между параграфами, напечатанными далеко одинъ отъ другого, удобнѣе всего поступить такъ, чтобы при составленіи учебника написаны были въ связномъ видѣ сначала, положимъ, всѣ параграфы о международныхъ отношеніяхъ, потомъ всѣ общія характеристики главныхъ явленій, а затѣмъ уже очерки всѣхъ отдѣльныхъ странъ, опять-таки каждый отдѣльно. Лишь послѣ такой работы составитель учебника долженъ комбинировать между собою отдѣльныя части всѣхъ очерковъ, руководствуясь общимъ планомъ.

Послѣ этихъ общихъ разъясненій позволяю себѣ привести и болѣе подробную программу центральныхъ десяти главъ учебника новой исторіи.

Гуманизмъ. Объясненіе термина. Отношеніе его къ возрожденію классической древности. Причины возникновенія его въ Италіи. Главнѣйшіе итальянскіе гуманисты и ихъ значеніе. Процвѣтаніе искусствъ въ Италіи. Гуманизмъ во Франціи и въ Англіи. Особое значеніе нѣмецкаго гуманизма. Главные нѣмецкіе гуманисты и ихъ борьба съ схоластиками. Вліяніе новаго умственнаго движенія на науку и философію.

Реформація. Объясненіе термина. Разныя причины реформаціоннаго движенія и ихъ разсмотрѣніе. Порча церкви и попытки реформы. Главныя направленія этихъ попытокъ. Предшественники ре-

формаціи. Главные реформаторы XVI в. Секты реформаціонной эпохи. Отношеніе реформаціи къ гуманизму и вліяніе на политическую исторію.

Международныя отношенія съ конца XV в. Итальянскія войны. Монархія Карла V. Причины его соперничества съ Франциской I. Войны между ними. Распаденіе монархіи Карла V.

Состояніе Германіи передъ реформаціей. Впечатлѣніе, произведенное проповѣдью Лютера. Вормскій сеймъ. Начало реформаціи. Рыцарское и крестьянское возстанія. Роль князей въ реформаціи и отношеніе къ нимъ Лютера. Распространеніе протестантизма. Борьба Карла V съ реформаціей. Шмалькальденская война. Аугсбургскій религіозный миръ. Общее вліяніе реформаціи на внутреннюю исторію Германіи.

Въ этомъ-же отдѣлѣ о реформаціи разсказывается исторія реформаціи въ Швейцаріи, въ скандинавскихъ государствахъ, въ Англіи и Шотландіи, во Франціи, въ Польшѣ и т. д. въ тѣснѣйшей связи съ внутренней ихъ исторіей (было-бы слишкомъ долго перечислять содержаніе исторіи отдѣльныхъ странъ, какъ это для образца сдѣлано по отношенію къ Германіи).

Католическая реакція. Общее понятіе. Причины ея. Испанскій католицизмъ. Роль Италіи въ реакціи. Папы реакціи. Орденъ іезуитовъ. Тридентскій соборъ.

Эпоха религіозныхъ войнъ. Международная политика Филиппа II. Его войны.

Англія, Франція, Нидерланды, Польша во второй половинѣ XVI в. (внутренняя ихъ исторія).

Внѣшняя политика Генриха IV. Продолженіе борьбы между Габсбургами и Франціей въ XVII в. Борьба Швеціи съ Польшею.

Внутренняя исторія Германіи во второй половинѣ XVI и началѣ XVII в. Тридцатилѣтняя война и вестфальскій миръ.

Абсолютная монархія. Сословная монархія и абсолютизмъ. Упадокъ сословно-представительныхъ учрежденій. Общая характеристика новыхъ государственныхъ порядковъ. Меркантилизмъ. Система правительственной опеки. Придворный бытъ. Противоположность между исторіей Франціи и Англіи.

Англія въ XVII в. и Франція въ XVII в. (внутренняя ихъ исторія).

Внѣшняя политика и войны Людовика XIV. Преобладаніе Швеціи въ эту эпоху и великая сѣверная война. Австрія и турки. Начало возвышенія Пруссіи. Начало упадка Польши.

Просвѣщеніе XVIII в. Его связь съ гуманизмомъ. Раціонализмъ и успѣхи положительнаго знанія. Англійскій деизмъ и англійскія политическія идеи. Ихъ переходъ во Францію. Главные представи-

тели французской литературы XVIII в. Общеевропейское вліяніе французскихъ писателей. «Просвѣщеніе» въ Германіи.

Просвѣщенный абсолютизмъ. Понятіе о старомъ порядкѣ и его существенныя черты. Общественный и государственный строй XVIII в. Идея просвѣщеннаго абсолютизма. Предѣлы эпохи. Реформы просвѣщеннаго абсолютизма. Церковная политика и уничтоженіе ордена іезуитовъ. Улучшеніе быта крестьянъ.

Германія (Австрія и Пруссія) въ XVIII в. Польша въ эпоху реформъ.

Внѣшняя политика второй половины XVIII в. Превращеніе Пруссіи въ великую державу. Паденіе Польши.

Англія въ XVIII в. и основаніе Соединенныхъ штатовъ въ Сѣверной Америкѣ.

Французская революція. Ея общеевропейское значеніе.

Внутренняя исторія Франціи въ XVIII в. Исторія революціи.

Революціонныя войны.

Наполеоновская эпоха. Общее ея значеніе.

Франція въ эпоху консульства и имперіи.

Наполеоновскія войны.

Мѣсто эпохи въ исторіи отдѣльныхъ странъ. Австрія. Пруссія. Паденіе имперіи.

Реакція и либерализмъ *).

Вѣнскій конгрессъ. Его созданія. Священный союзъ. Пентархія. Эпоха конгрессовъ. Вмѣшательство великихъ державъ въ революціонныя движенія на югѣ Европы. Греческое возстаніе. Отношеніе къ нему великихъ державъ.

Общее понятіе о внутренней реакціи съ 1815 г. Оживленіе католицизма и романтизмъ. Либерализмъ и начало соціальныхъ ученій. Экономическій переворотъ конца XVIII и начало XIX в. Борьба реакціи и либерализма, дворянства и буржуазіи. Національныя стремленія XIX в.

Отдѣльныя государства (Германія, Франція, Англія) до 1830 г.

Іюльская революція и вліяніе ея на международную политику.

Отдѣльныя государства въ эпоху іюльской монархіи.

1848 г. въ разныхъ странахъ и исходъ движенія.

Вторая половина XIX вѣка **).

---

*) Отступая отъ общаго плана, можно начать не съ культурной характеристики, а съ внѣшней исторіи.

**) Безъ общей характеристики. По отношенію къ этому предмету я только повторю нѣсколько строкъ изъ предисловія проф. Виноградова: «Я не рѣшился закончить книгу главой объ умственномъ движеніи вѣка, какъ того требовалъ бы общій планъ. Движеніе это и въ цѣломъ, и частяхъ возбуждаетъ слишкомъ

Международный строй до 1848 и послѣ 1848 г. Роль второй имперіи. Восточный вопросъ. Восточная война 1853—1856 гг. Принципъ національностей. Войны—итальянская, датская, австро-прусская, франпузско-германская. Паденіе второй имперіи.

Внутренняя исторія Англіи, СѢв.-Амер. Шт., Италіи, Германіи и Франціи въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ. Объединенныя Италія и Германія. Третья республика во Франціи.

Международныя комбинаціи послѣ 1871 г. Восточный вопросъ и дѣла на Балканскомъ полуостровѣ. Война 1877 — 1878 г. Тройственный и франко-русскій союзы. Къ этому отдѣлу и можетъ примкнуть обзоръ внѣевропейской политики великихъ державъ, который долженъ составить отдѣльную главу.

Изъ этого краткаго и очень неравномѣрнаго, въ смыслѣ перечисленія подробностей, обзора читатель увидитъ, что я вовсе не считаю нужнымъ педантически держаться общаго шаблона. Общія характеристики даются не для всѣхъ эпохъ. Въ одномъ—исключительномъ, правда—случаѣ внѣшняя политика предпосылается общей характеристикѣ эпохи. Наконецъ, внѣшняя исторія то предпосылается внутренней, то слѣдуетъ за нею, а въ иныхъ случаяхъ приходится и подраздѣлять эпохи, и отъ одной категоріи явленій возвращаться къ другой. Такъ, эпоха католической реакціи раздѣляется на два подъотдѣла (вторая половина XVI и первая половина XVII в.), а въ исторіи XIX в. даже и вообще приходится переходить отъ внутренней политики къ внѣшней и наоборотъ. Вообще нельзя требовать въ размѣщеніи матеріала полнаго единообразія, разъ является необходимость руководствоваться разными связями (по эпохамъ, по странамъ, по однородности явленій) и принимать въ разсчетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ и требованія научности, и соображенія чисто-педагогическаго свойства.

VIII.

Опредѣливъ, въ чемъ долженъ заключаться фактическій матеріалъ историческаго учебника и рѣшивъ вопросъ о томъ, какъ этотъ матеріалъ долженъ группироваться и размѣщаться въ учебникѣ, мы остановимся теперь на вопросѣ объ изложеніи историческихъ фактовъ.

Изложеніе предмета въ каждомъ учебномъ руководствѣ должно, съ одной стороны, зависѣть отъ свойствъ самого предмета, съ другой—приспособляться къ уровню пониманія учащихся. При взглядѣ на исторію, какъ на изображеніе процессовъ общественнаго и культурнаго развитія, изложеніе будетъ совершенно иное, нежели въ

много споровъ и, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время, я не съумѣлъ-бы дать обзоръ его, пригодный для средней школы». Но то-же можно сказать и объ общественныхъ движеніяхъ нашего времени.

томъ случаѣ, если въ исторіи мы будемъ видѣть лишь біографіи замѣчательныхъ лицъ и повѣствованія о крупныхъ событіяхъ. Въ послѣднемъ случаѣ, конечно, могутъ занять видное мѣсто и характерные для данныхъ лицъ анекдоты о нихъ и разныя подробности о драматическихъ эпизодахъ повѣствуемыхъ событій, а это и всему изложенію придастъ совсѣмъ иной характеръ, нежели въ томъ случаѣ, когда на первый планъ будетъ выдвинуто изображеніе процессовъ, совершающихся въ строеніи и культурѣ общества. Если только вѣрно, что отдѣльные предметы преподаванія должны стоять на уровнѣ современнаго состоянія соотвѣтственныхъ наукъ, то исторія должна и въ школьномъ преподаваніи разсматриваться не какъ собраніе біографій и повѣствованій объ отдѣльныхъ событіяхъ, а какъ картина общественныхъ и культурныхъ процессовъ, но этимъ и рѣшается вопросъ о томъ, какимъ необходимо будетъ самое изложеніе въ учебникѣ исторіи, составленномъ въ духѣ современнаго состоянія науки. Не думаю, чтобы кто-либо сталъ сомнѣваться въ правильности общаго положенія, только-что мною высказаннаго. Нѣтъ—или я, по крайней мѣрѣ, не знаю—такихъ основаній, по которымъ слѣдовало-бы и было-бы позволительно не примѣнять къ исторіи общаго правила о необходимости внесенія научнаго духа въ преподаваніе отдѣльныхъ предметовъ, изучаемыхъ въ средней школѣ. Что справедливо въ данномъ случаѣ относительно математики или физики, должно быть справедливымъ и относительно исторіи.

Общій выводъ изъ сказаннаго — тотъ, что изложеніе въ учебникѣ, написанномъ съ научной точки зрѣнія, неизбѣжно будетъ болѣе отвлеченнымъ, чѣмъ въ учебникѣ, который имѣлъ-бы болѣе конкретное содержаніе. Въ первой половинѣ XIX в. очень часто ставился и рѣшался вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ исторіи и поэзіи, потому что въ обѣихъ видѣли только разные роды искусства («historische Kunst») Исторія разсматривалась, какъ художественное воспроизведеніе были, чѣмъ только будто-бы она и отличается отъ поэзіи, художественно изображающей небылицу. Съ середины XIX в. поднялся вопросъ о возведеніи исторіи на степень науки, и въ настоящее время на исторію смотрятъ уже именно какъ на науку, хотя и далекую еще отъ совершенства, а не какъ на искусство. Различіе между наукой и искусствомъ заключается, между прочимъ, въ отвлеченности первой и конкретности второго. Въ исторіи художественное, образное воспроизведеніе прошлаго приемлимо лишь къ изображенію отдѣльныхъ лицъ, къ повѣствованію объ отдѣльныхъ событіяхъ, къ описанію, напримѣръ, нравовъ, если то, что воспроизводится, способно сильно дѣйствовать на фантазію и вообще можетъ оказывать то или другое вліяніе на наши эмоціи. Я вовсе не думаю, чтобы этимъ элементомъ слѣдуетъ пренебрегать въ препода-

знаніи исторіи, но убѣжденъ, что въ учебникѣ ему не мѣсто. Во-первыхъ, учебникъ исторіи долженъ по самому существу дѣла имѣть научный и, слѣдовательно, отвлеченный, а не конкретный характеръ. а, во-вторыхъ, если-бы мы даже и придали ему характеръ конкретный, то этимъ еще не сдѣлали-бы его доступнымъ художественному изложенію. Какъ-ни-какъ, а учебникъ исторіи долженъ быть и кратокъ, и не бѣденъ фактическимъ содержаніемъ, при необходимости-же на маломъ пространствѣ изложить большое количество фактовъ куда гнаться за художественностью? Напротивъ, дай Богъ только избѣжать превращенія учебника въ сухой каталогъ фактовъ. Самое дѣло стоитъ такъ, что приходится выбирать, если хотите, даже не между художественностью и научностью, а между знаніемъ единичныхъ фактовъ и знаніемъ обобщеннымъ. Въ какую сторону долженъ склониться выборъ и настоящаго ученаго, ясно понимающаго задачи науки, и истиннаго педагога, правильно представляющаго себѣ цѣли, которыя нужно ставить образованію юношества, т.-е. слѣдуетъ-ли набивать голову учениковъ лишь конкретными свѣдѣніями о голыхъ фактахъ съ собственными именами и хронологическими датами, или сообщать имъ научныя понятія и обобщенія,—на этотъ вопросъ не можетъ быть при современномъ пониманіи педагогики двухъ различныхъ отвѣтовъ. Разъ, однако, дѣло идетъ объ обобщенномъ знаніи, то не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы учебникъ не имѣлъ отвлеченнаго характера.

Въ другомъ мѣстѣ я остановлюсь подробнѣе на томъ, какъ отвлеченность учебника должна восполняться историческими чтеніями и иллюстраціями, но здѣсь отмѣчу лишь то, что отвлеченность исторіи въ ея научной постановкѣ не должна служить препятствіемъ къ преподаванію этого предмета, сообразному съ требованіями науки. Если стать на ту точку зрѣнія, противъ которой я возражаю, то пришлось-бы изгнать всякую абстрактность и изъ преподаванія другихъ предметовъ, что, напримѣръ, по отношенію къ математикѣ было-бы равносильно ея устраненію изъ гимназическаго курса, вмѣстѣ, прибавимъ еще, пожалуй, и со всей физикой. И логику изъ старшихъ классовъ тоже слѣдовало-бы тогда изгнать. Развѣ, можно спросить далѣе, ученику совсѣмъ не приходится имѣть дѣло съ грудою отвлеченнаго и въ такихъ предметахъ, какъ Законъ Божій или грамматика разныхъ языковъ? Если ученики въ общемъ справляются съ отвлеченностями въ другихъ предметахъ средне-учебнаго курса, то почему именно въ исторіи имъ будетъ не подъ силу справляться съ такими-же, во всякомъ случаѣ не большими, если не меньшими трудностями *)?

*) Ср. аргументацію въ статьѣ *О. Ш. Герасимова* «Одна изъ старыхъ чертъ въ нашей учебно-исторической литературѣ» («Истор. Обозрѣніе», т. VII).

Наконецъ, не злоупотребляемъ-ли мы терминомъ, говоря вообще объ ученикахъ безъ различія возраста? Въ нашихъ гимназіяхъ исторія (не считая священной исторіи, преслѣдующей цѣли религіозно-нравственнаго воспитанія) проходится въ шести классахъ, начиная съ третьяго и кончая восьмымъ. Въ третій классъ у насъ принимаются дѣти отъ двѣнадцати до четырнадцати лѣтъ, изъ восьмого класса выходятъ юноши въ возрастѣ восемнадцати—двадцати лѣтъ (случается и 21—22 лѣтъ). Конечно, то, что доступно ученику старшихъ классовъ, не можетъ быть доступнымъ ученику какого-либо младшаго класса. Въ теченіе шести лѣтъ, отдѣляющихъ переходъ ученика изъ второго класса въ третій, мальчикъ превращается въ юношу, и было-бы одинаково невозможнымъ вести преподаваніе исторіи въ III классѣ такъ, какъ это должно дѣлаться въ VIII, и, наоборотъ, въ VIII классѣ продолжать проходить этотъ предметъ въ томъ-же видѣ и съ тѣми-же пріемами, которые необходимы въ III-мъ. На этомъ соображеніи основана такъ-называемая концентрическая система, требующая, чтобы исторія въ полномъ объемѣ проходилась учениками средней школы, по крайней мѣрѣ, два раза (если не три). Того-же принципа держались и недавнія программы мужскихъ гимназій Министерства Народнаго Просвѣщенія, отводившія третій и четвертый классы на прохожденіе эпизодическаго курса, старшіе—на прохожденіе курса систематическаго (впрочемъ, и по теперешнему учебному плану гимназій исторія отечественная и классическихъ народовъ проходится по два раза). Дѣйствительно, возрасты, на которые выпадаетъ изученіе исторіи, до такой степени различны, что было-бы крайне непедагогично растягивать курсъ исторіи на шесть лѣтъ, начинать его съ ребятами и кончать съ молодыми людьми.

Въ предметахъ чисто теоретическихъ, образцомъ которыхъ является математика, ученикъ переходитъ, во-первыхъ, отъ болѣе простого и легкаго къ болѣе сложному и болѣе трудному, слѣдуя при этомъ, во-вторыхъ, логическому порядку развитія однѣхъ истинъ изъ другихъ. Того-же принципа перехода отъ болѣе легкаго въ болѣе трудному, отъ простого къ сложному держится здравая педагогика и при изученіи языковъ, располагая, напримѣръ, переводы въ извѣстной постепенности и послѣдовательности. Въ иномъ положеніи находятся предметы историческіе, ознакомленіе съ которыми ведется въ ихъ хронологической послѣдовательности. Для пониманія тригонометріи ученику нужны знанія и изъ алгебры, и изъ геометріи, т.-е., другими словами, онъ не пойметъ, что такое синусы и косинусы съ ихъ логариѳмами, находясь только въ третьемъ классѣ, но между древней исторіей, стоящей въ началѣ курса, и новѣйшей, помѣщаю

щейся въ концѣ, нѣтъ и быть не можетъ такой разницы, какая существуетъ между ариѳметикой и тригонометріей. И въ древнія, и въ новыя времена мы встрѣчаемся съ фактами, которые или одинаково легки, или одинаково трудны для усвоенія и пониманія учениками. Съ этой точки зрѣнія нѣтъ разницы между походомъ Ксеркса на Грецію и нашествіемъ Наполеона на Россію, между войнами Рима съ Карѳагеномъ и Россіи съ Польшей, между исторіей римскаго и англійскаго государственнаго устройства, исторіей соперничества Аѳинъ и Спарты въ Греціи и Австріи съ Пруссіей въ Германіи, борьбы плебеевъ съ патриціями и третьяго сословія съ дворянствомъ, образованія латифундій въ Римской имперіи и развитія крупнаго землевладѣнія въ новѣйшей Англіи, реформъ Солона или Клисѳена и реформъ Тюрго или барона Штейна, умственнаго переворота въ эпоху Сократа и софистовъ и въ эпоху гуманизма, распространенія эллинизма на азіатскомъ и африканскомъ Востокѣ, и распространенія европейской цивилизаціи въ другихъ частяхъ свѣта и т. п. Все это—факты равносильные, не то, что положенія и формулы, съ одной стороны, ариѳметики, и, съ другой—тригонометріи. Правда, мнѣ могутъ возразить, что и въ исторіи предъидущее нужно для пониманія послѣдующаго и что съ теченіемъ времени историческая жизнь становится все болѣе и болѣе сложною, а потому, скажутъ, и нѣтъ такой разницы между математикой и исторіей, въ качествѣ учебныхъ предметовъ, о какой я говорю. Едва-ли это такъ, однако, и навѣрное даже не такъ. Вездѣ, конечно, пониманіе послѣдующаго основывается на пониманіи предъидущаго, но одно дѣло—связь логическая, первенствующая въ наукахъ теоретическихъ, другое дѣло—генетическое объясненіе, играющее главную роль въ исторіи. Самая пустая тригонометрическая задача окажется не по силамъ ученику, не учившемуся алгебрѣ и геометріи, но въ исторіи войны 1812 г. хорошо разберется и такой ученикъ, который ничего не слыхалъ даже о французской революціи, и исторію каждой отдѣльной страны можно изложить удовлетворительно внѣ связи этой исторіи съ предъидущимъ историческимъ развитіемъ. Съ другой стороны, жизнь, дѣйствительно, усложняется, и древняя исторія съ извѣстной точки зрѣнія, пожалуй, и проще новой, но равносильно-ли усложненіе, о которомъ можно говорить при сопоставленіи новой и древней исторіи, усложненію въ математикѣ отъ четырехъ дѣйствій надъ цѣлыми числами до наиболѣе трудныхъ тригонометрическихъ задачъ? Въ сущности, объ усложненіи матеріала въ исторіи можно говорить лишь въ такомъ-же смыслѣ, въ какомъ при прохожденіи ариѳметики ученикамъ кажутся болѣе сложными задачи на сложеніе не съ двумя, а со многими слагаемыми, или такія задачи, гдѣ дѣло не ограничивается однимъ какимъ-либо дѣйствіемъ, а должны такъ или иначе комбинироваться и сложеніе, и вычитаніе, и умно-

женіе, и дѣленіе. Общественные и культурные элементы, являющіеся главными историческими категоріями, одни и тѣ-же во всѣхъ отдѣлахъ исторіи. Самый процессъ усложненія жизни повторяется въ исторіи каждаго народа, и жизнь древнихъ народовъ въ болѣе позднія эпохи была куда посложнѣе жизни новыхъ народовъ въ болѣе раннія эпохи ихъ существованія. Греки, римляне, германцы и славяне стояли, приблизительно, на одинаковой ступени культурнаго и соціальнаго развитія въ періодъ возникновенія между ними государственной жизни, и совершенно одинаково какъ въ древней исторіи, такъ и въ исторіи среднихъ вѣковъ и новаго времени намъ приходится слѣдить за усложненіемъ жизни. «Отъ Ромула до нашихъ дней» историческій матеріалъ оказывается такимъ образомъ довольно однороднымъ.

Въ силу неизбѣжной отвлеченности научнаго курса исторіи онъ не можетъ начинаться слишкомъ рано, вслѣдствіе-же однородности его матеріала во всѣхъ частяхъ прохожденіе его не должно растягиваться на большое число лѣтъ. Третій и четвертый классы гимназіи слѣдовало-бы предоставить прохожденію курса эпизодическаго, болѣе конкретнаго, чисто повѣствовательнаго и описательнаго, который закладывалъ-бы въ памяти ученика фундаментъ необходимѣйшихъ фактическихъ знаній, создавалъ-бы въ его умѣ общее представленіе о всемірно-исторической послѣдовательности, развивалъ-бы въ немъ интересъ къ историческому знанію и служилъ-бы своего рода пропедевтикой къ курсу научно-систематическому. Послѣдній годъ въ нашей средней школѣ я отвелъ-бы повторенію пройденнаго, но не для того, чтобы потомъ пытать юношу на экзаменѣ, хорошо-ли онъ помнитъ всѣ собственныя имена и разныя другія названія по вопросамъ: кто былъ, чѣмъ замѣчателенъ или когда жилъ, или что называется такъ-то и такъ-то, либо какъ называлось то-то и то-то? Экзамену исторіи вообще слѣдовало-бы придать характеръ испытанія не въ памяти, а въ осмысленномъ знаніи, и повтореніе исторіи въ послѣднемъ классѣ нужно было-бы именно для общаго осмысленія знанія, хотя-бы потомъ и не полагалось никакого экзамена. Если начинать такимъ образомъ систематическій курсъ исторіи въ V-мъ классѣ, а VIII-й отводить на общее повтореніе, то на прохожденіе систематическаго курса придется три года, и проходить его будутъ большею частью подростки и юноши лѣтъ отъ 15—16 до 18—19.

Говоря объ учебникѣ исторіи, я вездѣ имѣлъ въ виду именно систематическій курсъ для возраста, соотвѣтствующаго старшимъ классамъ гимназіи. Въ этомъ возрастѣ развитіе идетъ особенно быстро, «не по годамъ, а по часамъ», какъ говорится въ сказкахъ, и если во всѣхъ частяхъ курса содержаніе должно быть вполнѣ однороднымъ, то самый способъ изложенія долженъ быть болѣе

простымъ и доступнымъ въ началѣ курса и лишь постепенно усложняться, если этого требуетъ самый предметъ. Равнымъ образомъ, и то, что должно заучиваться или только прочитываться, въ разныхъ частяхъ курса можетъ имѣть различный характеръ.

Научная отвлеченность, о которой шла рѣчь, должна быть, однако, понимаема въ условномъ и ограниченномъ смыслѣ. Менѣе всего я думаю о превращеніи школьной исторіи въ философію исторіи. По самому существу своему исторія есть наука конкретная, феноменологическая, а не абстрактная, не номологическая. Вся отвлеченность, о которой было говорено, сводится поэтому вотъ къ чему. Во-первыхъ, учащійся долженъ выносить изъ исторіи, какъ предмета преподаванія, не одни единичныя представленія о такомъ-то Римѣ или такой-то Спартѣ, о такомъ-то Карлѣ Великомъ или Владимірѣ Мономахѣ, о такой-то Бородинской битвѣ или такомъ-то національномъ собраніи, но и нѣкоторыя общія понятія, которыя находятъ примѣненіе въ изображеніи исторіи разныхъ странъ и народовъ (пожалуй, и среди отдѣльныхъ явленій названіе учрежденія можетъ показаться болѣе отвлеченнымъ, чѣмъ названіе лица, но это можетъ случиться только по недоразумѣнію). Во-вторыхъ, научное пониманіе исторіи восходитъ отъ представленія о дѣйствіяхъ отдѣльныхъ лицъ или такихъ собирательныхъ дѣятелей, какими являются учрежденія (между ними и правительственныя) или общественныя группы (націи, вѣроисповѣданія, классы, сословія, партіи, школы), къ понятію общественныхъ и культурныхъ процессовъ путемъ обобщенія однородныхъ или сродныхъ явленій, связанныхъ между собою въ эволюціонномъ отношеніи. Безъ общихъ понятій и обобщеній не можетъ быть и самой науки, да и другіе предметы, преподаваемые въ средней школѣ, какъ извѣстно, не обходятся.

Вотъ именно такая, а не иная какая-либо,—не историко-философская, что-ли, или соціологическая,—отвлеченность содержанія не можетъ не отразиться и на изложеніи учебника. Научному содержанію долженъ соотвѣтствовать и научный языкъ. Это давно признано по отношенію къ учебникамъ математики и физики или грамматики, и исторія не должна въ этомъ отношеніи подчиняться какому-либо иному правилу. Учебникамъ математики и физики или грамматики не возбраняется употреблять иностранные термины и даже въ очень изрядномъ количествѣ, не нужно мѣшать и учебнику исторіи пользоваться тѣмъ или другимъ ученымъ терминомъ, если только имъ обозначается общее явленіе, съ которымъ слѣдуетъ познакомить учащихся. Напримѣръ, ученикъ, проходя исторію реформаціи, долженъ знать, что правительства, принимавшія реформу церкви, отбирали у духовенства и монастырей ихъ имущества и что такое превращеніе церковной собственности въ свѣтскую называется секуляри-

зацiей. При этомъ ученику должно быть разъяснено самое словопроизводство и указано на то, что случаи секуляризацiи бывали и ранѣе (Карлъ Мартелъ), и позже (въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма и французской революцiи), равно какъ и не на одномъ Западѣ. Извѣстно, однако, что въ современной исторической литературѣ терминъ «секуляризацiя» имѣетъ болѣе широкое примѣненiе, когда говорятъ, напримѣръ, о секуляризацiи искусства и политики. Кромѣ того, рядомъ съ существительнымъ «секуляризацiя» или глаголомъ «секуляризовать» употребляютъ и соотвѣтственное прилагательное въ такихъ выраженiяхъ, какъ «секуляризацiонныя попытки», «секуляризацiонныя стремленiя» и т. п. Мнѣ кажется, что, объяснивъ ученикамъ терминъ, можно смѣло употреблять его, и въ болѣе широкомъ значенiи въ виду того, что съ общимъ понятiемъ, имъ обозначаемымъ, ученикамъ придется встрѣчаться не разъ, да и безъ понятiя, выражаемаго словомъ «секуляризацiя», трудно было-бы выяснить сущность такого явленiя, какъ гуманизмъ. Въ болѣе широкомъ значенiи «секуляризацiя» есть уже не дѣйствiе («такой-то секуляризовалъ»), а процессъ («искусство секуляризовалось»), для котораго долженъ-же быть свой терминъ. Разъ нѣтъ русскаго, приходится употреблять иностранный. На томъ-же основанiи въ учебникѣ исторiи рядомъ съ словами «феодъ», «феодализмъ», «феодальный» неизбѣжно употребленiе и термина «феодализацiя» для обозначенiя процесса или процессовъ, приведшихъ къ установленiю феодальной системы. Если введенiе въ русскiй языкъ иностранныхъ терминовъ есть зло, то исторiя столь-же мало поставлена въ возможность его избѣгать, какъ и математика или физика, которыя никакъ не могутъ обойтись безъ такихъ словъ, какъ трапецiя, синусъ, амплитуда и т. п.

Языкъ учебника исторiи, какъ и всякаго другого учебника, долженъ отличаться краткостью и точностью. Въ первомъ отношенiи слѣдуетъ избѣгать расплывчатаго изложенiя, не впадая, однако, въ конспективность, во второмъ—болѣе всего заботиться о надлежащемъ употребленiи терминовъ, о вѣрности опредѣленiй, о наибольшемъ соотвѣтствiи между фактомъ и его передачею и т. п. Ради занимательности изложенiя и вообще съ цѣлью привлеченiя интереса къ предмету, нѣкоторые авторы прибѣгаютъ къ разнаго рода украшенiямъ, которыя, къ счастью, давно вышли изъ употребленiя въ учебникахъ другихъ предметовъ. Включенiе въ текстъ учебника разныхъ анекдотовъ и курьезовъ *) только развлекаетъ вниманiе учениковъ, и столь-же мало полезна довольно сомнительная «образность», ради которой при одномъ собственномъ имени сообщается, что это былъ человѣкъ такого-то роста, такой-то въ плечахъ и т. п., а при дру-

*) Особенно ихъ много въ новѣйшихъ учебникахъ г. Иванова.

гомъ отмѣчается, что у его носителя были задумчивые каріе глаза и вѣчно грустная улыбка на блѣдныхъ устахъ. Цвѣтамъ краснорѣчія то-же не полагалось-бы мѣста въ учебникѣ. Не нужно забывать, что учебникъ заучивается и что заученное ученику приходится пересказывать въ классѣ. Если полезно для выработки плавной, правильной и красивой рѣчи заучивать наизусть образцовую прозу, то пусть это дѣлается на урокахъ роднаго языка, гдѣ ученикъ будетъ знать и понимать, что дѣло идетъ о формѣ, а не о содержаніи. Тѣ времена прошли, когда думали, что преподаваніе исторіи имѣетъ своею цѣлью, кромѣ содѣйствія развитію памяти, и выработку умѣнія разсказывать, такъ какъ о безостановочности, послѣдовательности и правильности устнаго изложенія учениками того, что у нихъ спрашиваютъ, должны заботиться одинаково преподаватели всѣхъ предметовъ. Между тѣмъ, цвѣтистый языкъ учебника по какому-бы то ни было предмету или будетъ пріучать ученика къ фразерству, или ставить его втупикъ относительно того, какъ перевести на обыкновенный языкъ ту или другую яркую фразу. Ученикомъ гимназіи я проходилъ новую исторію по Иловайскому, но подчитывалъ и Шульгина, который мнѣ нравился своимъ изложеніемъ. Однажды мнѣ пришлось отвѣчать урокъ о Ришелье, о которомъ у Шульгина, между прочимъ, сказано: «знать не хотѣла называть буржуа своими братьями на государственныхъ собраніяхъ, Ришелье побраталъ ихъ на лобномъ мѣстѣ». Помню, какъ мнѣ сдѣлалось совѣстно—до выступленія краски на лицѣ, когда я, отвѣчая урокъ, произнесъ эту фразу, а впереди шла другая, уже совсѣмъ великолѣпная, которой я и не рѣшился воспроизвести въ своемъ отвѣтѣ: «облеченный въ кардинальскій пурпуръ, окрашенный кровью жертвъ, въ сопровожденіи мрачныхъ совѣтниковъ своихъ, Лабордемона и патера Іосифа, идетъ онъ (все тотъ-же Ришелье) по трупамъ феодальной аристократіи» и т. д. въ томъ-же родѣ. Я далъ себѣ слово впередъ заранѣе переводить цвѣтистое изложеніе Шульгина, но, не всегда зная факты, скрывавшіеся подъ яркими фразами, или затруднялся это дѣлать, или попадалъ впросакъ. Впослѣдствіи, будучи учителемъ исторіи, я совѣтовалъ своимъ ученикамъ пользоваться Шульгинымъ, какъ книгой для чтенія, но предостерегалъ ихъ относительно языка. Четыре историческія характеристики Гр[illegible]новскаго—превосходная вещь для ученическаго чтенія, но едва-ли-бы и самъ Г[illegible]новскій написалъ свой учебникъ въ стилѣ этихъ характеристикъ. Языкъ учебника долженъ отличаться не только сжатостью и опредѣленностью, но и простотою между тѣмъ Шульгинъ, какъ онъ самъ и заявлялъ это, вносилъ въ свои учебники отдѣльныя выраженія и цѣлыя фразы изъ разныхъ историческихъ сочиненій, если находилъ эти выраженія и фразы особенно мѣткими и яркими. Быть можетъ, полезнѣе, чтобы самъ уче-

никъ, передавая содержаніе учебника, вноситъ въ него свою индивидуальность, нежели чтобы стиралъ индивидуальность автора. Конечно, краткость и простота изложенія не должны доходить до сухости и блѣдности, но это уже зависитъ отъ умѣнія живо и ясно популяризовать и наиболѣе отвлеченныя вещи.

Послѣднее наше замѣчаніе объ изложеніи историческаго учебника касается вопроса о томъ, можно въ учебникѣ иногда и повторяться, или-же повтореній всячески надлежитъ избѣгать? Хотя repetitio est mater studiorum, въ учебникахъ принято держаться правила «non bis in idem». Предполагается, что повтореніе, какъ средство лучше удержать въ памяти, нуждается не въ неоднократномъ упоминаніи факта въ учебникѣ, а въ многократномъ прочитываніи того мѣста, гдѣ говорится о фактѣ: кромѣ того, къ этому соображенію присоединяется и требованіе литературнаго вкуса. Въ учебникахъ исторіи дѣло часто доходитъ до того, что разъ фактъ сообщенъ, то о немъ прямо остерегаются гдѣ-либо сказать еще и во второй разъ. Мнѣ кажется это совсѣмъ неправильнымъ, на что есть и вѣскія, думается мнѣ, основанія.

Мы не имѣемъ права представлять себѣ историческій процессъ и изображать его ученикамъ, какъ одну прямую линію, на которой въ хронологическомъ порядкѣ размѣщаются въ видѣ точекъ отдѣльные факты. Лишь при такомъ изображеніи исторіи можно держаться правила, по которому разъ въ движеніи по прямой линіи все впередъ и впередъ точка пройдена, возвращеніе къ ней немыслимо. Историческій процессъ скорѣе похожъ на цѣлую сѣть переплетающихся линій: всѣ онѣ идутъ въ одномъ направленіи, т.-е. одна другой въ общемъ почти параллельны, но мѣстами одна съ другой соприкасаются, одна другую пересѣкаютъ; причемъ, конечно, эти точки соприкосновенія или пересѣченія принадлежатъ не одной, а по меньшей мѣрѣ двумъ линіямъ. Историкъ обязанъ слѣдить, по возможности, за всѣми этими линіями, и разъ одна и та-же точка встрѣчается на его пути два раза, то въ каждомъ такомъ случаѣ онъ разсматриваетъ ее въ связи съ точками двухъ совершенно различныхъ линій. Такими линіями могутъ быть исторіи отдѣльныхъ странъ. Мы видѣли, что по этому типу построенъ учебникъ новой исторіи Шульгина, и ему, дѣйствительно, приходится то и дѣло говорить объ однихъ и тѣхъ-же фактахъ въ исторіи отдѣльныхъ странъ—гдѣ короче, гдѣ подробнѣе. Не возвращаясь къ вопросу объ удобствахъ или неудобствахъ такой системы, въ свое время разсмотрѣнному, мы только укажемъ, что подобныхъ повтореній не только нельзя избѣжать и при другихъ системахъ, но и не слѣдуетъ во что-бы то ни стало избѣгать. Каждый историческій фактъ имѣетъ разныя стороны, находясь въ связи съ разными прагматическими или культурно-соціальными процессами. Ученикъ

долженъ постоянно объ этомъ помнить, и потому отнюдь не слѣдуетъ сообщать ему фактъ, какъ нѣчто, неподвижно прикрѣпленное къ данному мѣсту въ общемъ построеніи учебника. Въ другой связи у насъ уже шла рѣчь объ отсутствіи въ учебникахъ гибкости; боязнь возвратиться къ разъ уже упоминавшимся фактамъ влечетъ за собою именно такую неподвижность историческаго матеріала, которая мѣшаетъ ученикамъ представлять себѣ исторію не какъ рядъ пересѣкающихся линій, а какъ одну прямую линію, съ которой не приходится сворачивать ни въ какую сторону. Возьмемъ уже бывшій у насъ подъ руками примѣръ—исторію польскихъ раздѣловъ. Конечно, объ этихъ раздѣлахъ лучше сказать въ общей связи, чтобы не повторять одного и того-же въ исторіи разныхъ странъ или не дробить этой исторіи такъ, чтобы въ исторіи Пруссіи говорилось лишь о прусскихъ пріобрѣтеніяхъ, а въ исторіи Австріи лишь объ австрійскихъ, и притомъ самымъ подходящимъ мѣстомъ для разсказа о польскихъ раздѣлахъ будетъ общее изображеніе международной политики второй половины XVIII в. Это не должно, однако, мѣшать тому, чтобы объ этомъ-же фактѣ, какъ уже извѣстномъ, учебникъ сообщилъ ученикамъ и въ другихъ мѣстахъ, т.-е. въ другой связи и даже съ другими подробностями. Лично я помѣстилъ-бы внутреннюю исторію Польши послѣ исторіи ея раздѣловъ, и ученикъ, узнавъ сначала о судьбѣ этого государства въ зависимости отъ хода международныхъ дѣлъ въ ту эпоху, потомъ познакомился-бы и съ внутренними причинами, которыя привели Рѣчь-Посполитую къ такому печальному положенію. Здѣсь-же, т.-е. въ связи съ другими реформами, пришлось-бы разсмотрѣть и конституцію 3-го мая 1791 г., о которой нельзя было-бы не упомянуть, хотя и безъ подробностей, въ исторіи раздѣловъ. Наконецъ, и въ третій разъ учебникъ долженъ говорить о томъ-же фактѣ, именно въ связи съ исторіей французской революціи, разсматривая вліяніе ея на другія страны и вмѣстѣ съ тѣмъ вліяніе польскихъ дѣлъ на ходъ войны Австріи, Пруссіи и ихъ союзниковъ съ революціонной Франціей. Понятно, что основной фактъ долженъ быть изложенъ въ одномъ мѣстѣ настолько полно, чтобы главный его смыслъ былъ понятенъ и безъ дополнительныхъ подробностей въ послѣдующихъ частяхъ учебника, но изъ того, что о фактѣ одинъ разъ въ учебникѣ было уже сказано, вовсе не слѣдуетъ, будто, во избѣжаніе повтореній, въ другой разъ упоминать о немъ не слѣдуетъ ни подъ какимъ видомъ. Повторенія неизбѣжны, если только не устранять ихъ искусственнымъ образомъ, но они, кромѣ того, и полезны для учениковъ, такъ какъ позволяютъ имъ не только возвращаться къ уже извѣстнымъ фактамъ, что лучше ихъ съ этими фактами осваиваетъ и укрѣпляетъ факты въ ихъ памяти, но и знако-

миться съ разными сторонами одного и того-же событія или явленія и понимать его мѣсто въ разныхъ параллельныхъ процессахъ исторіи. Въ послѣднемъ отношеніи главная работа должна лежать на преподавателѣ, но и учебникъ можетъ облегчать ему эту работу, самъ не гоняясь, однако, за тѣмъ, чтобы повторенія были какъ можно чаще. Напротивъ, въ учебникѣ нужно и въ данномъ случаѣ ограничиваться строго необходимымъ.

Итакъ, извѣстная подвижность должна быть не только въ построеніи, но и въ изложеніи учебника. Опять, за неимѣніемъ или, можетъ быть, ненахожденіемъ лучшаго термина, подъ подвижностью изложенія я разумѣю не прямолинейность, заставляющую идти все впередъ и впередъ, а постоянныя возвращенія къ пройденному въ видѣ повтореній уже извѣстнаго. Возьмемъ для примѣра геометрію, которая излагается въ связномъ рядѣ теоремъ, но далеко не такъ, чтобы каждая теорема была только выводомъ изъ предъидущей и только основаніемъ для слѣдующей. Послѣдній порядокъ не соотвѣтствовалъ-бы дѣйствительной связи между отдѣльными теоремами, которая весьма разнообразна, и лишалъ бы учениковъ возможности комбинировать геометрическія истины внѣ данной неподвижной послѣдовательности. Вотъ почему въ изложеніи отдѣльныхъ теоремъ мы постоянно встрѣчаемъ ссылки на разныя, уже извѣстныя истины изъ разныхъ мѣстъ учебника, и именно въ видѣ ихъ повторенія: а такъ какъ-де сумма угловъ въ трехугольникѣ равна двумъ прямымъ, то и т. д. Литературность изложенія, разумѣется, теряетъ отъ такихъ повтореній одного и того-же, но если это нужно и для установленія связи между отдѣльными истинами, и для лучшаго усвоенія ихъ учениками въ смыслѣ лучшаго запоминанія и лучшаго пониманія, то приходится мириться съ этимъ неудобствомъ. Нужно-ли прибавлять, что всѣмъ предъидущимъ я вовсе не хочу убѣдить читателя въ томъ, что историческое изложеніе должно быть подобно геометрическому? Понятно, что въ каждомъ учебномъ предметѣ должна быть и своя общая манера изложенія.

Я не стану перечислять всѣхъ случаевъ, когда и нельзя, и нежелательно избѣгать повтореній. Скажу только о тѣхъ случаяхъ, когда они прямо имѣютъ значеніе педагогическаго пріема, т.-е. помогаютъ ученику запоминать или лучше понимать фактъ. Обыкновенно учебники лишь одинъ разъ отмѣчаютъ хронологическую дату факта, т.-е. когда о немъ упоминаютъ впервые, но было-бы полезно при каждомъ новомъ упоминаніи объ одномъ и томъ-же фактѣ повторять его дату, такъ какъ это не только помогаетъ запоминанію даты, но и облегчаетъ хронологическую оріентировку. Поэтому, напримѣръ, польскіе раздѣлы должны быть отмѣчены своими датами и въ главномъ мѣстѣ, гдѣ о нихъ говорится, и въ изложеніи вну-

тренней исторіи Польши, и при разсказѣ о революціонныхъ войнахъ (второй и третій раздѣлы). Лучше запоминая эти даты, ученикъ въ то-же время въ состояніи будетъ видѣть, что первый раздѣлъ скоро послѣдовалъ за семилѣтнею войною, а второй и третій произошли въ началѣ революціонныхъ войнъ, и что польскій четырехлѣтній сеймъ и французское національное собраніе одновременно работали надъ переустройствомъ государства и въ одномъ году дали конституціи. Когда важно отмѣтить одновременность двухъ царствованій или, наоборотъ, указать на принадлежность ихъ къ разнымъ періодамъ, не мѣшаетъ при имени соотвѣтственныхъ государей ставить и годы ихъ царствованія при каждомъ о нихъ упоминаніи. Вообще хронологія въ учебникѣ исторіи должна играть роль градусной сѣтки на географическихъ картахъ: одна нужна для ориентировки во времени, другая—для ориентировки въ пространствѣ. Относительно собственныхъ именъ тоже нужно держаться правила о полезности повторять иногда указаніе на то, кто былъ названный историческій дѣятель. Это совершенно излишне по отношенію къ наиболѣе выдающимся личностямъ, но если хоть сколько-нибудь можно усумниться въ томъ, что ученикъ вспомнитъ, о комъ идетъ рѣчь, то лучше при собственномъ имени повторить и указаніе на то, чѣмъ именно знаменитъ упоминаемый носитель этого имени. Нѣкоторыя обстоятельства особенно хорошо должны держаться въ памяти учениковъ, такъ какъ ими объясняются многіе факты, и нечего бояться повтореній, если каждый разъ, когда нужно напомнить ученику объ одномъ изъ такихъ обстоятельствъ, это будетъ дѣлаться не въ видѣ ссылки на страницу или параграфъ, а въ видѣ сокращенной передачи о томъ, что о немъ уже было раньше сказано. Изъ многихъ случаевъ выберу одинъ. Въ исторіи Франціи на протяженіи шести вѣковъ ученику приходится встрѣчаться съ названіемъ парламента, и опытъ многихъ преподавателей показываетъ, что ученики не представляютъ себѣ ясно, чѣмъ былъ парижскій парламентъ и въ чемъ состояло отличіе его отъ одноименнаго учрежденія въ Англіи. Конечно, учебникъ средней исторіи долженъ позаботиться о томъ, чтобы учащіеся получили ясное представленіе о французскихъ парламентахъ, но о нихъ не разъ заходитъ рѣчь и въ новой исторіи, гдѣ, не боясь повтореній, не мѣшаетъ иногда отмѣчать ту или другую особенность французскихъ парламентовъ, уже и ранѣе отмѣчавшуюся въ томъ-же учебникѣ. Пожалуй, въ иныхъ случаяхъ, когда употребляется рѣдкій или непривычный терминъ (хотя-бы «секуляризація» въ широкомъ смыслѣ), не слѣдуетъ полагаться на то, что ученикъ вспомнитъ его значеніе или наведетъ о немъ справку, а просто нужно здѣсь-же дать и растолкованіе

*

термина не въ формѣ опредѣленія, даннаго раньше, а въ формѣ описанія того-же явленія въ болѣе понятныхъ выраженіяхъ. Путемъ такихъ повтореній гораздо лучше запоминать годы, собственныя имена, названія учрежденій, научные термины, чѣмъ путемъ зазубриванія по разнымъ таблицамъ или справочнымъ указателямъ. Разумѣется, отъ этого въ учебникѣ окажется не мало такихъ повтореній, которыхъ вообще слѣдуетъ избѣгать въ книгахъ, но такія повторенія будутъ результатомъ не нерадивого отношенія къ дѣлу, а заботы о томъ, чтобы облегчить ученику запоминаніе того, что должно быть заучено.

Повторенія другого рода необходимы для лучшаго уразумѣнія изучаемыхъ фактовъ. Рекомендуя проходить учебникъ сначала поперекъ (по эпохамъ), а потомъ повторять вдоль (по однородными матеріямъ или по странамъ), мы и имѣли въ виду достиженіе лучшаго пониманія и событій. Исторія борьбы нѣмецкихъ князей съ возставшими рыцарями и крестьянами, а потомъ и съ императоромъ въ первой половинѣ XVI в. получитъ разное освѣщеніе, смотря по тому, будетъ-ли она пройдена въ связи съ исторіей реформаціи и параллельно съ событіями реформаціонной эпохи въ другихъ странахъ, или въ связи съ цѣлымъ исторіи Германіи, какъ одинъ изъ моментовъ въ процессѣ ея раздробленія на отдѣльныя княжества. Не говоря уже о томъ, что возвращеніе къ знакомому факту въ другой связи дастъ возможность понять его значеніе болѣе разностороннимъ образомъ, можетъ случиться и такъ, что лишь при вторичномъ прохожденіи ученикъ вообще воспримета отъ факта надлежащее впечатлѣніе, котораго фактъ при первомъ съ нимъ ознакомленіи на него не произвелъ. Учебникъ можетъ достигать того-же результата не только путемъ подходящаго построенія частей, могущихъ проходиться не въ однообразномъ порядкѣ, но и путемъ вторичнаго изложенія уже знакомыхъ фактовъ. Сошлюсь на то, что раньше было сказано о необходимости помѣстить въ древней исторіи особый параграфъ объ Египтѣ послѣ паденія его независимости, въ которомъ были-бы повторены въ общей связи факты, разбросанные въ другихъ частяхъ учебника, или о необходимости въ томъ-же руководствѣ по древней исторіи отдѣла, въ которомъ резюмировалось-бы все, касающееся политическихъ и культурныхъ взаимоотношеній древняго міра. Вообще отдѣльные параграфы учебника не всегда должны давать учащимся только одно новое, раньше бывшее ученикамъ изъ учебника, по крайней мѣрѣ, неизвѣстнымъ. Напримѣръ, исторія реформаціи XVI в. непремѣнно должна быть связана съ состояніемъ католической церкви и съ разными въ ней движеніями въ послѣдніе два вѣка передъ выступленіемъ реформаторовъ XVI в. Въ учебникѣ

средней исторіи, конечно, найдутъ мѣсто и нравственный упадокъ папства и клира, и великій расколъ, и соборы XV в., и Виклефъ, и Гусъ, а въ исторіи отдѣльныхъ странъ за это время ученикъ познакомится съ случаями политической оппозиціи папству со стороны отдѣльныхъ государей, ознакомленіе-же съ гуманизмомъ въ одной изъ первыхъ главъ учебника новой исторіи дастъ ученику и нѣсколько фактовъ для характеристики новыхъ духовныхъ запросовъ. Разъ, однако, всѣ эти факты извѣстны ученику, ничто не мѣшаетъ повторить о нихъ то, что необходимо въ цѣляхъ объясненія генезиса реформаціи, сопоставивъ ихъ въ одномъ мѣстѣ, и уже въ новой связи. Наука заключается не только въ обобщенномъ знаніи, но и въ обобщеніи знанія, не въ одномъ конечномъ результатѣ, но и въ методѣ. Немыслимо, да и не нужно, конечно, учить гимназистовъ методу историческаго изслѣдованія, какъ спеціальному дѣлу ученаго историка, но нужно попутно вводить его въ пользованіе методомъ историческаго мышленія. Учебникъ долженъ давать ученику обобщенное, т.-е. научно обработанное знаніе, но когда представляется случай, учебникъ долженъ самъ обобщать знаніе, такъ сказать, на глазахъ учениковъ, представляя имъ знакомые уже факты въ новой комбинаціи и въ новомъ освѣщеніи. Ставить прямо такую цѣль учебнику, само собою разумѣется, было-бы дѣломъ не педагогичнымъ, но если это можетъ дѣлаться попутно для лучшаго уясненія и утвержденія въ памяти излагаемыхъ фактовъ, пренебрегать этимъ не слѣдуетъ и въ цѣляхъ развитія формальныхъ способностей ученика на изученіи историческаго матеріала.

Историческіе résumés, повторяющіе уже извѣстные ученикамъ факты, могутъ быть и длинными, и короткими, занимать мѣсто самостоятельныхъ параграфовъ и сводиться къ нѣсколькимъ фразамъ въ параграфахъ съ совершенно новымъ содержаніемъ, но во всѣхъ случаяхъ эти résumés будутъ отличаться большею отвлеченностью изложенія, такъ какъ и сами будутъ результатомъ большаго обобщенія. Я называю ихъ résumés даже въ томъ случаѣ, если они играютъ роль вступленій, какъ это можно сказать, напримѣръ, о разсмотрѣніи причинъ и прецедентовъ реформаціи. Разъ отвлеченное разсмотрѣніе,—а такой характеръ непремѣнно будетъ имѣть всякій, положимъ, анализъ причинъ такихъ явленій, какъ паденіе Римской имперіи, крестовые походы, возвышеніе Москвы, реформація и т. п.,—разъ отвлеченное разсужденіе будетъ касаться только тѣхъ фактовъ, которые уже извѣстны ученикамъ, оно и понятно имъ будетъ, и не будетъ представлять опасности въ смыслѣ развитія пустословія, которое нерѣдко появляется у очень юныхъ читателей, берущихся за книги, еще мало доступныя ихъ понима-

нію. Напротивъ того, резюмирующія разсужденія учебника,—которыя, кстати сказать, могутъ и не заучиваться,—должны играть роль руководящихъ примѣровъ, какъ слѣдуетъ пользоваться фактами въ письменныхъ работахъ на историческія темы, хотя-бы на основаніи одного только матеріала, заключеннаго въ учебникѣ. Наоборотъ, нужно всячески избѣгать общихъ обзоровъ и разсужденій программнаго характера, какіе мы находимъ въ учебникѣ Шульгина. Напримѣръ, изложенію новой исторіи съ реформаціоннаго періода онъ предпосылаетъ главу о «новомъ направленіи въ жизни общества и человѣка и раздѣленіи исторіи новыхъ временъ», гдѣ дается рядъ обобщеній, сдѣланныхъ на основаніи фактовъ, которые только будутъ еще изложены. Такой-же характеръ имѣютъ у него и общіе обзоры отдѣльныхъ періодовъ, предпосылаемые ихъ разсмотрѣнію: это—тоже обобщающія программы, которыя не могутъ быть понятны ученику, когда даже самые термины, встрѣчающіеся въ этихъ программныхъ разсужденіяхъ, ученику еще непонятны.

Итакъ, мы вообще допускаемъ въ учебникахъ исторіи рядомъ съ повѣствованіемъ и разсужденія, но какъ вспомогательный пріемъ въ повѣствованіи, каковое мѣсто только и можетъ принадлежать и элементу описательному. Подобно тому, какъ описаніе отдѣльныхъ явленій (напримѣръ, даннаго государственнаго устройства) должно быть научнымъ, а не преслѣдовать цѣлей, положимъ, художественнаго изображенія, такъ и разсужденія въ учебникѣ исторіи должны имѣть исключительно научный характеръ. Ихъ цѣлью можетъ быть только научное объясненіе фактовъ, а не выведеніе изъ нихъ практическихъ уроковъ моральнаго или политическаго свойства въ родѣ басенныхъ нравоученій. Вообще учебникъ долженъ отличаться объективизмомъ изложенія въ смыслѣ свободы отъ національныхъ, вѣроисповѣдныхъ и иныхъ подобнаго рода предубѣжденій, и всякія попытки извлекать изъ отдѣльныхъ случаевъ нравоученія излишни. Ихъ не должно быть даже въ формѣ такихъ обобщеній, какія дѣлаются иногда, когда пользуются отдѣльнымъ случаемъ для заявленія, что и всегда такъ бываетъ, потому что противъ каждаго случая торжества, положимъ, добродѣтели и наказанія порока можно выставить случай и два, и три случая побѣды зла и гибели добра. Не дѣло учебника исторіи давать ученикамъ готовое моральное и общественное міросозерцаніе. Онъ только долженъ помочь юношѣ въ предстоящей ему работѣ самостоятельной выработки міросозерцанія, потому что въ переживаемый нами историческій моментъ это невозможно безъ знанія исторіи, на почву которой переносятъ свои изслѣдованія всѣ гуманитарныя и общественныя науки. Учебникъ исторіи самымъ изложеніемъ своимъ долженъ внушать ученикамъ уваженіе къ фак-

тической истинѣ и научать ихъ видѣть и понимать человѣка и въ самыхъ отдаленныхъ отъ насъ временахъ, и въ странахъ, жизнь которыхъ съ перваго взгляда можетъ показаться намъ совершенно чуждою.

IX.

Оканчиваю мои замѣтки разсмотрѣніемъ, какъ слѣдуетъ пользоваться учебникомъ при преподаваніи, причемъ буду имѣть въ виду преимущественно учебникъ такого типа, о какомъ шла рѣчь, и попутно буду касаться вообще вопросовъ, связанныхъ съ дѣломъ преподаванія исторіи.

Общій принципъ, уже выставленный нами въ началѣ настоящихъ замѣтокъ, заключается въ томъ, что не все, что можетъ содержать въ себѣ учебникъ, должно быть заучиваемо, и что вмѣстѣ съ тѣмъ преподаваніе исторіи не должно ограничиваться лишь тѣмъ, что сообщается учебникомъ. Въ другихъ мѣстахъ уже говорилось не разъ и по разнымъ поводамъ, что въ учебникѣ многое могло-бы только прочитываться. Это могутъ быть, во-первыхъ, разные параграфы вводнаго характера, имѣющіе своею цѣлью лишь заполненіе хронологическихъ пробѣловъ. Въ видѣ частнаго примѣра я укажу, пожалуй, на исторію внѣшней политики въ промежутокъ времени между окончаніемъ войнъ за испанское наслѣдство и великой сѣверной и началомъ войны за австрійское наслѣдство. Для связности общаго изложенія международной политики краткое упоминаніе объ этомъ періодѣ необходимо, да и прочесть о немъ ученикамъ нужно въ виду того, что нѣкоторые факты изъ этого періода могутъ понадобиться. Во-вторыхъ, могли-бы прочитываться только и резюмирующіе обзоры въ родѣ отдѣла о причинахъ реформаціи и ея прецедентахъ, не сообщающіе никакихъ новыхъ фактовъ. Въ-третьихъ, удобно было-бы только прочитывать и такія мѣста, которыя учениками въ общемъ могутъ быть поняты, но которыя имъ трудно было-бы передавать потомъ своими словами. Сюда я отнесъ-бы, напримѣръ, допустимыя въ учебникахъ характеристики философскихъ направленій (различія между Платономъ и Аристотелемъ, между Декартомъ и Бэкономъ и т. п.) или общія указанія на развитіе научныхъ знаній. Кромѣ того, преподавателю исторіи многое приходится сокращать и по недостатку времени, и по малой подготовленности даннаго состава класса, причемъ общимъ указаніемъ *минимума* требованій отъ учениковъ всегда служитъ и программа. Я вполнѣ согласенъ съ проф. Виноградовымъ, который нашелъ нужнымъ отвести въ своемъ учебникѣ новой исторіи гораздо болѣе мѣста XIX вѣку, чѣмъ это было доселѣ принято, но очень хорошо понимаю и то, что на прохожденіе этого

отдѣла въ болѣе обширномъ объемѣ можетъ не хватить достаточно времени, и вотъ въ такомъ случаѣ преподаватель долженъ имѣть возможность отмѣтить для учениковъ то, что въ исторіи XIX вѣка особенно важно знать прежде всего, и только это предоставить имъ заучить, прочитавъ, однако, и все остальное, что сказано о XIX вѣкѣ на страницахъ руководства. По отношенію къ столѣтію, которое скоро будетъ «пропылымъ», такое чтеніе тѣмъ болѣе необходимо, что трудно было-бы указать на такія «книги для чтенія», которыя преподаватель могъ-бы рекомендовать ученикамъ для исторіи нашего столѣтія. Равнымъ образомъ программа всеобщей исторіи въ данной школѣ можетъ и не заключать въ себѣ свѣдѣній по внутренней исторіи Польши,—пусть и не заучиваются соотвѣтственные параграфы, но это не мѣшаетъ ихъ прочитывать при прохожденіи исторіи реформаціи, исторіи католической реакціи и т. п. или прочитать всѣ подъ-рядъ на урокѣ, посвященномъ польскимъ раздѣламъ. Наконецъ, въ сущности ни «примѣрныя программы», которыя выполняются при преподаваніи, ни «одобренныя руководства», по которымъ преподаваніе ведется, не должны настолько стѣснять преподавателя, чтобы въ свое трудное и отвѣтственное дѣло онъ не вносилъ личной иниціативы, личнаго взгляда. Учебнику нужна извѣстная гибкость, извѣстная подвижность частей и для того, чтобы безъ особыхъ затрудненій преподаватель могъ измѣнять порядокъ, въ которомъ ученики знакомятся съ исторіей, если порядокъ, въ какомъ расположено содержаніе учебника, кажется ему въ чемъ-либо неудобнымъ. Равнымъ образомъ нельзя отказать преподавателю въ правѣ и пропускать то или другое въ учебникѣ по своему усмотрѣнію, сообразуясь съ принятой программой, съ количествомъ времени, отведеннаго на прохожденіе курса, съ уровнемъ развитія даннаго класса и даже отдѣльныхъ учениковъ. Въ интересахъ дѣла можно только желать, чтобы перестановки частей и сокращенія дѣлались не во время прохожденія курса, а были намѣчены заранѣе по опредѣленной системѣ и на основаніи соображеній общаго характера. Особенно съ молодыми преподавателями, не имѣющими еще глазомѣра старыхъ педагоговъ, случается часто такая исторія, что начнетъ онъ курсъ разнаго рода дополненіями къ учебнику, который станетъ даже диктовать ученикамъ, а потомъ спохватится уже довольно поздно, что времени у него не останется на окончаніе курса, и вотъ пойдетъ рука вычеркивать изъ учебника «менѣе важное», хотя-бы вычеркиваемое было въ сто разъ важнѣе того, что въ началѣ курса диктовалось въ дополненіе къ учебнику. Авторы учебниковъ иногда сами указываютъ, печатая болѣе мелкимъ шрифтомъ, вещи менѣе важныя, но едва-ли такія указанія нужны

самимъ преподавателямъ. Сомнѣваюсь, чтобы это было нужно и для учащихся. Для послѣднихъ скорѣе бываютъ полезны отмѣтки курсивомъ или жирнымъ шрифтомъ всего наиболѣе важнаго въ текстѣ, но и безъ этого, я полагаю, можно было-бы обходиться, предоставляя самимъ ученикамъ (какъ это особенно въ ходу у студентовъ, изучающихъ свои руководства или профессорскія лекціи) подчеркивать или отмѣчать какъ-нибудь иначе то, на что нужно обратить особое вниманіе, что особенно слѣдуетъ запомнить или что прямо должно броситься въ глаза при бѣгломъ повтореніи. Не знаю, насколько это одобряется или не одобряется въ нашихъ школахъ съ точки зрѣнія опрятности школьныхъ пособій и бережнаго отношенія къ книгамъ вообще, но мнѣ кажется, что въ вопросѣ есть и другая сторона. Нужно-же и самому учащемуся дать нѣкоторую самостоятельную работу въ отыскиваніи того, что наиболѣе важно и существенно. Мнѣ не разъ случалось видѣть учебники съ курсивомъ и жирнымъ шрифтомъ и ученическія отмѣтки въ нихъ, которыя не всегда совпадали съ отмѣтками автора.

Составители какихъ угодно учебниковъ всегда имѣютъ въ виду, что учиться по нимъ будутъ подъ руководствомъ преподавателя. Чѣмъ менѣе думаетъ авторъ дать просто интересную книжку для дѣтскаго или юношескаго чтенія, которая по своей популярности не требовала бы для ея читателей еще особаго истолкователя ея содержанія, тѣмъ менѣе, конечно, онъ имѣетъ въ виду дать дѣйствительный школьный учебникъ, который не можетъ быть настолько занимателенъ и настолько удобопонятенъ, чтобы въ учителѣ и надобности никакой не было.

По отношенію къ учебнику исторіи роль преподавателя должна быть двоякою, и это уже вопросъ второстепенный, при помощи какихъ пріемовъ онъ дѣлаетъ свое дѣло. Будетъ-ли онъ обращаться къ ученикамъ съ связнымъ изложеніемъ («объяснять» или «разсказывать», а пожалуй, и «читать лекцію»), или вести съ ними бесѣду («разсуждать» и «заставлять разсуждать»), это—кто какъ умѣетъ. У каждаго учителя исторіи долженъ въ концѣ концовъ выработаться свой пріемъ, но, во всякомъ случаѣ, учебникъ долженъ быть, во-первыхъ, разъясненъ, растолкованъ ученикамъ, а во-вторыхъ, его содержаніе должно быть дополнено и оживлено разными подробностями и характерными чертами. Преподаватели, задающіе «отсель и досель», кажется, въ настоящее время представляютъ изъ себя исключеніе, но, къ сожалѣнію, мнѣ часто приходилось слышать о преподавателяхъ, которые сводятъ «заданіе урока» къ простому прочтенію въ классѣ того куска учебника, который классомъ долженъ быть «приготовленъ къ слѣдующему разу». Но мо-

ему, это—пустая трата времени. Читать ученики умѣютъ и сами слушать то, что задается къ слѣдующему уроку, особыхъ побужденій у нихъ и не можетъ быть: все равно, придется учить дома, потому что съ одного раза, конечно, не запомнишь. Когда содержаніе задаваемаго урока слишкомъ просто и понятно, не грѣхъ задать просто «съ этихъ поръ до этихъ», но когда мѣсто требуетъ разъясненія, оно должно быть прочитано, но именно съ разъясненіями, которыя потомъ преподаватель и въ правѣ требовать при провѣркѣ знаній класса, т.-е. при спрашиваніи уроковъ. Понятно, что необходимыя разъясненія должны быть даваемы ранѣе приготовленія соотвѣтственнаго урока учениками, при чемъ не только должно быть растолковано, если это нужно, самое содержаніе задаваемаго урока, но и показано отношеніе новыхъ фактовъ къ старымъ, уже извѣстнымъ классу, т.-е. должны быть выяснены причинныя или эволюціонныя связи между ними, сходства или различія, которыя между ними могутъ быть обнаружены, и т. п. Этимъ самымъ преподаватель долженъ всегда особенно стараться, чтобы ученики не теряли изъ виду того цѣлаго, которое имъ сообщается по частямъ въ отдѣльныхъ урокахъ *). Тутъ лучше избѣгать сообщенія ученикамъ подробностей и всего, что можетъ служить, такъ сказать, лишь для оживленія и украшенія. Это уже вторая задача преподавателя исторіи. Изъ личнаго своего опыта въ качествѣ преподавателя гимназіи,—а я пробылъ имъ пять лѣтъ,—я вынесъ то убѣжденіе, что впередъ разсказывать задаваемый ученикамъ урокъ съ разными подробностями, не содержащимися въ учебникѣ, съ характеристиками лицъ, анекдотами о нихъ и т. п., положительно не стоитъ: ученики слушаютъ, а когда ихъ спрашиваешь потомъ, они отвѣчаютъ такъ, какъ сказано въ учебникѣ, и изъ вашего разсказа очень мало помнятъ. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ наладить преподаваніе по этому способу, я обратился къ діаметрально-противоположной системѣ, которая удавалась какъ нельзя лучше,—и я сталъ уже твердо держаться новаго метода и вносить въ него разныя усовершенствованія. Этотъ второй пріемъ заключался въ разсказываніи ученикамъ какъ-разъ того, что имъ должно было быть приготовлено къ очередному уроку (или двумъ-тремъ урокамъ). Напримѣръ ученики должны были окончить исторію царствованія Людовика XIV, раздѣленную на три раза, и вотъ весь часъ или большую его часть я посвящалъ разсказу именно о цар-

*) Поэтому и при спрашиваніи урока нельзя ограничиваться однимъ очереднымъ урокомъ, а слѣдуетъ спрашивать и старое. Содержаніе главнѣйшихъ историческихъ знаній всегда должно быть на-лицо, какъ и содержаніе грамматическихъ правилъ или геометрическихъ теоремъ.

ствованіи Людовика XIV, съ которымъ ученики только что познакомились по учебнику. Въ этомъ разсказѣ я могъ лишь слегка упоминать объ однихъ фактахъ, извѣстныхъ изъ учебника, или даже прямо проходить ихъ молчаніемъ, дабы имѣть возможность подробнѣе говорить о другихъ или познакомить учениковъ съ такими, о которыхъ въ учебникѣ не было сказано. Иногда такой разсказъ превращался въ лекцію, которая тѣмъ понятнѣе была ученикамъ, что въ общихъ чертахъ предметъ ея былъ ими только что усвоенъ изъ учебника, и имъ хорошо было извѣстно, кто такіе были разные Кольберы, Лувуа, Боссюэты и Фенелоны, о которыхъ сообщались разныя подробности въ подобной лекціи. Я отнюдь не настаиваю, чтобы сообщенія ученикамъ разныхъ подробностей о томъ, что они вкратцѣ узнаютъ изъ учебника, совершалось непремѣнно въ формѣ лекціи. Многое зависитъ отъ склада ума и дара слова преподавателя, многое—отъ возраста и степени развитія учащихся, многое и отъ свойства темы. Въ средней школѣ можно съ пользою прочесть лекцію, имѣющую содержаніемъ характеристику личности и царствованія Людовика XIV, но едва-ли это удобно по отношенію къ генезису и основнымъ чертамъ феодализма, для чего лучше всего держаться текста учебника и его комментировать, сообщая попутно (при задаваніи урока или при его спрашиваніи) и разнаго рода подробности, лучше объясняющія или болѣе рельефно представляющія суть дѣла. Притомъ, устный разсказъ преподавателя можетъ замѣняться класснымъ или внѣкласснымъ (съ провѣркою) чтеніемъ указанныхъ отрывковъ.

Разъяснять учебникъ и дополнять его преподаватель долженъ и при спрашиваніи уроковъ. Процессъ спрашиванія урока, можетъ быть, нигдѣ не имѣетъ такого важнаго педагогическаго значенія, какъ въ преподаваніи исторіи, если только не смотрѣть на спрашиваніе, какъ на пріемъ, имѣющій единственною цѣлью удостовѣреніе въ томъ, что ученики готовятъ уроки. Спрашиваніе урока должно быть бесѣдой преподавателя съ классомъ, во время которой они общими силами совершали-бы надъ извѣстными ученикамъ фактами разныя умственныя операціи, какія только возможны при ограниченномъ количествѣ фактовъ и данной степени развитія учениковъ. Главная цѣль преподаванія исторіи, конечно, въ сообщеніи ученикамъ извѣстнаго запаса знаній, вполнѣ ими притомъ понятыхъ и сознательно усвоенныхъ, но если въ то-же время происходитъ, благодаря этому преподаванію, и развитіе формальныхъ способностей учащихся, то не слѣдуетъ пренебрегать и этою стороною дѣла. Пора перестать приписывать отдѣльнымъ предметамъ спеціальныя функціи въ развитіи формальныхъ способностей въ

родѣ памяти, плавной и послѣдовательной рѣчи, способности къ отвлеченію или обобщенію, къ анализу или наблюденію. Всѣ предметы одинаково, хотя и въ разной, конечно, мѣрѣ, могутъ содѣйствовать развитію въ ребенкѣ, подросткѣ или юношѣ и памяти, и умѣнья излагать свои мысли, и разныхъ мыслительныхъ способностей. Мы уже говорили, что взглядъ на преподаваніе исторіи, какъ на способъ развивать память учащагося юношества или учить ихъ хорошо разсказывать, есть взглядъ и устарѣлый, и по существу ошибочный. Развиваетъ память и учитъ излагать мысли преподаваніе каждаго предмета, потому что вездѣ нужно что-нибудь запоминать и затѣмъ излагать заученное преподавателю. Умственныя операціи со стороны учениковъ должны требоваться не только при рѣшеніи математическихъ задачъ или при примѣненіи грамматическихъ правилъ къ переводамъ и такъ называемымъ разборамъ, но и въ бесѣдахъ учителя съ классомъ о разныхъ историческихъ событіяхъ и явленіяхъ. Въ исторіи тоже могутъ быть и задачи, какъ въ математикѣ, и разборы, какъ при грамматическомъ изученіи языка: найти причину факта, разложить сложную причину на ея составныя части, возсоздать причинную цѣпь между двумя фактами, не находящимися въ непосредственной связи, показать, какъ видоизмѣняются слѣдствія одной и той-же причины при разныхъ условіяхъ, опредѣлить значеніе явленія, какъ извѣстнаго момента развитія, въ опредѣленномъ эволюціонномъ процессѣ, показать взаимодѣйствіе двухъ параллельныхъ процессовъ, найти черты сходства или черты различія между двумя (или болѣе) учрежденіями, двумя культурными явленіями, двумя процессами и т. п. Для исторіи можно было-бы даже составить такой-же задачникъ, какіе существуютъ для математическихъ предметовъ, и даже задачникъ, прямо приспособленный къ опредѣленному учебнику, и это было-бы не собраніемъ повторительныхъ вопросовъ, а такихъ вопросовъ, на которые готовыхъ отвѣтовъ въ учебникѣ даже и нѣтъ. Главное, однако, не въ подобномъ руководствѣ, а въ томъ, чтобы преподавателями исторіи были люди, знающіе, понимающіе и любящіе свой предметъ, прошедшіе спеціально историческую школу въ университетѣ, не разрывающіе связи съ наукой, досконально знакомые съ учебнымъ матеріаломъ и избраннымъ ими руководствомъ. Такіе преподаватели будутъ и толково объяснять непонятное или малопонятное въ учебникѣ, и интересно разсказывать, и пріохочивать учениковъ къ серьезному историческому чтенію, и пріучать ихъ самихъ исторически мыслить, превращая спрашиваніе уроковъ въ научныя бесѣды или задавая ученикамъ историческія темы для письменныхъ работъ.

Замѣчу вообще, что письменныя работы на историческія темы

могутъ быть то-же большимъ подспорьемъ при преподаваніи исторіи. Имъ можно придавать весьма разнообразный характеръ. Иногда матеріаломъ для такихъ «сочиненій» можетъ служить самъ учебникъ, въ тѣхъ именно случаяхъ, когда ученикамъ ставятся небольшіе вопросы, не требующіе для своего рѣшенія большой подготовки и предварительнаго чтенія какихъ-либо пособій и источниковъ. Нерѣдко подъ историческими сочиненіями разумѣются лишь сочиненія на историческія темы, но совершенно литературнаго характера въ родѣ тѣхъ, которыя задаются преподавателями словесности. Я имѣю въ виду и маленькія письменныя работы, въ которыхъ самымъ главнымъ должно быть рѣшеніе какой-либо исторической задачи, посильной ученику, а не простое изложеніе чего-либо уже готоваго. У знающаго и опытнаго преподавателя темъ для такихъ задачъ найдется не мало.

Учебникъ долженъ проходиться съ такимъ разсчетомъ, чтобы оставалось достаточно времени для общаго повторенія, которое могло-бы вестись притомъ не въ порядкѣ его прохожденія. Объ этомъ уже говорилось раньше, но тутъ я прибавлю, что лучше всего было-бы повторить сначала исторію отдѣльныхъ странъ, потомъ перейти къ исторіи международныхъ отношеній и завершить все повтореніемъ общихъ обзоровъ отдѣльныхъ эпохъ, т.-е. въ порядкѣ, обратномъ тому, въ какомъ названныя рубрики слѣдуютъ одна за другою въ учебникѣ, построенномъ по вамѣченному выше плану. Опять выражаясь терминами схемы, сначала нужно пройти исторію поперекъ, потомъ—вдоль, но при этомъ повтореніи начать послѣдними рубриками (исторіей отдѣльныхъ странъ) и кончить первыми. Задача такого повторенія—воспроизвести въ памяти учениковъ все выученное въ новой связи, и лучше въ такомъ случаѣ начать съ фактовъ болѣе мѣстнаго значенія, чтобы закончить явленіями характера наиболѣе общаго.

Конечно, лучше всего было-бы, если-бы для каждой части учебника существовала и примѣнительно къ нему составленная книга для класснаго или внѣкласснаго чтенія, которая могла-бы давать и матеріалъ для письменныхъ работъ на историческія темы. Равнымъ образомъ было-бы хорошо, если-бы и историческій атласъ, которымъ будутъ пользоваться ученики, былъ составленъ примѣнительно къ учебнику, по которому они проходятъ курсъ исторіи *). Но ни то, ни другое не должно конечно, было-бы исключать

*) Не разсматриваю здѣсь подробно вопроса объ историческомъ атласѣ для средней школы. Скажу только, что онъ не долженъ быть исключительно атласомъ границъ между отдѣльными государственными территоріями въ разное время, но и атласомъ культурной территоріи. Кромѣ подробнаго атласа, въ самомъ учебникѣ должны быть маленькія карточки, на которыя должны быть нанесены самыя необходимыя данныя, которыя помогали-бы ученику лучше

пользованія другими книгами и атласами. Чѣмъ богаче подобными пособіями школьная библіотека, тѣмъ лучше. У учителя и у учениковъ всегда должны быть подъ руками необходимыя книги, и разные атласы, и иллюстраціи (предметы бытовой культуры, памятники искусствъ, портреты историческихъ дѣятелей, снимки съ картинъ историческаго содержанія и т. п.). Въ то время, когда я учился въ гимназіи (вторая половина шестидесятыхъ годовъ) и даже когда уже самъ былъ преподавателемъ гимназіи, не было еще такихъ пособій, какія существуютъ въ настоящее время въ видѣ историческихъ хрестоматій, популярныхъ руководствъ по исторіи отдѣльныхъ странъ или сторонъ общественной жизни, біографій замѣчательныхъ лицъ и т. п. Кромѣ школьной и популярной литературы, преподаватель можетъ и даже прямо въ иныхъ случаяхъ долженъ знакомить учениковъ въ отрывкахъ съ серьезными историческими сочиненіями или указывать на тѣ или другія изъ нихъ, какъ на пособія при письменныхъ работахъ на историческія темы. Литературныя произведенія то-же должны утилизироваться преподавателемъ исторіи. Иногда они прямо могутъ читаться, какъ памятники, если они по времени относятся къ изучаемымъ эпохамъ. Исторію русской литературы хорошо было-бы поэтому проходить параллельно и въ связи съ общей исторіей Россіи, но и вообще при прохожденіи послѣдней, не мѣшаетъ прочитывать, хотя-бы кусочки только, изъ тѣхъ памятниковъ, о которыхъ приходится упоминать въ курсѣ (начальная лѣтопись, «Слово о полку Игоревѣ», «Переписка Курбскаго съ Иваномъ Грознымъ», «Наказъ Екатерины II» и т. п.). То-же можетъ быть дѣлаемо и по отношенію къ исторіи всеобщей, тѣмъ болѣе, что въ нашихъ школахъ не проходится исторіи иностранныхъ литературъ (напримѣръ, отрывки изъ «Пѣсни о Роландѣ», изъ «Писемъ темныхъ людей», изъ «Похвалы глупости», изъ разсужденія Руссо о наукахъ и искусствахъ и т. п.). Съ другой стороны, позднѣйшія литературныя произведенія на историческія темы могутъ прочитываться въ классѣ (особенно для учениковъ младшаго возраста) при прохожденіи соотвѣтственныхъ событій. Не думаю, однако, чтобы полезно было включать поэтическій матеріалъ прямо въ учебники, какъ это иногда дѣлается, повидимому, для того, чтобы они не казались слишкомъ сухими.

представить себѣ территоріальныя измѣненія въ разныя эпохи и распространеніе какихъ-либо общихъ культурныхъ явленій. Напримѣръ, для исторіи реформаціонной эпохи нужна была-бы спеціальная карточка имперіи Карла V и такая-же карточка распространенія разныхъ формъ протестантизма. Таблицы съ такими маленькими картами должны быть вклеены въ книгу такъ, чтобы ученикъ могъ-бы ими пользоваться, имѣя ихъ рядомъ съ читаемымъ текстомъ.

Имѣются въ продажѣ сочиненія Н. И. КАРѢЕВА:

Основные вопросы философіи исторіи. Изд. 3-е. 1897. Ц. 2 р. 50 к.

Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. 1890. Ц. 4 р.

Введеніе въ изученіе соціологіи. 1897. Ц. 2 р.

Историко-философскіе и соціологическіе этюды. Изд. 2-е. 1899. Ц. 2 р.

Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ. 1896. Ц. 1 р.

Исторія Западной Европы въ новое время. Первые три тома во 2-омъ изд. (1898—99) продаются отдѣльными вып. по 1 р. (I и II в.), 1 р. 50 к. (IV и V в.). Цѣна томовъ IV и V—4 и 5 р.

Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени. 1893. Ц. 1 р.

Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г. 1881. Ц. 1 р.

Очеркъ исторіи реформаціоннаго движенія и католической реакціи въ Польшѣ. 1886. Ц. 1 р. 50 к.

Историческій очеркъ польскаго сейма. 1888. Ц. 1 р.

Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи. Изд. 6-е. 1896. Ц. 50 к.

Бесѣды о выработкѣ міросозерцанія. Изд. 4-е 1895. Ц. 50 к.

Мысли объ основахъ нравственности. Изд. 2-е. 1896. Ц. 40 к.

Мысли о сущности общественной дѣятельности. 1895. Ц. 50 к.

Выборъ факультета и прохожденіе университетскаго курса. Изд. 2-е. 1900. Ц. 40 к.

Les paysans et la question paysanne en Franse au dernier quart du XVIII siècle. Paris. 1899. Ц. 12 фр. (Русское изданіе распродано).

Causes de la chute de la Pologne. Vevey. 1893. Ц. 1 фр.

Upadek Polski w literaturze historycznej. Kraków. 1892. Ц. 3 гульд. (Русское изданіе распродано).

ПЕЧАТАЕТСЯ:

«Учебная книга новой исторіи». Н. И. Карѣева.

Открыта подписка на 1900 годъ (11-й годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА".

Въ теченіе 1899 года въ «Русской Школѣ» напечатаны были, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Очерки современнаго состоянія начальнаго народ. образованія въ Зап. Европѣ. М. И. Страховой; 2) Очерки по исторіи русской школы. Э. В. 3) Возрожденіе воскресныхъ школъ. Я. В. Абрамова; 4) Начальная школа Министр. Народ. Просвѣщенія. В. И. Фармаковскаго; 5) На зарѣ земской школы. (Изъ воспоминаній стараго педагога). С. А. Бобровскаго; 6) Вопросы народнаго образованія въ земскихъ собраніяхъ сессіи 1898 года. И. П. Бѣлокопскаго; 7) Мѣры борьбы съ алкоголизмомъ путемъ школы. А. С. Вирениуса; 8) Характеръ, способы его изученія и классификація его типовъ. Л. Е. Оболенскаго; 9) Мысли о воспитаніи и обученіи. К. П. Яновскаго; 10) Новое воспитаніе. Н. Ѳ. Арепьева; 11) Къ психологіи нашихъ подростающихъ поколѣній. Н. П. П.; 12) Учительскій вопросъ въ народной школѣ. И. П. Бѣлокопскаго; 13) Наиболѣе доступные способы приготовленія кандидатовъ на учительскія должности народныхъ училищъ. А. П. Раменскаго; 14) Желательныя измѣненія въ организаціи временныхъ педагогическихъ курсовъ. В. Г. Зимницкаго; 15) О педагогической подготовкѣ учителей для среднихъ учебныхъ заведеній. Рядъ статей: М. А. Мироніева, А. И. Анастасіева, А. И. Кирпичникова, А. С. Вирениуса и Я. Г. Гуревича; 16) Къ вопросу о реформѣ системы средняго образованія. Я. Г. Гуревича; 17) Замѣтки о преподаваніи русскаго языка на первой ступени. В. П. Вахтерова; 18) Обученіе выразительному чтенію въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. В. Г. Зимницкаго; 19) О значеніи генетическаго принципа въ методикѣ начальной ариѳметики. Кл. Тихомирова; 20) Нѣмецкая и русская методика ариѳметики за текущее столѣтіе. М. И. Успенскаго; 21) О чтеніи псалмовъ въ начальной школѣ. А. Ѳ. Соколова; 22) Рутина въ преподаваніи географіи. Ѳ. Г. Шубина; 23) О курсѣ исторіи въ начальной школѣ. Е. Чебышевой-Дмитріевой; 24) О преподаваніи исторіи въ средней школѣ. Н. И. Карѣева; 25) Къ вопросу о постановкѣ преподаванія древнихъ языковъ въ нашихъ гимназіяхъ. А. П. Флерова; 16) О постановкѣ преподаванія педагогики въ женскихъ гимназіяхъ. А. П. Нечаева; 27) О постановкѣ преподаванія русскаго языка въ VIII классѣ женскихъ гимназій. П. А. Селиванова; 28) Сельско-хозяйственное образованіе женщинъ . В. Бирюковича, и др.

Въ каждой книжкѣ «Русской Школы», кромѣ отдѣла Критики и библіографіи печатаются: хроника народнаго образованія въ Зап. Европѣ Е. Р., хроника народнаго образованія въ Россіи и хроника народныхъ библіотекъ Я. В. Абрамова, хроника воскресныхъ школъ Х. Д. Алченской и М. Н. Салтыковой, хроника профессіональнаго образованія В. В. Бирюковича и пр.

«Русская Школа» выходитъ ежемѣсячно книжками, не менѣе пятнадцати печ. листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—семь руб., съ доставкою 7 руб. 50 коп.; для иногородныхъ съ пересылкою — восемь руб.; за границу—девять руб. въ годъ. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за шесть руб. въ годъ, съ разсрочкою уплаты въ два срока. Города и земства, выписывающіе не менѣе 10 экз., пользуются уступкою въ 15%.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (Лиговская ул., 1).

Редакторъ-издатель Я. Г. ГУРЕВИЧЪ.

Продаются во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ

ИЗДАНІЯ Я. Г. ГУРЕВИЧА:

1) **Исторія Греціи и Рима** (Курсъ систематическій). Изданіе 7-е, исправленное. 1899 г. Цѣна 1 р. Удостоена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія преміи имени Петра В.

2) **Обзоръ главныхъ явленій средней исторіи по вѣкамъ.** Цѣна 60 к.

3) **Историческая хрестоматія по новой и новѣйшей исторіи.** Т. I, изданіе 4-е. Цѣна 2 р. 50 к.

4) То-же. Т. II, изданіе 3-е. Цѣна 2 р.

5) **Историческая хрестоматія по русской исторіи,** составленная Я. Г. Гуревичемъ и Б. А. Павловичемъ. Т. I, изданіе 4-е. Цѣна 1 р. 75 к. Т. II, изд. 4-е. Цѣна 2 р. 25 коп.

6) **Историческая хрестоматія по русской исторіи** (Время Петра Великаго), составленная Я. Г. Гуревичемъ. Т. 3-й, изданіе 2-е. Цѣна 2 р. 25 к.

7) **Сравнительно-конспективныя таблицы по новой и новѣйшей исторіи.** Цѣна 80 к.

8) **Происхожденіе войны за испанское наслѣдство и коммерческіе интересы Англіи.** Сочиненіе Я. Г. Гуревича. Цѣна 1 р.

9) **Значеніе царствованія Людовика XV и его личности.** Вступительная лекція, читанная въ С.-Петербургскомъ университетѣ 20-го сентября 1885 г. приватъ-доцентомъ Я. Г. Гуревичемъ. Цѣна 20 к.

СКЛАДЪ всѣхъ означенныхъ изданій находится въ книжныхъ магазинахъ:

М. Залшупина. Варшава, Новый Свѣтъ, 24. Контора въ С.-Петербургѣ, Б. Московская, д. № 11.

М. Стасюлевича. С.-Петербургъ, Вас. Остр., 5 линія, д. 28.

Открыта подписка на 1900 годъ

(11-ый годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Я. Г. ГУРЕВИЧА.

Въ 1900 году журналъ „Русская Школа“ будетъ издаваться по той-же программѣ и при томъ-же составѣ сотрудниковъ, что и въ 1899 году. Журналъ выходитъ ЕЖЕМѢСЯЧНО книжками, не менѣе ПЯТНАДЦАТИ печатныхъ листовъ каждая. Подписная цѣна: въ Петербургѣ безъ доставки—СЕМЬ рублей въ годъ, съ доставкою СЕМЬ рублей пятьдесятъ коп.; для иногородныхъ съ пересылкою ВОСЕМЬ рублей; съ пересылкой за границу ДЕВЯТЬ рублей. Земства, выписывающія не менѣе 10 экз. журнала, пользуются уступкой въ 15%. Сельскіе учителя, выписывающіе журналъ за свой счетъ, могутъ получать журналъ за ШЕСТЬ рублей въ годъ, съ разсрочкой уплаты въ два срока.

Въ «Русской Школѣ» принимаютъ участіе слѣд. лица: Я. В Абрамовъ, Х. Д. Алчевская, А. И. Анастасіевъ, М. А. Андреяновъ, И. Ѳ. Анненскій, М. А. Антоновичъ Н. Ѳ. Арепьевъ, Ц. П. Балталонъ, В. Л. Бернштаммъ, В. В. Бирюковичъ, С. А. Бобровскій А. В. Бѣлецкій, И. П. Бѣлокопскій, проф. Д. Ѳ. Бѣляевъ, проф. Н. И. Быстровъ, проф Н. П. Вагнеръ, В. П. Вахтеровъ, П. И. Вейнбергъ, проф. А. Д. Вейсманъ, Н. Х. Весселъ, А. С. Виреніусъ, Е. М. Гаршинъ, В. П. Геннингъ, М. Ю Гольдштейнъ, В. В. Гориневскій, Я. Г. Гуревичъ, Н.Г. Дебольскій, М. И.Демковъ, А. А. Дмитревскій. И. И. Евсѣевъ, К. В. Ельницкій, И. П. Житецкій, П. В. Засодимскій, К. А. Ивановъ, проф. Д. Н. Кайгородовъ, А. М. Калмыкова, П. Ѳ. Каптеревъ, проф. Н. И. Карѣевъ, В. А. Келтуяла, Н. А. Кричагинъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, Е. П. Ковалевскій, Д. А. Коропчевскій, А. А. Красевъ, проф. Ю. А. Кулаковскій, проф. Н. Н. Ланге, М. К. Лемке, В. А. Латышевъ, проф. П. Ф. Лесгафтъ, І. Э. Мандельштаммъ, Ѳ. С. Матвѣевъ, И. И. Мещерскій, П. Г. Мижуевъ, К. Н. Модзалевскій, проф. В. И. Модестовъ, Я. Г. Моръ, А. П. Налимовъ, Л. Е. Оболенскій, Н. Ѳ. Одинцовъ, проф. И. Г. Оршанскій, С. А. Острогорскій, О. Х. Павловичъ, М. Л. Песковскій, Н. И. Позняковъ, А. П. Раменскій, О. И. Рогова, В. Л. Розенбергъ, Н. А. Рубакинъ, Я. И. Рудневъ, М. Н. Салтыкова, Д. Д. Семеновъ, А. С. Симоновичъ, К. К. Сентъ-Илеръ, А. Ѳ. Соколовъ, Е. А. Соловьевъ, К. М. Станюковичъ, А. Н. Страннолюбскій, М. И. Страхова, проф. А. С. Трачевскій, Н. В. Тулуповъ, А. М. Тютрюмовъ, В. И. Фармаковскій, А. П. Флеровъ, В. А. Флеровъ, К. Ю. Цируль, В. В. Часовниковъ, Д-ръ В. Ф. Якубовичъ, С. И. Шохоръ-Троцкій, А. Н. Щукаревъ, К. П. Яновскій и нѣкоторые другіе.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (уголъ Лиговской и Бассейной, гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и Карбасникова.

Редакторъ-издатель Я. Г. Гуревичъ.